

Личный состав боевой группы приступил к выполнению поставленных задач. В это время в расположение группы прибыли майор Р. Рахимов и старший лейтенант А. Исправников. Офицерам показали дом, затем поднялись на крышу, откуда стали осматривать прилегающую местность.

Когда офицеры намеревались уйти с крыши, по двум бронетранспортерам мотоманевренной группы, находящимся на открытом поле, моджахеды из противотанковых гранатометов и стрелкового оружия открыли ураганный огонь. Бронетранспортеры, отстреливаясь, попятились назад и через несколько минут оставили поле боя. В результате осуществленного моджахедами огневого налета на бронетехнику вторая десантно-штурмовая застава осталась один на один с наступающим противником.

Душманы, используя складки местности и арычную систему, совершили скрытный обходящий маневр и провели атаку с фронта и тыла, окружив дом, занятый десантниками.

С первыми выстрелами, произведенными противником, по команде «К бою» личный состав занял заранее указанные огневые точки. Учитывая, что занятый группой дом к этому времени не был подготовлен к бою в инженерном отношении, часть личного состава приступила к срочной его подготовке к обороне. Два входа в дом были закрыты мешками с зерном, перед каждым окном выставлены по два десантника, которые могли бы обеспечить прикрытие пограничников от внезапного проникновения душманов во двор обороняемого здания.

Противник осознал свое полное превосходство после ухода погра-

ничной бронетехники. Сосредоточив часть сил во втором доме, моджахеды через пролом в заборе атаковали занятое десантниками здание. Тыловой вход в дом обороняли двое десантников, но огонь из автоматов был неэффективен, так как сектор обстрела был сильно ограничен. Моджахеды уже были готовы ворваться во двор, атаковали в полный рост, нагло, открыто.

В это время старший лейтенант Г. Симаков, обнаружив возникшую для защитников дома угрозу, выбежал через основной выход из дома и, забежав за угол, оказался напротив пролома в заборе. С минимального расстояния он открыл по противнику огонь из автомата длинными очередями. Пятеро отчаянных душманов уже достигли пролома в заборе, за ними спешила поддержка. После первой автоматной очереди, произведенной Г. Симаковым, несколько душманов упали, остальные, подхватив упавших, отстреливаясь, стали отходить. Уже потом выяснилось, что этой автоматной очередью был убит полевой командир формирования. После этого наступательные действия моджахедов на этом направлении прекратились.

Однако на этом бой не завершился, другая группа моджахедов по пересохшим арыкам вышла к воротам и открыла ураганный пулеметный и ружейный огонь по пограничникам. Противоборствующие стороны разделял только высокий глинобитный забор. Возникла реальная угроза прорыва противника в дом через ворота или забор.

Учитывая всю сложность ситуации, офицерами было принято решение уничтожить противника, находящегося в арыке у ворот. Так как расстояние до бандитов, нахо-

дящихся в арыке, составляло не более 15 метров, определили, что их следует забросать гранатами Ф-1 с крыши дома. Дальнейшее сопротивление моджахедов рассчитывали подавить огнем 1-й десантной группы заставы, которая теперь находилась в тылу бандформирования.

Забросать душманов гранатами вызвался рядовой взвода АГС-17 Петр Стрельцов. Старший лейтенант А. Исправников, собрав гранаты, передал их десантнику. Метко брошенные с крыши дома П. Стрельцовым две гранаты легли точно в цель. Разрывы гранат в арыке сопровождались душераздирающими криками моджахедов. По указанию майора Р. Рахимова огонь из пулеметов открыла первая боевая группа десантной заставы. Через несколько минут боя противник больше не оказывал никакого сопротивления.

Отразив атаки моджахедов, вторая боевая группа приступила к подготовке здания к обороне в ночное время. Для ведения боя оборудовали крышу дома, а окна закрыли мешками с зерном, оборудовав там бойницы. Несмотря на потери душманов, ночных атак с их стороны никто не исключал. Дом превратился в крепость. Новых атак противник уже больше не предпринимал.

На следующий день майор Р. Рахимов получил информацию о том, что в ходе боевых действий был уничтожен командир бандформирования, несколько десятков боевиков были убиты или ранены. В этом боевом столкновении вторая десантно-штурмовая застава потерь не имела.

Во второй половине дня вторая десантно-штурмовая застава на вертолетах убыла в Московский пограничный отряд...

С честью исполнили свой долг!

*Записки начальника 1-й мотоманевренной группы
Термезского пограничного отряда КСАПО подполковника Б.Ф. Лисицкого*

Я прибыл в мотоманевренную группу 20 апреля 1983 г. и командовал подразделением до сентября 1984 г. Затем по состоянию здоровья пришлось оставить службу. К сожалению, время память нашу не укрепляет, и опоры для своих записок я нашел в рабочем дневнике, который берегу как память о времени командования 1-й мотомангруппой сначала в Мазари-Шарифе, а затем в Мармоле.

Принимал и знакомился с личным составом и мангруппой с помощью начальника оперативной группы подполковника В. Баранова. Мой предшественник с повышением убывал в другой отряд. В процессе ознакомления я обратил внимание на то, что личный состав 1-й мангруппы достаточно добротно устроил свой быт: были открыты блиндажи для всех подразделений. Внутри все блиндажи были укреплены бревнами, скрепленными скобами. Каркас из бревен был обшит щитами из ящиков от боеприпасов. Полы тоже были выстланы такими же щитами. Получилось довольно прилично для полевых условий. Сверху на блиндажах был сделан накат из бревен и засыпан землей, оставалось лишь небольшое окно на один ящик без дна, а крышка ящика служила ставней. Окна были застеклены и затянуты металлической сеткой от

попадания гранат. Затем я увидел, что такая отделка была во многих наших подразделениях в ДРА. Кстати, хорошо скрепленный каркас помог благополучно пережить несколько сильных землетрясений в 1983–1984 гг.

В 20-х числах мая 1983 г. проводилась операция в районе Шибиргана с участием нашей мангруппы. Для меня это была первая боевая операция, и начальник опергруппы взял командование на себя, передавая свой боевой опыт. В принципе плановый результат операции был незначительный. Хотя передвижение наших подразделений в приграничье всегда давало результат. В связи с нашим профессиональным праздником – Днем пограничника, 28 мая было принято решение командованием о возвращении всех мотомангрупп на свои базы. Поскольку дорога в Мазари-Шариф была хорошая, то планировалось через два часа быть уже дома.

Колонна нашей мотомангруппы пошла без вертолетного прикрытия. При движении колонны я обратил внимание, что все поля вокруг дороги были залиты водой. Для маневра оставалась только полоса вдоль дороги шириной до 10 метров. Учитывая, что при движении колонна растягивалась до 6 км в длину, это обстоятельство

было немаловажным. Боевой порядок 1-й мотомангруппы состоял из разведки, группы разграждения из числа инженерно-саперного взвода, где был и колейный мост. Затем шли КШМ «Чайка» (командно-штабная машина) с начальником опергруппы В. Барановым, БТР и БМП прикрытия, минометная батарея на ГАЗ-66, машины тылового обеспечения, БТРы в колонне между машинами и почти в конце колонны двигалась вторая КШМ, где находился я. Прикрывали колонну БТР и БМП. Связь в колонне была дежурная, периодически проверялась устойчивость связи. Все было нормально.

Я это описываю, чтобы было понятно то, что произошло дальше. По дороге Акча – Балх – Мазари-Шариф в районе развалин кишлака Тимурак (развалины с обеих сторон дороги в метрах 50 на протяжении почти километра), поступила команда старшего колонны приготовиться к бою. Колонна остановилась, вперед пошла разведка на двух БМП. Получив сигнал, что дорога чистая, колонна начала движение. Вдоль дороги беспорядочно лежали остовы обгоревших грузовых автомашин, цистерн.

При въезде в расположение кишлака колейного моста на базе танка Т-34 из-за дувала раздался

выстрел из гранатомета. Была подорвана КШМ начальника опергруппы, затем обстреляна из гранатомета. Баранов передал командование мне. Немедленно было доложено руководителю операции об обстановке, затем подтянута вся бронетехника и организована система огня по обе стороны от дувала. Врач мангруппы старший лейтенант Басов с санитарями организовал эвакуацию раненых и убитых под прикрытие моей КШМ. Расчеты развернули два миномета и открыли огонь по местам, откуда велся обстрел.

Благодаря интенсивному огню БМП и БТР, а также личного состава, через полчаса противник прекратил огневое воздействие на колонну. Начальник штаба мотомангруппы, который возглавлял разведку, получил команду эвакуировать подбитые машины с дороги. Действие разведки уже поддерживали до четырех бронемашин. Оказалось, что после выстрела в танк с мостом был сильно контужен водитель, и машина развернулась поперек дороги. За ней ехала КШМ начальника опергруппы, которая и попала под обстрел. Водитель был заменен водителем БМП из разведки, колеяный мост вывели за пределы кишлака и оттащили подорванную машину. Колонна прошла через кишлак и развернулась в боевой порядок, ведя огонь по указанным секторам справа и слева от дороги. В это время подлетели вертолеты, боевые работали по кишлаку, а транспортные загружались убитыми и ранеными.

К вечеру подошли еще две мотомангруппы соседей. Блокировали полностью кишлак как справа от дороги, так и слева. Силами нашей мотомангруппы было проведено прочесывание местности от места

нападения и в глубь развалин. Было обнаружено много мест с окровавленными бинтами, но террористы успели скрыться. О результатах было доложено руководству.

С утра поступила команда на продолжение движения, но уже под прикрытием вертолетов. Двигаясь с мерами предосторожности, через несколько часов мы дошли до базы. Сразу же прибыли представители из вышестоящих органов для проведения расследования. Но руководство опергруппы и мотомангруппы в описанной ситуации действовало правильно, личный состав показал себя только с положительной стороны. Даже многие раненые не хотели улетать в Союз.

Очень тяжело вспоминать об этом эпизоде, но это был такой опыт, который затем менял всю нашу тактику при ведении боевых действий, в том числе и при движении колонн на марше. Кстати, в дальнейшем мы нашли отчет душманов об этой операции, написанный на ткани. Они, оказывается, подбили несколько танков и машин. Но три бандгруппы были при этом уничтожены. Ждали они афганскую колонну с мануфактурой, которую должны были сопровождать БТРы. Поскольку наша колонна не сопровождалась вертолетами, то они приняли ее за афганскую. Когда же разобрались, что к чему, было уже поздно.

Хотелось бы поблагодарить всех, кто пришел к нам на помощь в тот час. Обо всех событиях этого дня, обо всех командах и распоряжениях было записано в журнале боевых действий 1-й мотомангруппы. Начальник опергруппы был в госпитале с ранением, я давал ответ за действия командования и личного состава мотомангруппы.

Проведя анализ случившегося, я решил вопрос с руководством опергруппы о разделении полномочий между ОГ и командованием мотомангруппы. Это было непросто, потому что работники ОГ всегда вмешивались в дела подразделений группы. Теперь командование мангруппы работало с подразделениями и личным составом, а руководство ОГ с командованием ММГ.

Происходила замена личного состава мангруппы, пришли новые командиры подразделений. После доклада руководству ОГ мы приступили к работе по-новому. Личный состав оделся по форме, соответствующей боевой обстановке, а не пляжу на Кипре. Были открыты ходы сообщения от расположения подразделений к их боевым позициям, сделаны перекрытые щели на случай минометного обстрела. Отработали до автоматизма команды «Тревога!», «К бою!». Каждый пограничник знал систему огня отделения и подразделения.

В мангруппе раньше некогда было проводить регулярные занятия, потому что все занимались инженерным оборудованием ММГ и обустройством быта. Нашими предшественниками было сделано очень много. Мы могли сказать им спасибо и совершенствовать дальнейшее инженерное оборудование позиций, систему охраны и обороны. Главное, что у нас было уже время проводить занятия. Начальник штаба мангруппы капитан В. Левченко приступил к организации занятий по боевой подготовке, работе с командирами подразделений, сержантами.

Много внимания уделялось специальной подготовке, потому что, исходя из структуры ММГ, у нас было больше специалистов, чем

стрелков. В обучении личного состава участвовали командиры подразделений, помощник начальника мотомангруппы по технической части старший лейтенант Усачев, помощник по тыловому обеспечению капитан Максимов. Немаловажную роль в наших условиях играли политзанятия и политиковоспитательная работа с командирами и личным составом под руководством заместителя по политической части начальника ММГ капитана Пригорнева.

Я решил провести с личным составом согласно расписанию занятия по огневой подготовке. Оборудовали стрельбище за территорией мангруппы, обеспечили охранение и наблюдение. В первую очередь занятия проводились с командирами подразделений. Мной было принято решение израсходовать боеприпасы из носимых подсумков. Занятия проводились в первой половине мая. Я достал из подсумка магазин, зарядил свой АКСУ и сделал выстрел. Что меня очень поразило: гильза после выстрела не вылетела из патронника. До этого я не имел дела с боеприпасами калибра 5,45 мм. Разрядив автомат, я выбил шомполом гильзу и отметил, что она имеет следы ржавчины. Когда патроны с лаковым покрытием носишь постоянно в подсумке, то они трутся друг о друга и лак стирается. Повышенная влажность сделала свое дело. На гильзах появилась легкая ржавчина, она-то и не давала гильзе вылететь. Сделав второй выстрел, я убедился в этом полностью. Дал команду командирам подразделений сделать по выстрелу. Результат тот же. Больше объяснять никому не надо было, что случилось бы в бою. Немедленно все боеприпасы в носимых подсумках были почищены, смазаны и

расстреляны на занятиях. Пополнили носимый запас уже новыми патронами. С АКМ калибра 7,62 мм такого не было никогда.

Согласно плану руководства пограничными войсками в летний период 1983 г. ежемесячно планировалось проведение боевых операций в зоне ответственности пограничных войск на разных направлениях. Как правило, мы проводили две недели на боевой операции, неделя занятий и приведения вооружения и техники в порядок, решение вопросов обеспечения и неделя для подготовки к новой операции. Надо сказать, мы в холостую не работали благодаря нашим разведчикам майору Гончарову и капитану Малкову.

Проводились операции с участием мотоманевренной группы в прибрежной зоне севернее Мазари-Шарифа, в Мазари-Шарифе, Ташкургане и на других направлениях с привлечением как 1-й ММГ, так и внештатной десантно-штурмовой маневренной группы от 1-й мотомангруппы.

Кроме боевых действий личный состав мотомангруппы активно участвовал и в хозяйственной деятельности. Делали саманные кирпичи, строили столовую, пекарню. После армейских полевых печей для выпечки появилась настоящая хлебопекарная печь по чертежам, которые я дал помощнику по снабжению капитану Максиму. С помощью специалистов из отряда она была сделана довольно быстро. Проблема с хлебом была снята. Наладилась и работа банно-прачечного комбината. Капитан Максимов следил, чтобы помывка личного состава, стирка белья в прачечной производились своевременно. Единственное, в чем была проблема, – доставка воды, которую водовозкой в сопровожде-

нии БТР привозили из расположения мукомольного комбината в Мазари-Шарифе.

Мне бы хотелось упомянуть сержантский состав мотомангруппы. Они все этого заслужили своей службой!

Управление – старший механик-водитель БТР сержант В.И. Осетров. Штаб – инструктор сержант Г.Н. Павличенко. Взвод связи – начальник радиоузла сержант А.К. Петров, начальник радиоузла сержант Ю.Н. Заика, Р-140 – начальник радиоузла сержант Г.И. Ковальчук. Отделение связи – командир отделения сержант В.М. Деревянкин. Разведвзвод – заместитель командира взвода сержант В.В. Решетников, командир отделения сержант А.В. Крупин, механик-водитель БМП сержант И.М. Зязюлин. Инженерно-саперный взвод – командир инженерной машины сержант Л.А. Камашев, механик-водитель сержант А.Д. Комлев, командир саперного отделения сержант В.В. Костин, командир саперного отделения сержант М.Г. Салахитдинов.

1-я пограничная застава – старший механик-водитель сержант В.А. Олопов, командир 1-го отделения сержант А.В. Бурлаков, старший механик-водитель сержант М.В. Мелашенко, командир 2-го отделения сержант Д.Г. Фаттахов, механик-водитель сержант Ф.В. Горбушин, командир 3-го отделения сержант В.Д. Паньков, механик-водитель сержант А.И. Бутаков, командир 4-го отделения сержант Е.Н. Тренихин, механик-водитель сержант В.В. Кириллов, командир отделения РАС сержант А.У. Иманкулов, начальник ПРС сержант Б.Ш. Зиядулин, инструктор службы собак сержант Н.И. Борисенко, старший жockey службы собак сержант

В.А. Мишуста, старший вожатый службы собак сержант С.А. Бордченко.

2-я пограничная застава – командир 1-го отделения сержант С.В. Нарков, командир 2-го отделения сержант А.В. Ласковец, командир 3-го отделения сержант И.А. Чаусов, командир 4-го отделения старший сержант С.В. Минаев, командир отделения РАС сержант А.А. Хлепатурин, начальник ПРС сержант А.А. Белов, инструктор службы собак сержант С.И. Волоцков, старший вожатый службы собак сержант С.В. Василенко, старший вожатый службы собак сержант И.Б. Топовой.

3-я пограничная застава – командир 1-го отделения сержант З.М. Исмаатов, командир 2-го отделения сержант Х.Х. Мурсалимов, командир 3-го отделения сержант Н.И. Деревянко, командир 4-го отделения сержант В.В. Емельянов, командир отделения РАС сержант А.С. Хотько, начальник ПРС сержант И.В. Алексеев, инструктор службы собак сержант В.Н. Козлов, старший вожатый службы собак сержант Ю.И. Дьяков, старший вожатый службы собак сержант В.В. Филинский.

Минометная батарея – заместитель командира взвода управления сержант Ю.В. Ковтун, командир отделения связи сержант С.Т. Пальчиков, заместитель командира взвода огневого сержант А.А. Гревцев, командир миномета сержант А.Е. Рассудин, командир отделения сержант И.В. Щекатуров, командир миномета сержант В.И. Штанько, командир миномета сержант Ю.М. Рожнов, командир транспортного отделения сержант В.И. Никифоров.

Противотанковый взвод – заместитель командира взвода стар-

ший сержант А.Л. Норсеев, командир 1-го расчета сержант Е.В. Зубенко, командир 2-го расчета сержант Г.И. Семенов, командир 3-го расчета сержант И.Р. Харисов.

Взвод обслуживания – техник сержант В.А. Массалитов, командир транспортного отделения сержант Н.В. Борчагов, начальник электростанции сержант И.В. Со рокин, начальник склада сержант В.Д. Швиданенко, начальник столовой сержант А.Б. Шабавнин, старший повар-хлебопек сержант О.А. Токарь, начальник бани сержант Е.В. Гаценко.

Медицинский пункт – начальник аптеки сержант А.И. Денисенко.

Это были наши первые помощники, готовые в любой момент при необходимости заменить офицера. Где был настоящий командир-сержант, там был порядок.

Периодически от мотомангруппы высылались засады на маршруты вероятного движения террористов в сторону Мазари-Шарифа. Сначала высылали засады на бронетехнике. Например, 30 августа 1983 г. в 21.00 была организована засада в районе отметки 420,7. Под моей командой оказались: БТР – 3; БМП – 2; СПГ-9 – 2; АГС – 3; КШМ – 1; ПРС – 1. Десант на машинах полный. Перед выходом в 12.30 провели тактико-строевые занятия со всеми участниками засады, как это делалось и перед каждой другой засадой.

В засадах в полную силу использовались приборы ночного видения и приспособления для ночной стрельбы на каждую единицу оружия, АГС-17 с РАС. Засады устраивались с наступлением темноты, после проверки прилегающей местности с помощью РАС и приборов ночного видения. Возвращались мы на базу тоже в темное время. Засады высылались на

направления, разведанные нашими разведчиками майором Гончаровым и капитанов Малковым. Благодаря этой работе, во второй половине 1983 г. значительно снизились рейды тергрупп в Мазари-Шариф. Был уничтожен не один десяток боевиков, стремящихся проникнуть в город для проведения террористических актов.

Кроме того, мной была продумана еще одна система борьбы с обнаглевшими бандитами, перемещающимися в ночное время на автотранспорте без освещения. Наличие в мотомангруппе прожекторов, БРДМ с мощной РАС и минометов дало возможность бесконтактного обнаружения и уничтожения таких групп. Трудность состояла в организации взаимодействия всех наших сил и средств. Были сделаны специальные планшеты для взаимодействия РАС, прожекторов и минометчиков.

Очень эффективно прошло первое испытание такой системы. С наступлением темноты с помощью РАС было обнаружено движение автомашины со стороны гор в сторону Мазари-Шарифа. По цели ударили два миномета одновременно с работой прожектора. Накрыли противника первым же залпом. В эту ночь были накрыты огнем минометов еще две группы. Разведчики потом рассказывали, что в бандформированиях началась паника, они считали, что шуррави применяют новое оружие.

Бандгруппы тоже изменили свою тактику, они стали продвигаться в ночное время в пешем порядке по оврагам и низинам, которые не просматривались с РАС. Затем последовали наши пешие засады.

Были попытки проникновения на территорию нашей мотомангруппы с целью проведения теракта. Сначала собака в охране

учуяла чужих за оградой, затем зазвенела «сигнализация» – консервные банки на проводах. Наряд охранения открыл огонь.

Я уже упоминал, что была приведена в готовность вся инженерная техника и она постоянно использовалась при проведении операции. В движении при преодолении широких и глубоких арыков использовался колейный мост, через мелкие арыки проходили с помощью дамбы, сделанной БАТом. На позиции эта машина помогала отрывать окопы бронетехнике и вооружению.

При движении строго соблюдалась секретность операции, использовались только коды населенных пунктов и спецсигналы – клацание тангентой переговорного устройства определенным образом.

По прибытии к месту блокирования все подразделения мотоманевренной группы занимали ранее указанные позиции и после моей проверки правильности размещения, уточнения ориентиров принимались меры по инженерному оборудованию позиций, составлению карточек огня, системы обороны каждого отделения, организации взаимодействия между машинами отделений и подразделениями. Все предоставлялось затем начальнику штаба ММГ капитану В. Левченко, который эти данные заносил в журнал боевых действий, вплоть до всех передаваемых команд от вышестоящего руководства и донесений от своих подразделений.

Немедленно начиналась и работа заместителя по политической части мотомангруппы капитана Пригорнева с агитаторами в отделениях. Выпускались листки-молнии, боевые листки. Не упускался ни один факт отличия или халат-

ности. Очень часто, заполняя наградные листы по завершении операции, мы руководствовались этими данными. Все материалы подшивались и находились в Ленинской комнате мотомангруппы. По ним можно было бы изучать историю наших боевых действий. Никто не был упущен из внимания, каждому отдавалось по делам его. Надо отдать должное, каждый пограничник относился к своим обязанностям на операции с должной ответственностью.

Подготовка к Ташкурганской операции 21 сентября 1983 г. шла по плану. В результате проведенной боевой операции с участием нашей 1-й мотомангруппы (всего было задействовано до 200 бронеединиц). Уничтожено: бандитов – 120; складов и схронов – 86. Взято в плен: бандитов – 78, пособников – 42. Задержано дезертиров – 13. Захвачено: гранатомет – 1, стрелкового оружия – 62 единицы.

С 10 по 24 октября 1983 г. производился выход засад через день по данным разведки. 14 декабря 1983 г. на совещании с офицерами и прапорщиками, участвующими в засадах, было отмечено добросовестное отношение к руководству засадами со стороны капитана Горюнова, старшего лейтенанта Мельничока, лейтенанта Васильева, старшего лейтенанта Несмеянова, прапорщика Цеунова.

Подготовка к боевой операции по блокированию Мазари-Шарифа в связи с активизацией террористической деятельности банд Мовлади-Усмана, на вооружении которых находилось до 30 ДШК (китайского производства) и 40 минометов. В это время они контролировали Балхскую долину.

По плану взаимодействия было задействовано: две мотоманевренные и одна десантно-штурмовая

группа, афганские 5-й пехотный батальон и пограничный батальон, мотострелковая рота, артбатарея Советской Армии, два арtdивизиона армии ДРА, вертолеты, наши и афганские оперативники. Установлены порядок взаимодействия и взаимосвязи, опознавательные сигналы. Наша мотоманевренная группа находилась на позициях блокирования. По завершении операции бандиты вынуждены были покинуть этот район и уйти в горы.

18 января 1984 г. руководством оперативной группы проводилось совещание по подготовке к операции «Январь-84». Обращалось внимание на доведение личного состава мотомангруппы обстановки: по директиве МО СССР проводится крупномасштабная операция по ликвидации укрепрайона и базы Забибулло в районе Мармоля (провинция Балх). Отсюда отряды и группы мятежников и террористов постоянно совершали вылазки для нападения на объекты в Мазари-Шарифе.

Операции придавалось большое значение. Учитывая труднейшие горные условия района и высокую степень подготовки его в инженерном отношении мятежниками (многоярусная оборона с использованием пещер, плотное минирование горных троп, перевалов с применением управляемых фугасов), к операции привлекались значительные силы. Их основу составляли пять мотомангрупп (около 2000 военнослужащих), авиационный полк КСАПО, несколько афганских армейских и пограничных подразделений. Действия поддерживались артиллерией и авиацией. Руководство операцией возлагалось на начальника войск КСАПО генерал-майора Г.А. Згерского.

Согласно моим записям, 21 января 1984 г. произвели загрузку по 5 боекомплектов на погранзаставу, подготовили все НСБУ, бинокли ночного видения «Блики», проверили и доукомплектовали все снаряжение личного состава, произвели загрузку боеприпасов в обоз. В распоряжение нашей базы прибыла дальневосточная мотомангруппа для смены. Нам предстояло переместиться в район Мармоля, учитывая наш боевой опыт. Командование считало, что наша мотомангруппа достойно справится с поставленной задачей.

С рассветом вертолеты начали выбрасывать десанты на указанные направления. Все было продумано до мелочей, но, к сожалению,

утренний туман в горах немного затруднил задачу летчикам. Наша ДШМГ была высажена на гору. Когда вертолет улетел, разведка доложила, что по ущелью движется большой отряд душманов. Помогла маскировка. Весь личный состав был в белых маскхалатах, поэтому дозорные противника не смогли сразу обнаружить группу. Левченко принял решение не вступать в бой, уточнить обстановку, вести наблюдение, принять все меры к обороне. Доложил об обстановке руководителю операции на КП. Оказалось, что забросили десант значительно южнее и попали на маршрут отхода крупного отряда мятежников. С командирами отряда была договоренность о

возможности их отхода из зоны Мармоля. Ранее эти группировки не вели боевых действий в зоне ответственности погранвойск в ДРА. Генерал-майор Г.А. Згерский оценил действия капитана Левченко и дал команду немедленно представить его к награждению орденом Красной Звезды.

Проведя значительную предварительную подготовку, с учетом проведенной накануне аэрофотосъемки, разведки района агентурой, 21 января 1984 г. до часу дня все подразделения и части, участвующие в операции, заняли исходные позиции. Десантированные группы тоже приблизились на огневую дистанцию к своим объектам, а также перекрыли пути

Кишлак Мармоль. Вид с точки высадки десанта

возможного отхода бандформирований в южном направлении. Участвующие мотомангруппы прибыли на базу Мазари-Шариф вечером 20 января 1984 г., одновременно прилетела эскадрилья вертолетов КСАПО, которые активно участвовали в выброске десанта и разведке дальних подступов к Мармолю.

Десантов было выброшено восемь. Им предстояло подавить огневые точки по периметру укрепленного района. Задача не из легких, учитывая заминированные подступы. Очень хорошо поработали саперы Комлев и Шульга со своими четвероногими питомцами Бураном и Альфой. Они обезвредили несколько десятков противопехотных мин. Снайперы вели огонь по бойницам, из которых поливали огнем из ДШК душманы. На отдельных направлениях огневые точки поражали гранатометчики из РПГ-7. Группируясь по три расчета, они залпом били по бойницам. Такой удар, конечно, выдерживали далеко не все укрепления.

Огневые точки находились чаще всего в вырубленных в скалах помещениях, где был запас воды, риса, муки, изюма, большое количество боеприпасов. Часть боеприпасов к ДШК были спрятаны в ущельях, потом их долго вымывала оттуда вода. Все огневые точки были подавлены. Террористы не ожидали таких активных действий. Огневая подготовка по разведанным ранее объектам, по ущелью и подступам к нему, силами гаубичной батареи афганцев, артиллерийского полка, тремя батареями 120-мм минометов мотомангрупп, проводимая в течение 40 минут, сделала свое дело. Все провода управления фугасами были оборваны при артиллерийском обстреле.

Вперед пошла разведгруппа под руководством разведчика ОГ капитана Малкова. За ней двинулись афганские подразделения, в том числе и пограничники. Их поддерживали наши подготовленные группы. В помещениях (укрытиях) стояли еще горячий плов и чай на столах, значит, бандиты не ждали нападения. Афганские военные тоже не знали, где будет проходить операция. И это тоже сработало.

Начались поисковые мероприятия. Были обнаружены заваленные огромными валунами казармы, где находились террористы. Запасы продовольствия, боеприпасов, огромное количество антиправительственных листовок и литературы, инструкции на итальянском, французском языках. Много минушек было обезврежено на месте. Без команды сапера никто в помещения не входил, часть помещений «охранялись» растяжками из гранат. Все схроны были проверены и разминированы.

И все же технику вводить было нельзя. Местность изобиловала заложными фугасами (противотранспортная или противотанковая мина, привязанная к 250-килограммовой авиабомбе). Первая разведка местности саперами показала, что руками здесь ничего не сделать. Пришла очередь работать армейским танкистам. У них с собой был один противотанковый трал. Его хвалило минут на 20, от взрывов все катки рассыпались, и это только от противотанковых итальянских мин. Фугасы решили искать миноискателями и разминировать вручную. А их, по данным разведки, должно было быть около 50 штук. Поскольку трал рассыпался, нужно было срочно доставить другой. Пригодился верто-

лет. Через час танкисты уже утюжили дорогу.

Пока шла разведка и зачистка вдоль ущелья Мармоль в сторону кишлака, я находился на входе в ущелье с задачей разминировать дорогу. На это ушло не меньше двух суток. Затем часть мотомангруппы во главе с заместителем по политической части капитаном Пригорневым в пешем порядке двинулась по тропе, где прошла разведка в сторону кишлака. Мне доложили, что вышли к кошаре, где есть родник. Я дал команду расположиться там.

Перед нами встал один непростоый вопрос: как освободить ущелье от валунов, чтобы проложить дорогу. По оценке саперов эта работа могла занять больше недели и то при условии, если будут доставлены специальный бур и взрывчатка. Мне, как командиром общевойсковой роты, пришла в голову идея использовать приданные танки. Поговорив с командиром роты, решили использовать подкалиберные снаряды. Эта болванка пробивает броню практически любого танка. Действительно, через день громадные валуны были разбиты и БАТом отодвинуты в сторону. Место для дороги было расчищено. Дальше началась работа бульдозера, который стал расчищать тропу до ширины прохода БТРа. В отдельных местах пришлось укреплять дорогу камнями, чтобы она не осыпалась в обрыв.

Сейчас вспоминаю ту обстановку: зима, холодина, снег, периодически превращающийся в грязь. Часть личного состава отдыхала в БТРах, часть в палатках, где ставили своеобразные отопительные системы: в гильзах от танковых снарядов сделали несколько дырок, залили солярку и подожгли. Нужно было быть готовым к попыткам

отбить этот район банформированиями. Рекогносцировочная группа округа приняла решение, что нужно тянуть дорогу дальше и мотомангруппу расположить в горах. Путем различных доводов мы убедили, что база 1-й мотомангруппы должна оставаться в районе кошары. Конечно, это меняло систему охраны и обороны захваченной базы. Нужно было располагать подразделения так, чтобы перекрыть перевалы и подступы к населенным пунктам.

В это время довели до личного состава замечательную новость: указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 января 1984 г. о награждении орденом Красной Звезды сержанта С.И. Волоткова, капитана Н.В. Завьялова, майора В.В. Дюгаева, старшего лейтенанта В.М. Павлова, рядового А.С. Пахомова, майора В.В. Соколова, майора А.С. Симкина.

В результате проведенных поисков в районе ущелья вдоль дороги было обнаружено несколько складов с оружием (АК-47, РПГ-2, ДШК) китайского производства, боеприпасами. Причем в таком количестве, что эти трофеи трудно было вывезти и руководством было принято решение о ликвидации их на месте. Два ДШК были оставлены для поста по охране базы. С этой точки можно было при необходимости простреливать местность до Парваза. Официально операция закончилась, но были еще не решены организационные вопросы по площадкам, где находились десантно-штурмовые группы, а также вопрос об обслуживании мотомангруппы вертолетами.

После посещения нашей мотомангруппы начальником Пограничных войск КГБ СССР генера-

лом армии В.А. Матросовым и рекогносцировки на местности расположение мотомангруппы и «точек» было утверждено в районе кошары с родником. Были выбраны места для подразделений и средств боевого обеспечения ММГ и дана команда на инженерное оборудование. Началась новая жизнь 1-й мотомангруппы уже с новым названием – «Мармоль».

Февраль начался с активизации деятельности бандформирований.

Боевые действия 1-й мотомангруппы в этот период заключались в отправлении засад в район высоты 1534,0; проведении разведки дорог саперами, продолжении строительства дороги через кишлак на высоту 1534,0... Днем перемещения бандитов через перевалы пресекались минометным огнем и огнем ДШК.

Личный состав самоотверженно относился к выполнению всех поставленных боевых и других задач, несмотря на тяжелые бытовые условия. Наши «тыловики» делали все для обеспечения подразделений горячей пищей, обслуживания транспорта и боевой техники.

26 марта 1984 г. в мотомангруппу для прохождения службы прибыли командир взвода прапорщик А.Н. Гусаренко, техники взвода обеспечения прапорщички Н.Н. Стрельцов и В.В. Гусев.

С целью недопущения проникновения через перевалы бандформирований и террористических групп руководством округа и отряда было принято решение об установке в зоне ответственности 1-й мотоманевренной группы (Мармоль) комплекса РСУ «Реалия-4». Этот комплекс давал возможность определять направление движения объектов. По всем районам размещения РСУ были при-

стреляны минометы и составлена карточка огня. При получении сигнала на пульт оператора он докладывал мне и дежурному расчету миномета. По моей команде открывали огонь. Результат заносился в специальный журнал. Таким образом, были взяты под контроль все перевалы. В первое время минометы работали иногда сразу по нескольким направлениям – такая активность проявлялась со стороны противника. Впрочем, скоро желающих испытать судьбу убавилось.

Жизнь в мотомангруппе наладилась и вошла в ритм: служба, занятия, сопровождение колонн, плановые операции, засады. В мотомангруппе установили спутниковый ретранслятор телепередач.

Внедрение своих людей в бандформирования разведчиками оперативной группы, получение от них и из других источников информации, работа со старейшинами в населенных пунктах, оказание медицинской помощи местному населению привели к тому, что местные бандформирования уходили в горы. Некоторые перешли на сторону власти и стали отрядами самообороны по охране своих населенных пунктов. Спокойнее стало в приграничном районе. Мобильность и боевая возможность мотомангруппы во взаимодействии с афганскими пограничниками, при поддержке с воздуха вертолетами, позволяла быстро реагировать на любую обстановку и срочно принимать меры по ликвидации возможной угрозы. Мы никогда не забывали, что основная наша задача – не допустить вооруженного вторжения на территорию СССР, обстрела пограничных нарядов и советских граждан.

Авдеев Юрий Иннокентьевич,
начальник полевой оперативной
группы 68-го Тахта-Базарского
погранотряда (1987–1989 гг.)

Середин Валерий Юрьевич,
начальник заставы 3-й ММГ
48-го Пянджского погранотряда
(1983–1985 гг.)

Добродеев Григорий Иванович,
начальник ММГ 68-го Тахта-Базар-
ского погранотряда (1985–1987 гг.)

Судмал Владимир Иванович,
старший офицер оперативной
группы ГУПВ КГБ СССР по Афгани-
стану (1983–1989 гг.)

Вахренев Василий Николаевич,
заместитель начальника отдела
представительства КГБ СССР в ДРА
(1981–1984 гг.)

Благородов Тимофей,
начальник заставы ДШМГ 68-го
Тахта-Базарского погранотряда
(1983–1985 гг.)

Соболев Фёдор Михайлович,
начальник разведотдела 68-го
Тахта-Базарского погранотряда
(1987–1990 гг.)

Смагулов Агыбай,
советник в центральном аппарате
пограничных войск РА
(1986–1988 гг.)

Большаков Александр Павлович,
начальник штаба сводного боевого
отряда 48-го Пянджского погран-
отряда (1980–1981 гг.)

Пешков Сергей Николаевич,
заместитель начальника разведот-
дела 48-го Пянджского погранот-
ряда (1988–1989 гг.)

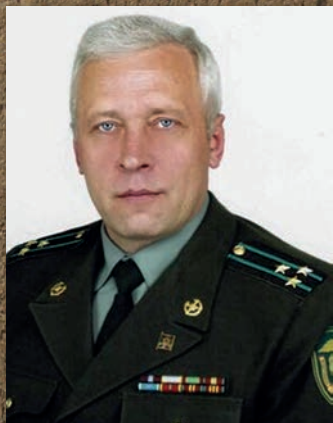
Пonomarev Дмитрий Николаевич,
начальник ММГ 68-го Тахта-Базар-
ского погранотряда (1985–1987 гг.)

Кожемякин Игорь Николаевич,
офицер артслужбы ОГ КСАПО
(Душанбе) (1988–1989 гг.)

Соколов Евгений Александрович,
начальник полевой оперативной
группы 48-го Пянджского погран-
отряда (1987–1989 гг.)

Звонарёв Александр,
старший офицер оперативной
группы 48-го Пянджского погран-
отряда (1987–1989 гг.)

Реимов Хесен,
заместитель начальника
81-го Термезского погранотряда
(1987–1989 гг.)

Реимов Хосси,
заместитель начальника разведот-
дела 68-го Тахта-Базарского по-
гранотряда (1987–1989 гг.)

Нурулин Наиль Сагитович,
заместитель начальника ДШМГ
47-го Керкинского погранотряда
(1987–1988 гг.)

Трофимов Николай Трофимович,
старший инструктор политотдела
68-го Тахта-Базарского погранот-
ряда (1984–1986 гг.)

Суворин Виктор,
начальник ММГ 48-го Пянджского
погранотряда (1984–1986 гг.)

Петров Владимир Иванович,
заместитель начальника ДШМГ
по политчасти (1987–1989 гг.)

Залимов Борис Шакирович,
начальник разведотдела
47-го Керкинского погранотряда
(1986–1989 гг.)

Чулков Валерий Ильич,
начальник инженерного отдела
КСАПО (1987–1989 гг.)

Караваяев Михаил Петрович,
отряд особого назначения «Каскад»
(1980–1982 гг.)

Горнушенко Михаил,
начальник заставы 1-й ММГ
48-го Пянджского погранотряда
(1986–1988 гг.)

Спецпропаганда

Юрий Валентинович Шовковский начал свой «афганский» путь из Международного учебного центра специальной учебной базы Высшей школы КГБ. Обучение длилось два года. Оперативная подготовка, дипломатическая деятельность, страноведение, востоковедение, углубленное изучение фарси (персидский язык – один из двух основных языков в Афганистане). За два года офицеры прошли пятилетнюю программу института иностранных языков, хотя фарси – язык сложный, с особой системой времени, произношением и письменностью.

По окончании обучения проходил службу советником начальника политотдела 2-й афганской бригады в городе Хосте. Здесь и пришлось изучить нравы этой нации. Афганцы – пушту и дари – народ довольно воинственный. Пока нет внешнего врага, они воюют между собой, а когда появляется враг извне, кланы объединяются, и война начинается с ним. Хотя отношения с местным населением сложились неплохие, с этой нацией надо быть очень внимательным, ведь не знаешь, что можно ожидать от них. «Ты можешь уважать и любить афганца, но доверять ему нельзя», – говорит Юрий Валентинович.

После окончания этой командировки в 1984 г. Юрий Валентинович получил назначение на должность старшего инструктора политотдела по специальной пропаганде Среднеазиатского пограничного округа. Должности спе-

Специфическим был афганский боевой путь подполковника в отставке Юрия Валентиновича Шовковского. Если в большинстве советских воинов в Демократической Республике Афганистан необъявленная война часто проходила в боевых столкновениях, его фронт действий был несколько иным – он боролся за благосклонность и мировоззрение местных жителей и даже своих ... противников.

Ю.В. Шовковский – бывший командир отдельного отряда спецпропаганды Среднеазиатского пограничного округа КГБ СССР. В настоящее время – председатель совета ветеранов-пограничников Восточного регионального управления ГПСУ, хранитель фондов Музея пограничной службы. Награжден многими советскими и зарубежными орденами и медалями.

циальных пропагандистов были введены в штаты политотделов пограничных отрядов после советско-китайского инцидента 1969 г. на острове Даманском. Положительный опыт их работы пригодился при предоставлении интернациональной помощи в Афганистане. Здесь, в сложных условиях охраны советско-афганской границы, перед командованием пограничных отрядов стояли ответственные задачи по поддержанию постоянной готовности к противодействию провокациям. Впоследствии был создан отдельный отряд специальной пропаганды Среднеазиатского пограничного округа КГБ СССР. Это было единственное уникальное по специфике своей работы подразделение в пограничных войсках. Дислоцировался он сначала в Ашхабаде, затем в Душанбе. В штат входил 21 военнослужащий. Почти все офицеры владели местными языками. Прапорщики и военнослужащие срочной службы находи-

лись на должностях печатников, связистов и техников-автомобилистов. Была и специальная техника: стационарные радиовещательные станции, передвижная типография, звуковая студия и передвижные трансляционные радиостанции для работы в горных условиях, подвижной клуб, оснащенный киноаппаратом для демонстрации фильмов, а еще – фотоаппараты и кинокамера.

Кроме спецпропаганды отрядом проводились изучение и оценка политической, идеологической, экономической обстановки в приграничье, информирование о социально-этнической структуре, материальном положении и настроениях различных слоев населения. Ежедневно в Москву отправлялись сведения о дислокации регулярных воинских подразделений, национальных формирований, вооруженных групп, их готовности к проведению акций на участках Государственной границы с СССР.

Исходя из этого, штабом пограничного отряда готовились рейды в районы Афганистана для проведения разъяснительной работы с населением, демонстрировались фильмы, передавалась гуманитарная и медицинская помощь из Советского Союза. Афганцев даже пытались научить элементарной грамотности.

По гуманитарной помощи стоит отметить, что она не всегда использовалась по назначению. Большую часть вещей, которые выдавались совершенно безвозмездно, потом можно было увидеть на местном рынке, где они продавались или выменивались на что-то другое.

В отношении медицинской помощи нужно учесть, что даже женщины, которым было запрещено появляться на людях, со временем вместе с детьми ходили к местам стоянки отряда за медицинской помощью. Вообще-то, здоровье афганцев – это отдельная тема, рассказывает Юрий Валентинович. Иногда, получая ранения, от которого другие умирали на месте, афганец жил еще несколько дней, а такие заболевания, как простуда, были неизвестны для них в принципе. Они не заболевали даже после перехода ледяной горной реки вброд.

К сожалению, не все операции проходили мирно. Частыми были случаи, когда на пути колонны ставились мины с целью подорвать или помешать ее движению и заставить повернуть назад, не выполнив поставленной задачи.

Не только мирные рейды были на счету отряда спецпропаганды. Активно применялся он при проведении боевых операций. Наши военнослужащие заботились о местном населении – до начала боевых действий женщины, дети и

старики выводились в безопасные районы, в сторону поселка направлялись громкоговорители, и мирному населению на языках племен и народностей предлагалось покинуть дома на время проведения операции. Велось радиовещание и для душманов. Когда слова не помогали, использовались боевые возможности мотоманевренной группы.

Тяжелым трудом завоевывалось доверие людей, которые по своему социальному развитию находились в другой эре (по их календарю на тот момент шел 1353 год) и жили феодальным строем. Борьба за влияние на каждого мирного жителя была ожесточенной. Подразделение пыталось своей работой привести афганское население к мирному существованию. С другой стороны, предводители бандформирований вели вербовку тех же афганцев для борьбы с действующим правительством. Главной оппозиционной силой был институт мулл (мусульманское духовное звание), который имел большое влияние среди местного

населения. Свою антисоветскую пропаганду проводили «Голос Америки», «BBC», радиостанции Ирана, Пакистана, Саудовской Аравии, радиостанции контрреволюционных формирований «Голос Исламской революции Афганистана», «Истинный голос мусульман Афганистана»...

Юрий Валентинович не любит вспоминать о боевых операциях, однако вспоминает ту тщательность, с которой готовились к ним. Именно благодаря продуманности действий, слаженной работе военных, дисциплинированности каждого пограничника, человеческие потери были минимальными.

Подполковник в отставке Юрий Шовковский рассказал и о важных событиях весны 1988 г., когда подразделению была поставлена задача подготовить базу для вывода шести полков 40-й армии с территории Афганистана в Узбекистан и Туркмению. Одна из главных задач – вывести советские войска, не допустив обстрелов колонн, тоже была успешно выполнена.

Работа с местным населением. На митинге в Рабати-Чехильтоне

Операция по захвату агента

Весной 1984 года стала поступать информация о том, что в бандформированиях (БФ) Каркинской зоны, подчиняющихся Мулло Дули («Исламское общество Афганистана»). Базовый кишлак Каркин с 1983 г. являлся представителем БФ Каркинской зоны в штабквартире «ИОА» в Пешаваре), появился иностранный советник турецкого происхождения. Он с первыми караванами с оружием прибыл в провинцию Джаузджан в апреле–мае 1984 года. Первоначальными местами его пребывания являлись базы моджахедов в районе гор Альбурз (район Мармоля), Акчинской зоне, волости Корчангу, где он посещал БФ, в состав которых входили моджахеды туркменской национальности.

В конце мая представители оргядра Хаамиабской волости по телефону информировали о появлении в местной бандгруппе иностранного советника, который выходил в сопровождении моджахедов к линии сухопутной границы (правый фланг 10-й пограничной заставы). Находясь на безопасном удалении и маскируясь, он вел видеосъемку прилегающей к границе местности и расположения заставы, а также месторасположения Хаамиабского оргядра. В то время все резервы подразделений Керкинского пограничного отряда и афганские части были задействованы в проводке колонны по маршруту Мазари-Шариф – Шибарган – Андхой – Меймене. Для проведения внезапного блокиро-

вания к. Хаамиаб необходимо было как минимум две десантно-штурмовые группы и афганское подразделение для проведения прочески. Сотрудникам МГБ Хаамиабской волости было рекомендовано продолжать оперативное сопровождение действий иностранца в к. Хаамиаб и продолжать информировать нас.

Ближе к вечеру следующего дня поступила информация, что иностранец в дневное время выходил к урезу воды реки Аму-Дарья на левом фланге 10-й погранзаставы. Здесь он производил видеосъемку линии границы, крайнего пограничного знака, находящегося на левом берегу указанной реки, а также участка, где река переходит на советскую территорию (стык 10-й и 11-й пограничных застав). После этого он вернулся в к. Хаамиаб, где ему планировали организовать торжественный прием в доме одного из глав туркменского рода, располагающегося через три двора от места дислокации организационного ядра народной власти Хаамиабской волости (около 30 человек), которые жили, как в крепости (находилась в 5 метрах от линии границы, напротив 10-й пограничной заставы), и своего расположения не покидали.

Характер последней видеосъемки иностранца стал неопровержимым признаком его причастности к западным спецслужбам, так как участок выхода реки Аму-Дарья на советскую территорию на стыке 10-й и 11-й пограничных застав

рассматривался ими в качестве одного из важных каналов заброски своей агентуры на территорию СССР в мирное и военное время. Периодически указанные спецслужбы засылали свою агентуру для фотосъемки (в то время уже видеосъемки) данного участка границы и отслеживания оперативной обстановки на территории, прилегающей к нему.

Государственная граница в районе выхода реки на советскую территорию не перекрывалась инженерно-техническими средствами, а охранялась в дневное время визуальным наблюдением пограничных нарядов «Пост наблюдения», а в ночное – постом технического наблюдения и малыми катерами, которые не могли обеспечить надежную охрану реки шириной 300–500 (во время половодья) метров. По замыслу спецслужб их агентура, используя афганскую территорию, могла в ночное время, с использованием аквалангов или малых резиновых лодок, преодолеть в надводном или же подводном положении (в зависимости от погодных условий и оперативной обстановки) линию границы и через 500–1000 метров выйти на советский правый берег (юго-западнее поселка Мукры – участок 11-й погранзаставы). Переодевшись в гражданскую одежду, они могли добраться до ближайшей железнодорожной станции (Дустлик, Керкичи, Амударьянская, Талимарджан, Карши) и сесть в пассажирский поезд Душанбе –

Москва, который доставил бы их в столицу СССР через три дня для совершения подрывных акций.

С учетом сложившейся ситуации руководству Хамаибского оряздра было предложено сформировать боевую группу в составе 20 человек и в первую половину ночи внезапно заблокировать двор вышеуказанного авторитета, где устраивался прием иностранца, и захватить его. В случае попыток моджахедов отбить иностранца им была обещана огневая помощь двух БТР усиления, находящихся на 10-й пограничной заставе, и прибытие пары вертолетов для прикрытия с воздуха. На крайний случай оряздру было рекомендовано укрыться на советской территории.

Благодаря внезапности действий бойцов оряздра и беспечности моджахедов (убегали через дувалы, не оказывая сопротивления) иностранец был задержан и доставлен в месторасположение оряздра. Утром он был вертолетом переправлен в Шибарган. В процессе фильтрации было установлено, что задержанным иностранцем является гражданин Турции Тургут Озал (в последующем такое имя и фамилию имел один из президентов страны), око-

ло 40–45 лет, ниже среднего роста, плотного телосложения, волосы кудрявые, желтого цвета, по сезону одет в афганскую национальную одежду.

Состояние иностранца было подавленным, в беседе он стремился не смотреть в глаза собеседника, отвечал медленно, постоянно требовалось задавать уточняющие вопросы. С его слов он проживал в пригороде Стамбула, оставшись без работы, решил поехать на сезонные заработки в Иран, откуда, не найдя работу, отправился в пакистанский Пешавар. В этом городе ему повстречался американец, который работал в лагерях афганских беженцев, предложивший ему за хорошие деньги съездить в районы Афганистана, где проживают местные туркмены для изучения их быта и условий жизни, а также сбора материала о том, как они воюют за свою независимость. Учитывая сумму обещанного гонорара, Тургут Озал согласился на эту авантюру.

Через несколько дней иностранец был отправлен в Кабул, где он после возбуждения органами МГБ уголовного дела предстал перед судом, который приговорил его к высшей мере наказания. В апреле (или мае) 1985 г. в газете «Изве-

стия», на первой полосе, появилась статья «Небо над Кабулом», где подробно было описано, как Тургут Озал был завербован сотрудником ЦРУ, чем занимался на территории Афганистана и как было осуществлено выполнение решения суда. В статье только отсутствовала информация о том, как был задержан Тургут Озал.

Операция по задержанию Тургута Озала является одной из замечательных страниц боевой летописи Керкинского пограничного отряда, когда, грамотно используя способ взаимодействия, удалось пленить агента ЦРУ, не используя своих сил и средств, и обеспечить надежность прикрытия охраны границы. Ни один пограничный отряд КСАПО не имел в своей истории такого опыта.

Следует отметить, что чуть позже при проведении операции в районе Ширинтагаба солдатами 35-го афганского пехотного полка (дислоцировался в г. Меймене) при проческе кишлака был задержан французский журналист, которого сразу же отправили в Кабул. В последующие годы иностранцы появлялись только на горных базах моджахедов, выходить к линии границы они уже боялись.

Хранов Иван Васильевич (р. 05.04.1951), начальник отдела службы собственной безопасности Арктического регионального управления ФПС России, полковник. Участник боевых действий в Республике Афганистан в 1983–1985 гг. Награжден медалями «За боевые заслуги» и «За отличие в охране государственной границы СССР».

ММГ «Калайи-Нау»: боевые будни и быт

6 марта 1983 года с самого утра моросил дождь, низкая облачность не предвещала возможности вылета. Но к обеду немного прояснилось, и экипажи Ми-8 приняли решение лететь. Все, кто собирался лететь в ММГ-1, быстро разместились на двух вертолетах, и мы полетели в Калайи-Нау, центр провинции Бадгис, где базировалось подразделение. Вертолеты шли достаточно низко, особенно в районе перевалов. Весь перелет занял не больше часа. К севшим бортам подошло много народа.

Одним из первых, кого я увидел на аэродроме в группе встречающих, был капитан А.В. Арбузов. Его застава обеспечивала охрану и разгрузку вертолетов. Прошло больше двух лет, как мы расстались в Реболах. Главная разница в нашем положении была в том, что его командировка заканчивалась, а моя только начиналась. Но все равно было приятно встретить знакомое лицо. Встречал меня и тот, кого я прилетел менять на должности замполита, – майор В.И. Морозов. Воспоминания об этих первых минутах пребывания

на земле Афганистана сумбурны и непоследовательны. Запомнилась раскисшая от дождей и недавно выпавшего снега земля. И больше ничего.

Город Калайи-Нау по российским меркам – большое село с населением от 2-х до 3-х тысяч человек с учетом кочующих групп населения. Лагерь мотомангруппы расположился за речкой, у подножья ближайших к городу сопков, на которых находились КП группы и посты боевого охранения.

В Тахта-Базаре за два дня ожидания в холодной гостинице я умудрился простыть. Температура поднялась до 38,8 градусов, к этому добавились боли в пояснице, проснулся радикулит. А надо было держаться. Во-первых, принять дела у счастливчика майора В.И. Морозова, которого я менял, а во-вторых, не акцентировать внимание на своих болезнях перед новыми сослуживцами, чтобы не подумали чего-либо... Ведь мне с ними работать и воспитывать, в меру сил и умения. А без личного примера воспитательный процесс – одна говорильня.

Надо отдать должное Виталию Ивановичу Морозову. Он приложил максимум усилий, чтоб поставить меня на ноги в кратчайший срок. Ухаживал, как за маленьким, выполняя рекомендации доктора. Конечно, он был заинтересован в моем выздоровлении. Не прими я у него дела, его отъезд мог отодвинуться. Разместили меня в землянке, где проживало командование мотомангруппы: начальник ММГ майор Г.В. Шутенко, начальник штаба капитан С.С. Гулевич и майор В.И. Морозов. Для меня на время, до отъезда Морозова, поставили дополнительную койку, вторым ярусом, другой возможности и места в землянке не было. Мне уступили нижний ярус, на верхний я бы в таком состоянии не забрался. Виталий Иванович лично руководил регулярной сменой постельного и нательного белья.

Сейчас смешно, а тогда в землянке практически одновременно проходили проводы В.И. Морозова, приезжали советники ХАДа, царандоя и другие, передача дел и мое лечение. Первые сутки я лежал с высокой температурой, с

трудом понимая, что происходит, и тут же за столом провозглашались тосты в честь убывающего товарища. Только на вторые сутки, когда удалось сбить температуру, я начал немного соображать. Быстро принял дела. А 10 марта погода улучшилась, прилетели вертолеты, и В.И. Морозов благополучно улетел в Советский Союз.

Командировка для меня началась не самым лучшим образом. Такое впечатление, что мой организм отвергал ту реальность, которая теперь окружала меня.

Душманы с завидной регулярностью обстреливали город и наш лагерь. Как правило, обстрелы начинались после 22 часов и заканчивались около 24-х или чуть позже. В основном это были дежурные обстрелы, вероятно для отчета. По информации наших офицеров разведотдела, в обстрелах принимали участие мелкие бандгруппы и местные жители окрестных кишлаков. Днем они мирные крестьяне, а ночью – пособники душманов. И только когда подходили более крупные банды, главари которых проходили подготовку в Иране или Пакистане, обстрелы города и лагеря могли иметь серьезные последствия. На вооружении этих банд были минометы, гранатометы, пулеметы, в т.ч. и станковые, не говоря о другом стрелковом оружии.

К мелким «дежурным» обстрелам я привык быстро и перестал обращать внимание на них, оборонительные позиции мотомангруппы, опоясывающие лагерь, были сделаны на совесть, в полный профиль и поэтому при обстрелах достаточно было ходить по траншеям, а не бегать по открытой местности. И каждый раз при серьезных обстрелах мы с благодарностью вспоминали первый со-

став ММГ и первого начальника группы майора Г.В. Шутенко, под руководством которого все было построено. Заменяв батальон Советской Армии в январе 1982 г., в Калайи-Нау мотомангруппа начала свою жизнь с палаточного городка. Первоначально палаточный лагерь мотомангруппы располагался рядом с лагерем батальона Советской Армии. При каждом обстреле, со слов офицеров первого состава, приходилось занимать боевые позиции.

Позиции были подготовлены к круговой обороне, причем в полный профиль. И только культурные мероприятия, в первую очередь просмотр кинофильмов, проводились на открытом пространстве, т.е. на свежем воздухе. Душманы хорошо были информированы о данных мероприятиях и неоднократно начинали обстреливать лагерь с началом демонстрации фильма. Приходилось прекращать показ кино. Большое скопление личного состава на открытой местности могло привести к серьезным потерям среди личного состава при обстрелах. Обстрелы срывали столь важное мероприятие для личного состава, если учесть, что телевидения в мотомангруппе не было, а радио в горах работало неустойчиво. Кино было единственным развлечением.

Сама жизнь подтолкнула командование мотомангруппы к строительству «подземного» клуба для проведения воспитательных мероприятий и просмотра фильмов. Огромный объем земляных работ поражает, особенно если учесть, что землеройной техники в мотомангруппе не было. В построенной землянке помещалось 250 военнослужащих. Это весь свободный личный состав, за исключением боевого охранения. И с

этого момента плохая погода и мелкие обстрелы перестали влиять на проведение воспитательных мероприятий.

За неделю я познакомился с расположением мангруппы, оборонительными сооружениями, организацией обороны и начал знакомиться с военнослужащими ММГ-1. Основная часть ММГ была сформирована под Ленинградом на базе КСЗПО (Краснознаменного Северо-Западного пограничного округа), передана в подчинение КСАПО и дополнена погранзаствами на БМП и минометной батареей. Это была самая крупная мотомангруппа на участке отряда из трех имеющихся, да и в округе подобных ММГ было всего две, считая и нашу. Поэтому личный состав и техника мотомангруппы довольно часто направлялись для оказания помощи другим ММГ и не только на участке Тахта-Базарского отряда, но и других отрядов КСАПО. Две другие, имеющиеся на участке отряда, дислоцировались в Карабаге и Кайсаре. Наша мангруппа превосходила остальные по всем параметрам: численности личного состава, количеству техники и вооружения. Причем вся имеющаяся в ММГ техника была новой. Учитывая значимость ММГ и оперативное направление, непосредственно в мангруппе была расположена оперативная группа, состоящая из 3–4 офицеров, для реального управления на месте.

Первый начальник мотомангруппы – майор Г.В. Шутенко. Офицер вдумчивый, требовательный, хороший организатор, общительный человек. В мангруппе с момента начала ее формирования в КСЗПО. На момент нашего знакомства Шутенко имел солидный опыт руководства подразделением

в боевых условиях. У него было интересное хобби – занятие йогой. Занимался он самостоятельно, по имеющемуся пособию с какой-то подкупающей целеустремленностью. Было, с кого брать пример, в первую очередь в вопросах поддержания нормальных деловых взаимоотношений с советником аппаратом КГБ, МВД и другими советниками, работающими в провинции Бадгис, и, конечно, с руководством провинции, губернатором, первым и вторым секретарем провинциального комитета НДПА и другими руководителями.

Второй начальник мотомангруппы – майор В.К. Григорьев. Прибыл на смену майору Г.В. Шутенко 4 июля 1983 г. с должности коменданта погранкомендатуры «Гасан-Кули» Нибет-Дагского пограничного отряда КСАПО. Ранее он уже служил в Тахта-Базарском отряде.

Третий начальник мотомангруппы – майор В.И. Романец. Прибыл на смену майору В.К. Григорьеву 17 июля 1984 г. с должности начальника штаба мотомангруппы «Меймене». На прежнем месте службы был представлен к награждению орденом Красной Звезды и в сентябре получил орден. Сдавал ему ММГ я, так как с начала мая до середины июля из командования был один.

...Прошло две недели со дня моего прибытия в мотомангруппу. За это время на меня обрушилась масса самой разнообразной информации. Впервые столкнулся с прямой зависимостью снабжения ММГ от погоды. Длительные осадки в виде дождя и снега в марте резко подняли уровень воды в горных речках и сделали их непроходимыми, исключая возможность проводки колонны, а пас-

мурная погода и низкая облачность на горных перевалах исключили возможность использования вертолетов для заброски грузов и прежде всего продовольствия. Оказалось, что заканчиваются основные виды продовольствия. К концу марта кончились мясо и мука. Сухарей хватило только на три дня. Спасала соленая рыба в бочках, которая давно лежала на складе продслужбы. Она была до того соленая, что ее до поры до времени никто не ел, а потом отмачивали в воде и использовали для приготовления пищи, естественно без добавления соли.

Только побывав в Афганистане, я понял истинную цену воды для жизни человека. ВОДА!!! Когда ее вокруг много и она пресная, пригодная к употреблению в пищу, о ней не думаешь, блага, которые она дает, не замечаешь. А здесь, в Афганистане, ВОДА – это ЖИЗНЬ, в прямом смысле этого слова. Большинство речек и ручьев здесь соленые, да и те в жаркое время года пересыхают. Берега покрываются белым налетом, это на земле выступает соль. Редкие пресные источники в виде родников для афганцев являются святыми местами. Их очищают, облагораживают и даже украшают. Но рядом с нашим лагерем не было ни одного родника. А поездки на дальние источники для наших предшественников превращались в боевую операцию, т.к. дорога туда была одна и ее постоянно минировали. Кроме того, водовозку каждый раз сопровождала боевая техника и не всегда эти поездки за пресной водой заканчивались благополучно. От поездок пришлось отказаться. Начали пользоваться водой из ближайшей речки. В осенне-зимний период вода представляла со-

бой мутную субстанцию, в которой минимум 20 процентов – грязь. Ее отстаивали, а потом подвергали специальной очистке, для этого в мангруппе имелась специальная техника.

Немного забегаю вперед, скажу несколько слов о последствиях сильной жары летом 1984 года. Началась засуха, и пересохла река Аби-Гормак, протекающая через город. Мы своими глазами видели, как замерла жизнь в провинциальном центре и в ближайших кишлаках. Даже местные банды, спасаясь от засухи, ушли в горы, перегоня свой скот туда, где можно было его прокормить, где еще была вода и была жизнь. Боевые действия временно прекратились.

Уже после окончания моей командировки в ДРА, в конце 1986 г., в мотомангруппу прислали специалистов с буровым оборудованием. Они пробурили скважину. Как рассказывали ребята, вода из скважины была кристально чистой, но на вкус солоноватой. Ранее, еще в середине 1985 г., воду, которой пользовался личный состав, отправляли на исследование.

Взятые на анализ пробы воды были отправлены в Ашхабад. Результаты анализов были удручающими. Вода содержала большое количество различных солей и была годна только для хозяйственно-бытовых нужд. Для приготовления пищи эту воду можно было использовать только в крайнем случае и то при соблюдении определенных условий.

Надежды на скважину были большие. Ведь надо было обеспечить безопасное снабжение водой личного состава мотомангруппы. Водой, несмотря на ограничения, конечно пользовались, но для каждого нового в ММГ человека употребление ее заканчивалось расстройством желудка и создавало кучу неудобств. В дополнение к отсутствию продовольствия, проблеме с питьевой водой, стали заканчиваться уголь и дрова, было израсходовано дизельное топливо. После службы в Карелии смешно было слышать «нет дров». Но и к этому надо было привыкать. Окружающие нас сопки были «голые», если не брать во внимание траву. На базаре в Калайи-Нау дрова продавали на вес, кстати, металлическую посуду и другие металлические изделия тоже.

Так продолжалось более двух недель. Дошло до того, что было подготовлено и отправлено в Ашхабад и Тахта-Базар политдонесение о критическом положении с обеспечением личного состава продуктами питания, о принимаемых в ММГ мерах по экономии оставшихся продуктов питания и о том, что в связи с уменьшением норм довольствия личного состава мы вынуждены отменить все учебные занятия и работы, не связанные со службой. Донесение подписали майор Шутенко и я.

В это время «выплыл» еще один больной вопрос. Проблема с табачным довольствием личного состава. На территории ММГ исчезли все окурки. Трудно представить, но так было. Военнослужащие собирали «бычки», тем самым убирая территорию, потрошили их, табак сушили, потом делали самокрутки и курили «это»...

Командование Тахта-Базарского погранотряда долго не могло нам простить донесения. Мы ведь дали его в два адреса. Когда погода немного улучшилась, и появились свободные вертолеты, в ММГ доставили самое необходимое: муку, мясо и консервы, но разве можно несколькими рейсами вертолетов Ми-8 доставить продовольствие на 400 пограничников? Нет. Только колонной можно было завезти все необходимое для жизни личного состава ММГ и обеспечения ее боевой деятельности на длительный период. В дальнейшем мы еще практиковали направленные телеграммы в два адреса. Такая методика вынуждала командование погранотряда реагировать на наши заявки по различным видам обеспечения, не откладывая их в долгий ящик.

Жилой сектор в мотомангруппе представлял собой два ряда землянок. Эти жилые помещения, врытые в землю, нельзя было назвать землянками в классическом понимании. Нет сруба, укрепляющего и поддерживающего стены, нет крыши из бревен в несколько рядов, защищающих от прямых попаданий мин и снарядов. Земляной котлован, благодаря твердому грунту, не нуждался в дополнительном укреплении стен.

Привезенные срубы для строительства по прямому назначению не были использованы. Часть бревен

от срубов растащили еще в Тахта-Базаре местные начальники. Ведь в Туркмении любой строительный лес «на вес золота». Часть пришлось использовать на дрова уже в Афганистане, для топки «буржоек» в палатках. Поставляемых дров не хватало. И только оставшаяся часть дерева пошла непосредственно на строительство землянок. В первую очередь построили медицинский пункт. За ним пять землянок, в которых размещались офицеры и прапорщики подразделений, две землянки, в которых размещалось командование мангруппы. И большая землянка, в которой располагался клуб.

В клубной землянке в самом конце располагалась место для приема пищи офицеров и прапорщиков. Личный состав принимал пищу в своих землянках и пользовался котелками. Врачу и фельдшеру мотомангруппы приходилось постоянно следить за санитарным состоянием индивидуальной посуды. Завершала первый ряд землянок кухня. Это были обычные армейские кухни на колесах под навесом, поставленные на колодки. Кухни немного усовершенствовались пограничные умельцы. При постоянном дефиците дров к этим кухням приспособили горелки, работающие на жидком топливе. Напротив, через плац, в землю была врыта пекарня. Там была установлена корабельная печь для выпечки хлеба. Важнейший объект, в полном смысле этого слова. Качество выпекаемого хлеба влияло на многое, в т.ч. и на настроение личного состава. А качество будущего хлеба зависело от многих факторов: качества муки, дрожжей, температуры в самой пекарне, особенно в момент, когда подходило тесто. Поэтому летом

хлеб, особенно белый, пропекался хорошо, ржаной хлеб хуже. А вот зимой с выпечкой хлеба были постоянные проблемы. Особенно с ржаным хлебом. Он не всегда пропекался. Бывали моменты, когда можно было есть только корочку, а мякоть была несъедобной.

Между первым рядом землянок и вторым в самом начале находился «опердомик». В этом строении располагались офицеры опергруппы. Он достался мангруппе от ранее базировавшегося здесь батальона Советской Армии. Рядом с ним находился узел связи. Второй ряд – пять больших землянок, в которых располагался личный состав подразделений. В больших землянках кровати были установлены в два яруса. Отапливались землянки, большие и маленькие, металлическими печками типа «буржуйка». Они быстро нагревались и так же быстро остывали.

За землянками личного состава начиналась санитарная зона: туалет «свободного падения», умывальники и баня. Домик, в котором располагалась баня, мангруппе тоже достался от армейцев. Баня – это самое замечательное место в условиях Афганистана. В ней можно было немного отдохнуть, особенно когда удавалось ее нагреть до приличной температуры и попариться. В условиях, когда обычные дрова были дефицитом, баню топили с использованием горелок на жидком топливе. Поэтому в бане присутствовал постоянный запах солянки. Следующей проблемой при помывке личного состава было обеспечение бани водой. Ее нужно было привезти из реки, дать ей отстояться, очистить и только потом использовать в санитарных целях.

Еще одной проблемой являлась стирка белья. В 1983–1985 гг. по-

стельное белье из мангруппы отправляли стирать в Тахта-Базар. Но качество стирки было очень низким. Были случаи, когда врач мотоманевренной группы находил в присланном «чистом» постельном белье вшей. Приходилось это белье подвергать «термообработке». Проще говоря, проглаживать горячим утюгом. Со слов пограничников, проходивших службу в 1986–1987 гг. и позже, после того, как пробурили на территории ММГ скважину, и была решена проблема с обеспечением водой, стирку постельного белья организовали уже на месте. Были привезены из отряда стиральные машины. Но в связи с тем, что постоянно не хватало то стирального порошка, то еще чего-нибудь, качество стирки было невысоким.

Элементы цивилизации в нашу жизнь вносило электричество. Его вырабатывали две мобильные станции, которые располагались за баней. Работали они 4–5 часов в сутки, как правило, с 19 или 20 часов и до 24. Надо было экономить топливо и моторесурс. Станции обеспечивали работу узла связи, зарядку аккумуляторных батарей, работу пекарни и, конечно, освещение жилых помещений. В ночное время для освещения землянок все пользовались керосиновыми лампами. Это изобретение двухвековой давности исправно служило и нам. Ни о каких бытовых электрических приборах, типа холодильника, кондиционера, различных электрических печей, вентиляторов и т.п., при таком режиме подачи электроэнергии не могло быть и речи. Но мы привыкли, и личный состав не роптал. Все изменилось с появлением ТВ в ММГ. Выключение электроэнергии стало вызывать недовольство, особенно если прерывалась интересная те-

левизионная передача. Так элементы цивилизации принесли проблемы в нашу «первобытную» жизнь.

Руководство провинции заранее обратилось к командованию мотомангруппы с просьбой обеспечить безопасность празднования афганского Нового года, в случае необходимости поддержать огнем. Оперативный батальон царандоя контролировал ближайшие к городу сопки, а мы за рекой Аби-Гармак были в готовности оказать необходимую помощь в случае нападения душманов. Днем 21 и 22 марта все прошло спокойно, без обстрелов, да и ночью обстрел города был незначительным.

Начали готовиться к обеспечению безопасности празднования 5-й годовщины Апрельской революции. Но, к сожалению, не мы одни. Душманы тоже. Они начали проводить теракты против активистов НДПА и местного населения, поддерживающего Апрельскую революцию. В кишлаке рядом с лагерем мотомангруппы убили активиста и женщину, мать другого активиста.

Срочно совместно с руководством провинции мы приняли меры по усилению охраны города. По данным, полученным по линии ХАД (органы государственной безопасности ДРА), к городу должны были подойти несколько бандгрупп. А для начала душманы начали регулярные ночные обстрелы города. Мотомангруппа по просьбе советников огнем 120-мм минометов в радиусе 5 км периодически подавляла огневые точки душманов. Серьезных потерь ни у нас, ни у афганцев не было.

27 апреля 1983 г. – годовщина Апрельской (Саурской) революции. Мероприятия прошли спо-

койно. Наша мотомангруппа обеспечивала безопасность проводимых мероприятий и прежде всего маленького военного парада подразделений местного гарнизона, отрядов самообороны и демонстрации трудящихся провинциального центра. Впервые я видел проведение массовых мероприятий в мусульманской стране с зарождающейся народной властью. Демонстрация проходила с учетом местных обычаев. В колоннах было строгое деление по половому признаку. Колонна местного лица — местная школа с 12-летним сроком обучения состояла отдельно из групп мальчиков и отдельно — девочек. Все лица женского пола, независимо от возраста, шли с покрытой головой, в косынках и платках, при этом выражения их лиц были какими-то испуганными, а взгляды упирались в землю. Основу этой школьной колонны составляли ребята, проживающие в интернате. Это были дети, у которых погибли родители в боях за революцию.

28 апреля празднование продолжилось. Были организованы спортивные мероприятия с местным колоритом. С разрешения опергруппы мы выезжали в Калайи-Нау для участия в состязаниях, но все мероприятие ограничилось игрой в волейбол. Об этой игре договорились заранее, взяли с собой спортивную форму, чтоб игроки выглядели прилично. Форму взяли и для афганцев. Предложили им одеть спортивную форму. Ее афганцы взяли, майки одели поверх своей одежды, а трусы одевать отказались. У них вообще не принято оголять тело.

Играли афганцы по своим правилам, без смены позиций игроков, каждый из их игроков на про-

тяжении всей игры выполнял одну определенную роль. На подаче стоял всю игру один игрок, у сетки — другой и т.д. Но играли достаточно хорошо. При счете по партиям 2:2 решили пятую партию не играть и «победила дружба». А дальше, как всегда, начался настоящий цирк. Афганцы начали просить оставить спортивную форму им. Майор Г.В. Шутенко разрешил, и тут на наших глазах провинциальные начальники различных рангов без особых разговоров отняли у игроков комплекты формы и забрали ее себе!

Празднование годовщины революции прошло без серьезных обстрелов. Душманам не удалось реализовать свои обещания о нападении на город, срыве праздника и уничтожении тех, кто примет в нем участие. Отсутствие реальных результатов своей «деятельности» они компенсировали распространением ложной информацией о своих успехах в борьбе с «неверными»...

В Афганистане почти все было другим, не похожим на ту жизнь, которая осталась теперь в прошлом. Горная местность, национальная одежда местных жителей, облик населенных пунктов и, естественно, климат, ведь я переместился на несколько тысяч километров южнее. В кишлаках, расположенных рядом с мотомангруппой, основным строительным материалом были глина и сухая трава. Дома, если их можно было так назвать, возводимые из

этого строительного материала, представляли собой помещения с крышей в виде купола. Окна в этих помещениях были маленькие или их не было вообще. И чем больше таких помещений, тем больше жен было у хозяина, тем многочисленнее была его семья. Место жительства такой семьи огораживалось глухим высоким забором (2–2,5 метра) из такой же смеси глины и соломы. Заборы были не только высокими, но и широкими (от 0,5 до 1 метра). В этом же дворе размещался весь домашний скот, принадлежащий семье. Такое строительство в кишлаках велось сумбурно, без каких-либо планов.

Только в центре Калайи-Нау строились дома с использованием других строительных материалов, в том числе и привозных. Дома в основном одноэтажные, но было несколько домов и двухэтажных. В таких домах были нормальные окна, но их размер тоже был меньше, чем стандартные окна на территории Союза. И тут уже были улицы, на которых можно было достаточно хорошо ориентироваться. В этой части города располагались государственные учреждения и дома, в которых

жили люди, занимающие высокое социальное положение. Это руководство провинции Бадгис, ХАДа, царандоя, других государственных организаций и советнический аппарат.

Дома, в которых располагались советники, мы в шутку называли «виллами без удобств». Ведь даже в центре отсутствовал водопровод, канализация, не говоря про газоснабжение. Единственный признак цивилизации – электричество давали всего на несколько часов, в основном в вечернее время. Только на некоторых «виллах» имелись свои маленькие электроагрегаты, дающие электричество в жилые помещения. В других провинциях, которые располагались ближе к Кабулу, советники проживали действительно на виллах, со всеми удобствами цивилизации, с бассейнами на территории.

...В провинциальном центре оживление. Ждут колонну. Примерно 1–2 раза в год из Герата завозят продовольствие, ГСМ,

строительные материалы и другие грузы. В этом году выход колонны запланирован на конец мая. Перед нашей группой поставлена задача взять под контроль ближайший перевал и обеспечить проходные афганской колонны.

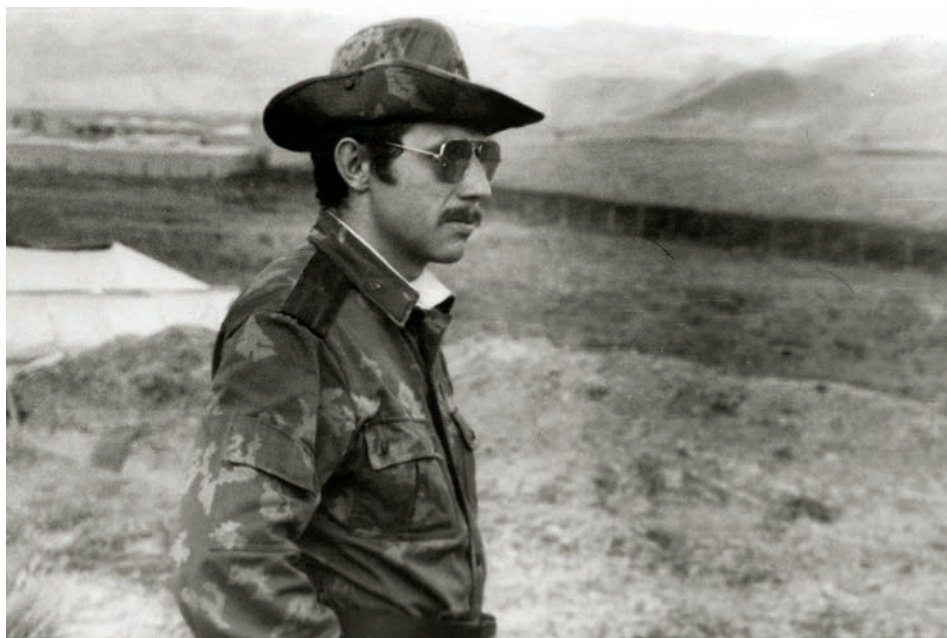
29 мая, я хорошо запомнил, был выход на рядовую боевую операцию, но для меня она была первой. Из лагеря вышли в 6 часов 30 минут. Колонна ММГ на БТР и БМП двигалась достаточно быстро. В районе кишлака Чешмаи-Дазах хвост колонны обстреляли. Обошлось без потерь, и к 9 часам группа достигла перевала. По прибытии на место взяли под контроль вход на перевал и стали ждать колонну из Герата. По предварительным расчетам колонна должна была подойти к перевалу около 14 часов. Она состояла из более 100 гражданских машин под охраной афганских подразделений численностью до батальона во главе с целым генералом и приданным им усилением в виде мотострелковой роты, в

свою очередь, усиленной танковым взводом и взводом 120-мм гаубиц. Эти подразделения были выделены от мотострелкового полка 40-й армии, дислоцирующегося в Герате.

Колонна двигалась третий день, ее периодически обстреливали, а, следовательно, эти подразделения вынуждены были останавливаться для огневого подавления нападавших. График движения был сорван. Прождав на перевале весь день, к вечеру мы получили информацию, что колонна в очередной раз остановилась для отражения нападения, поэтому на перевал подойдет только на следующий день. Нам дали команду возвращаться на базу.

Раньше я читал о том, что человек хорошо запоминает свой первый бой. Пришлось в этом убедиться самому. Группа отошла от перевала около 10 км, прошла кишлак Чешмаи-Дазах, а при подходе к сопкам головной БТР подорвался на mine. Старшим машины был старший лейтенант В.Е. Чечмаркин. Хорошо, что мина взорвалась под задним мостом. Оторвало одно колесо.

Никто серьезно не пострадал. Возникший пожар в БТР потушили быстро. Одновременно с подрывом начался обстрел нашей колонны. Приданная нашей группе рота царандоя при первых выстрелах разбежалась, бросив свои машины ГАЗ-66. Афганские бойцы залегли во всевозможных углублениях и начали стрелять в небо, т.е. вертикально вверх. Ответным огнем наших огневых средств мы вынудили душманов замолчать. Начали буксировать подорванный БТР. Естественно, скорость группы резко уменьшилась. Все узкие и подозрительные места на дороге саперы проверя-

Майор И.В. Храпов – заместитель начальника ММГ по политической части на территории Демократической Республики Афганистан (провинция Бадгис, Калайи-Нау).

ли на предмет закладки мин. Вероятно, все эти «подарки» душманы готовили для колонны, а достались они нам. Когда дорога подошла к месту, где с одной стороны была река, а с другой стороны нависала высокая сопка, душманы усилили обстрел колонны. Основной огонь сосредоточили на группе саперов.

Майор Г.В. Шутенко направил наш БТР на ближайшую сопку для прикрытия колонны. Мы забрались достаточно высоко. До вершины не доехали метров 70. Спешились. Заняли боевые позиции. Расчеты КПВТ и СПГ-9 обрабатывали выявляемые огневые точки. К сожалению, это я понял позже, не был выставлен дежурный пулеметный расчет на нависающую над нами сопку. Так мы не обеспечили себе прикрытия с тыла.

На противоположном берегу реки, как в кино про гражданскую войну, появилась группа душманов на лошадях. Открыли по ним огонь, они быстро вышли из зоны досягаемости. В это время в нескольких метрах от меня стали появляться фонтанчики пыли. Сначала я не понял, что они означают. Шел бой, для меня – первый. Я еще не научился различать звуки различных видов оружия и столь явные признаки обстрела. Видя эти фонтанчики пыли, я не сразу понял, что это стреляют по нам. Оборачиваюсь, поднимаю голову и вижу на сопке, нависающей над нами, три чалмы. Ответный огонь ничего не дал. Зато мы были у них как на ладони. Учитывая, что основная часть колонны уже прошла прикрываемую узость, командир приказал немедленно свернуться и догонять колонну. Дальнейшее движение колонны прошло без особых проблем.

Прошло столько лет, а все произошедшие тогда события до сих пор перед глазами. И только сейчас промелькнула мысль: а если бы те душманы на высотке, стрелявшие в нас, не промахнулись, для некоторых из нас этот первый бой мог стать и последним. Ведь расстояние было не более 100 метров...

В учебных пособиях по педагогике и психологии большое внимание уделяется вопросам завоевания у подчиненных не формального, а реального авторитета. Как много он значит в боевой обстановке, я даже не представлял себе. В повседневной мирной жизни как-то не обращаешь внимания на это. Военский порядок в части и авторитет должности заставляют подчиненных выполнять приказы и распоряжения командира и начальника. А тут, в боевой обстановке, особенно при проведении боевых операций, когда ошибочные действия руководителя могут привести к неоправданной гибели личного состава, авторитет и личный пример командира, вера в него помогают решать самые трудные задачи. И таким настоящим авторитетом у личного состава мотомангруппы пользовался майор Г.В. Шутенко. Он не был идеалом, но его слова не расходились с делами. Назначенный на должность начальника ММГ, он, как и все, не имел боевого опыта, но не стеснялся учиться действовать в боевой обстановке, а со временем стал учить других. Может именно поэтому в мотоманевренной группе были минимальные потери личного состава.

Когда пришло время прощаться с командиром, провожать Г.В. Шутенко вышел почти весь личный состав ММГ. Без коман-

ды, по велению души. Такой чести, кроме него, удостоился только один человек – прапорщик А.В. Табачков, помощник начальника ММГ по комсомольской работе. В этом невысоком, плотно сбитом молодом человеке было столько энергии и оптимизма, что могло хватить на десяток пограничников. Я с А.В. Табачковым прослужил только три месяца. О его славных боевых и трудовых делах больше слышал от офицеров и прапорщиков мотомангруппы. Свою боевую награду – орден Красной Звезды – прапорщик А.В. Табачков, если так можно сказать, заработал, исполняя обязанности командира противотанкового взвода.

Всего за 1983 год в мотомангруппе или обратно в Союз силами ММГ «Калайи-Нау» было проведено 6 колонн, а в 1984 г. – 7 колонн, кроме того 5 колонн в Кайсар и 2 – в Карабаг. Это без учета тех проводок, когда часть ММГ работала в Карези-Ильясе и Чакаве в течение почти трех месяцев. Наибольшее количество подрывов техники при проводке колонн было в 1984 г. Причем при проводке в Калайи-Нау – один БТР и ЗИЛ-131 с углем, при проводке колонн в Кайсар – 3 БТР, при проводке в Карабаг – 1 БТР.

При проводке колонн была еще одна проблема, на которой необходимо остановиться. Это отношение руководства отряда к личному составу ММГ-1, прибывшему в отряд с колонной. Ярким примером «некорректного» отношения к людям была ситуация в феврале 1984 года. 20 февраля из Калайи-Нау вывели колонну в Союз вместе с машинами роты подвоза. Шли тяжело, дорога раскисшая. На перевале у границы при спуске перевернулся ЗИЛ-131 роты

подвоза. Водитель не пострадал. Остальные машины при спуске придерживали лебедкой. Выйдя в 6.30, границу пересекли в 18.00. Это в 2,5 раза дольше, чем при спокойной проводке летом. У половины транспортных машин – топливо на нуле. Пришлось ждать бензовоз. Заправились. Подъехали к гарнизону. Машины роты подвоза отправили в гараж, а нам дали команду ехать на стрельбище. Это в 15 км от гарнизона. Приехали около 2-х часов ночи. Поставили машины.

Дежурный по стрельбищу показывает армейские палатки, где нам предстояло спать. А там даже «буржук» нет. А на улице – минус. Собрали все имеющиеся в палатках матрасы и одеяла, повалились на койки, не раздеваясь, прямо в танковых костюмах. Накрываясь тем, что кому досталось. На следующий день выяснилось, что в отряде нет необходимых материальных средств для загрузки колонны. Надо ждать, когда привезут. В отряд появляться нам запретили. Я пытался выяснить, кто конкретно дал такую команду. Но так и не выяснил.

Потом удалось получить некоторые разъяснения у офицеров тыла отряда. Оказалось, что в один из приездов в отряд военнослужащие нашей мангруппы были размещены на территории отряда. Занимаясь погрузкой колонны, ребята, передвигаясь по территории отряда, замечали что-то по их мнению бесхозное, прибирали и грузили на свои машины. Ведь в Калайи-Нау этих вещей взять было негде. А после приема пищи из столовой пропало большое количество столовых ложек. Хотя последнее объяснить очень просто. Столовые ложки, выдаваемые личному составу, были алюминиевые.

Они легко гнулись. А стоило их несколько раз согнуть и разогнуть – они ломались. А солдату на выезде без ложки никак нельзя.

После этого офицеры тыла под любым предлогом старались не пускать военнослужащих ММГ в гарнизон. Питались, как на боевой операции. Никому и в голову не пришло привезти нам горячую пищу. Пришлось проситься на персональный прием к начальству, чтобы получить разрешения на помывку личного состава в бане и обеспечение личного состава табачным довольствием. Так и просидели на стрельбище до 1 марта. Загрузили колонну и 2-го вышли в Калайи-Нау. Получается, что обузой мы были. Приходилось сглаживать «острые углы», объясняя личному составу сложившуюся ситуацию...

По данным, имеющимся у наших офицеров разведотдела, основная база местных бандитских формирований была расположена на горе Дашак. Гора возвышалась над окружающей местностью. И незаметно подобраться к этой базе было невозможно.

Для проведения боевой операции из СССР вертолетами перебросили часть Керкинской ДШМГ для усиления нашей объединенной группы. Примерно в это же время к нам на стажировку прислали подразделение группы «А». В его составе встретил своего сослуживца по Ребольскому погранотряду И.Ф. Митрофанова. Ребята прилетели с настроением повоевать. А нам была дана команда обеспечить их безопасность, чтоб с ними ничего не случилось.

14 декабря 1984 г. началась боевая операция в районе горы Дашак. После нанесения РБУ по горе и высадки десанта три боевые группы начали работать в окрест-

ностях горы, каждая группа по своему плану, с целью охвата горы со всех сторон.

Работая у себя в провинции Бадгис, мы не раз сталкивались с несоответствием топографических карт с реальной местностью. Ведь карты были старые, обновлялись в 60-е годы. А в горах после сильных дождей иногда за 1–2 дня менялся рельеф местности, исчезали дороги, реки меняли русла... Небольшие кишлаки как появляются, так и исчезают достаточно быстро, особенно, когда племя по тем или иным причинам снимается с места, оставляя развалины различных строений, и переселяется в другое место.

В то же время, общаясь с армейскими летчиками, приходилось видеть у них свежие снимки местности (результаты аэрофотосъемки), где все соответствовало реальности сегодняшнего дня. Все попытки через наше руководство получить официально такие материалы результатов не давали. У себя в провинции Бадгис мы работали регулярно и поэтому местность знали достаточно хорошо. А в провинции Герат, где проводилась операция, местность была незнакомая, карты старые, вот и приходилось иногда блуждать. В горах это серьезная проблема, тем более, когда ждешь нападения со всех сторон.

Заблудилась наша вторая боевая группа, в составе которой был и я, практически сразу. Там, где на карте была дорога, ее не было. Начали искать. Достаточно быстро дорогу нашли. Широкую, хорошо накатанную, скорость по ней можно было держать любую. Вот мы и разогнались. ГПЗ (головная походная застава) доложила, что видит кишлак, бегущих людей с оружием. Мы искали

кишлак Джушанак у подножия горы с целью предотвратить отход душманов с горы Дашак. Решили, что это он, а вооруженные люди – душманы, пытающиеся уйти от преследования. Старшему головной группы дали команду: «Открыть огонь по отходящему противнику». Но, вероятно, был кто-то, кто уберег нас от серьезных неприятностей. Стрелок КПВТ на БТР немного замешкался и сразу не открыл огонь. А буквально через минуту старший ГПЗ выходит на связь и сообщает, что видит что-то непонятное. Мы выезжаем на высоту, и нашим глазам открывается живописная картина, от которой дух захватило. Перед нами была река, а по карте единственная приличная речка была только на границе с Ираном – Герируд, и до нее по нашим расчетам было еще 15–20 км. На другом берегу в кишлаке, где бегали люди с оружием и занимали боевые позиции, видна была старая крепость, а на стене крепости был размещен огромный портрет аятоллы Хомейни, лидера Ирана.

Получалось, что мы вышли на границу с Ираном и чуть не организовали международный конфликт, открыв огонь по чужой территории. О сложившейся ситуации доложили командованию. Сообщили, что заблудились. Предположительно вышли к кишлаку Поли-Хишти на границе с Ираном. В ответ услышали все, что руководство о нас думает, но нам никто не поверил. По мнению руководства операцией, до границы еще не менее 15 км, и надо работать по плану, а не фантазировать. Однако мы решили не рисковать и, развернувшись, поехали искать злополучный кишлак Джушанак в другом месте. Через не-

которое время с помощью освободившихся после РБУ вертолетов мы вышли на кишлак Джушанак, правда, подъездов к нему не нашли. Выдвинулись пешком. При нашем появлении люди с оружием покинули кишлак. А местное население, вероятно, ушло из кишлака давно. Зато у горы Дашак в одной из расщелин нашли тайник с оружием.

Первая боевая группа тоже заблудилась, но более результативно. Не имея оперативной информации, случайно вышли на базовый лагерь душманов в районе разрушенного кишлака Чакав. Ребятам сильно повезло. Была пятница, выходной для мусульман. Душманы разошлись по домам, «ушли в увольнение», оставив только охрану лагеря. Это и спасло ребят. Лагерь был хорошо укреплен, дорога, проходящая по ущелью, пристреляна и заминирована. На подходе к базе, еще не зная о ее существовании, саперы группы сняли 18 противотанковых мин итальянского и иранского производства. Отличился старший сержант В.В. Усик.

При взятии базы обошлось без потерь. Рядовой Радченко был ранен, и его эвакуировали в Кушку, в госпиталь. Захватили 4 душманов, оружие, боеприпасы, документацию, продовольствие и медикаменты. Особую ценность представляли документы.

На следующий день, 16 декабря, командование опергруппы КСАПО, воодушевленное первыми неожиданными успехами, срочно сформировало усиленную группу из 18 единиц бронетехники и выдвинуло по маршруту 1-й группы. Прошли район захваченной базы у кишлака Чакав без особых проблем, а затем на-

чалась война. Мы в своей спокойной провинции и не представляли, что такое может быть. Сначала попали под минометный огонь, затем с сопков по нам начали стрелять из гранатометов. Каким-то чудом обошлось без прямых попаданий. Не передать наши ощущения, когда слева по ходу движения колонны, на отвесных склонах сопков, наблюдались разрывы гранат. Только вышли из-под огня гранатометов, подорвался БТР. Через несколько минут, при спуске в русло речки, подорвался еще один бронетранспортер. Много контуженных, раненых.

Чтобы не попасть в «огневой мешок», дали команду на выход из-под обстрела. Такого «теплого» приема мы не ожидали. Запросили помощь, нужны были вертолеты для эвакуации раненых и контуженных и огневое прикрытие. Первая пара вертолетов, шедшая к нам, попала под огонь зенитной установки. Они быстро набрали высоту и вышли из-под огня. После этого вертолеты ниже не спускались. Естественно, эффективность огневой поддержки с воздуха резко снизилась. Подошла вторая пара вертолетов. Один подсел в наше расположение для эвакуации раненых.

Потом мы еще два раза ходили в этот район, вытесняя душманов в Иран. Уничтожили остатки базы. На дороге и в русле сухой речки сняли около 20 мин. Настоящие минные поля. Местные банды не испытывали недостатка в оружии и боеприпасах. Для более эффективного контроля за данным районом командование КСАПО приняло решение о выставлении еще одной мотомангруппы в кишлаке Чакав...

Грибанов Борис Иванович,
начальник штаба КСАПО
(1988–1992 гг.)

Русинов Владимир Иванович,
старший офицер отдела связи
штаба КСАПО (1987–1989 гг.)

Джафаров Рамазан Джафарович,
заместитель начальника разведотдела
68-го Тахта-Базарского погранотряда (1987–1989 гг.)

Мельников Виктор Петрович,
зам. начальника полевой оперативной
группы по разведке 48-го
Пянджского ПОГО (1987–1989 гг.)

Тымко Александр Иванович,
начальник 81-го Термезского погранотряда (1985–1986 гг.), заместитель
начальника войск КСАПО
(1988–1989 гг.)

Астанин Александр Николаевич,
начальник полевой оперативной
группы 47-го Керкинского погранотряда (1988–1989 гг.)

Полунин Виталий Осипович,
начальник инженерной службы ОГ
КСАПО (Душанбе) (1987–1989 гг.)

Гринь Алексей Анатольевич,
начальник артиллерии 68-го Тахта-
Базарского ПОГО (1988–1990 гг.)

Бадалов Видади Рза Оглы,
старший офицер разведотдела
48-го Пянджского погранотряда
(1987–1989 гг.)

Кочетов Геннадий Викторович,
заместитель начальника ДШМГ
по разведке 47-го Керкинского
погранотряда (1982–1984 гг.)

Буйнов Виктор Иванович,
старший оперуполномоченный
особого отдела по 117-му Московскому
погранотряду (1987–1989 гг.)

Владимиров Александр Сергеевич,
заместитель начальника войск
КСАПО (1988–1990 гг.)

Быков Александр Владимирович, старший офицер инженерно-технического управления ГУПВ (1987–1989 гг.)

Полосенко Виктор Адамович, заместитель начальника тыла 48-го Пянджского погранотряда (1988–1989 гг.)

Берсенёв Михаил Васильевич, начальник оперативной группы 48-го Пянджского погранотряда (1986–1988 гг.)

Муллаянов Рамиль Шамильевич, начальник полевой оперативной группы 81-го Термезского погранотряда (1985–1987 гг.)

Богловский Валерий Викторович, заместитель начальника войск КСАПО по технической части (1986–1990 гг.)

Харьковчук Игорь Афанасьевич, начальник 48-го Пянджского погранотряда (1986–1989 гг.)

Парахин Анатолий Николаевич, начальник 1-го отдела оперативного управления штаба Пограничных войск КГБ СССР (1980–1989 гг.)

Бурченко Евгений Александрович, начальник тыла КСАПО (1985–1988 гг.)

Валиев Мансур Масгутович, начальник полевой опергруппы 81-го погранотряда, начальник 117-го погранотряда (1980–1989 гг.)

Тоцкий Константин Васильевич, начальник Хорогского погранотряда КСАПО (1985–1988 гг.)

Затулкин Олег Львович, начальник ПЗ резервной мотоманевренной группы 68-го погранотряда КСАПО (1986–1987 гг.)

Винников Игорь Викторович, артиллерийская батарея «Град» 68-го Тахта-Базарского погранотряда (1987–1989 гг.)

Шумилин Николай Иванович (р. 12.04.1948), генерал-майор. С 1984 по 1989 год принимал участие в боевых действиях на территории Республики Афганистан. Награжден знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За отличие в охране государственной границы СССР», а также орденами «Звезда», «За мужество» Республики Афганистан.

«Война ошибок не прощает...»

Первые практические навыки мне, молодому офицеру, пришлось приобретать в пограничных отрядах Прибалтийского, а затем Северо-Западного пограничных округов. А вот уже полностью блеснуть мастерством довелось на среднеазиатской границе.

К тому времени я готовился убить советником в одну из провинций Афганистана. Тут звонок из Москвы: предлагаем, мол, тебе возглавить разведотдел Термезского погранотряда.

Отказываться в ту пору офицеров не учили. Через неделю загрузил вещи в вагон и вместе с семьей направился к новому месту службы. Впечатления о той поездке после цивилизованного Запада остались сравнимы разве что с кинофильмами о временах гражданской войны. Разбитые стекла в вагонах, необрушенные туалеты, холод, мусор, грязь.

Любопытна и предыстория такого назначения. Накануне из Главка затребовали назвать двух-трех лучших начальников разведотделов отрядов. Среди них прозвучала и фамилия Шумилина. Та-

ков был подход к отбору кандидатов в «горячую точку» – отправляли лучших.

Забот же там было, как говорится, непочатый край. Да и ответственность за результаты работы несоизмеримо возросла: война ошибок не прощает. Сколько бандформирований на участке? Кто их главари? Какова численность? Где места дислокации? Каковы каналы поставок оружия? Их связи с местными органами власти? Иными словами, вся оперативная обстановка должна быть изучена, обработана и предоставлена командованию. Иначе в лучшем случае напрасная трата сил и средств, в худшем – ничем не оправданные потери личного состава.

...Ташкурганская операция, весна 1985 года. Накануне ее проведения изрядно пришлось попотеть нашим разведчикам. Изучали обстановку самым тщательным образом, вплоть до вылетов на вертолетах вместе с афганскими перебежчиками. В горах весьма непросто различить тропинки, ущелья, схроны. Вот и занимался выявлением баз душманов и охра-

няющих их постов вместе с вертолетчиками. Ошибиться на один километр – значит высадить десант совершенно в другом месте, подвергнуть его неоправданному риску, сорвать выполнение боевой задачи. Такой «роскоши», конечно же, никто не мог себе позволить. Чтобы разглядеть мельчайшие детали, снижались с 3000 метров до 500, а то и ниже. Душманы, естественно, такой наглости не прощали, огрызались. Обстреливали вертолеты, чем могли и как могли. Слава Богу, обошлось. Более того, карты с точным месторасположением на них огневых точек «духов» вскоре легли на стол руководителю операции.

Да, со своей задачей разведчики справились блестяще. Сужу об этом не понаслышке. Сам десантировался во втором потоке вместе с тогда еще полковником И. Коробейниковым на одну из горных вершин. К тому времени первая группа, буквально свалившаяся на головы душманов, сумела расчистить от них участок метров на 200–250. Дальше бои велись за отдельные опорные пункты.

«Улов» в той операции был весьма высок: большое количество самого разнообразного стрелкового оружия, ДШК, минометов. Базы разгромлены. Параллельно произвели очистку самого города. И здесь отличились разведчики. Созданная под их руководством группа из 8–10 афганцев добивалась несоразмерно больших результатов, нежели целый полк царандоя. Действовали не числом, а умением.

Вскоре после той операции я убыл в округ на должность заместителя начальника разведотдела. А тем временем боевые действия вблизи границы разгорались с новой силой. Разведчикам работы хватало с лихвой. Однажды они «выудили» надежную информацию о точном местонахождении «инженера» Башира – одного из известных бандглаварей оппозиции. С теми разведанными довелось мне побывать и в Кабуле – в штабе 40-й армии, доложить обстановку генералу армии М.М. Зайцеву.

Операцию по ликвидации банды, правда, тогда сразу не стали проводить: на подготовку ведь тоже нужны и силы, и главное – время, которого явно не хватало для четкой организации боевых действий и избежания возможных потерь. О людях думали прежде всего.

А вот в другом случае банде Кази Кабира не поздоровилось. Действовала она напротив участка Московского погранотряда. От ее

бесчинств страдали местные жители – зачастую вся гуманитарная помощь из Союза оказывалась вскоре на душманских базах в горах. Велика была и опасность обстрела советской территории реактивными снарядами, которых уже вдоволь хватало у «духов».

Операцию возглавил генерал-майор И. Коробейников. Но везде есть свои «глаза и уши». Боевые действия, как правило, проводились с афганскими подразделениями, что, конечно же, не могло не сказываться и на сохранности информации. Когда стало подходить время «Ч», разведчики выяснили: нет банды в кишлаке, ушла в горы. Десантировать войска на пустое место, естественно, смысла не было.

Вот тут-то и проявилось мастерство разведчиков. Четверо суток они непрерывно не только вели поиск банды, но и сумели обхитрить главаря, вынудив его снова вернуться в кишлак. А через час туда уже устремились наши «вертушки» с десантом на борту. Среди них находился и сержант Виктор Капшук, удостоенный за мужество в тех боях звания Героя Советского Союза. Кишлак блокировали, почти всю банду уничтожили, вновь изъяли большое количество оружия.

Почивать на лаврах на той войне не приходилось. Я сам постоянно учился у более опытных товарищей, учил новичков в своем деле. Много перенял у начальника разведки округа – генерал-майора

Халикназарова: в первую очередь умение учитывать особенности национального характера местных жителей, их нравы, обычаи, традиции. Бойназар Халикназарович – уроженец высокогорного Памира, профессионал высокого класса, мужественный человек. Его хорошо знало все население приграничья по обе стороны границы.

Да, много ярких воспоминаний осталось в памяти. Встречи с бандглаварями, например. Не все из них спешили вязываться в схватку, договаривались и о перемирии, сотрудничестве...

Горящие «борты» с экипажами недалеко от Мазари-Шарифа. Неимоверная напряженность, легшая на плечи вертолетчиков, жуткая жара – в тени за 50 градусов приводили порой и к элементарной усталости, и к притуплению чувства восприятия окружающей действительности. Да и умело налаженная у душманов противоздушная оборона играла свою роль. Потому вновь и вновь разведчики отправлялись на поиск информации. Страшно было? Не без того. Но и в разведку берут далеко не каждого.

Напряженными выдались для разведчиков и последние дни, недели накануне вывода войск. Мы не могли просто так уйти, чтобы потом не знать обстановку по ту сторону границы. Поэтому работы значительно прибавилось. Последняя командировка у меня была в Шиберган. Вернулся в Союз 13 февраля 1989 года...

Тепляков Александр Константинович (р.10.06.1956), главный редактор газеты «Пограничник», полковник, заслуженный работник культуры Российской Федерации. Принимал участие в боевых действиях на территории ДРА в 1984–1986 гг. Награжден медалью «За боевые заслуги».

«Боевой дозор» в дозоре

Толковые же все-таки головы трудились в Политуправлении Погранвойск КГБ СССР. Более точного, более подходящего, более разумного названия для нашей газеты вряд ли можно было придумать. Соблюдено сразу несколько требований – в первую очередь строжайшего сохранения государственной тайны (пограничники на тот момент официально якобы не участвовали в боевых действиях в ДРА). Потому в названии и отсутствовали слова, связанные с границей, что было присуще другим нашим ведомственным изданиям – «Пограничник... (какого-либо региона)», «На рубежах...», «Дзержинец». А во-вторых, оно четко обозначило предназначение нашей газеты – быть в дозоре, на передовой линии огня, в «горячих точках», которой и стал к тому времени Афганистан.

Задачи перед газетой стояли несколько иные, чем у настоящего дозора, – не разведанные собирать, а «глаголом жечь сердца людей», воспитывая в них дух патриотов, воинов-интернационалистов. Потому как такая необходи-

мость, по оценке специалистов, уже назрела к середине 80-х. К тому времени группировка погранвойск в ДРА по силам и средствам мало в чем уступала численности пограничного округа, имевшего в своих штатах печатный орган.

Так или иначе, приказом Председателя КГБ СССР №0059 от 30 октября 1984 года наш «Боевой дозор» родился. Штат редакции состоял из ответственного редактора, ответственного секретаря, корреспондента-организатора и машинистки. Также предусматривался и штат типографии из 5 человек. Более подробные ее функции были изложены во Временной инструкции по организации деятельности газеты «Боевой дозор», утвержденной Главным и Политическим управлениями Пограничных войск КГБ СССР в январе 1985 года. Газета была призвана пропагандировать опыт боевых действий, освещать работу командиров и политработников по обучению и воспитанию личного состава, деятельность партийных и комсомольских организаций по идейно-политическому воспитанию

воинов, укреплению дисциплины, выполнять другие задачи.

Почему так детально остановился на этих отправных точках? И откуда им взяться по прошествии стольких лет? Все очень просто: уже обучаясь на редакторском отделении в ВПА имени В.И. Ленина, я одну из курсовых работ посвятил теме «Журналисты на войне», где главная часть была подготовлена на основе собственного опыта. Так вот второй экземпляр чудом сохранился в собственном архиве, и многие моменты я с удовольствием изложу в этом материале. В принципе-то, мы (журналисты советских времен) никогда не стремились выпячивать себя, рассказывать о всякого рода пердьягах, куда иногда могли запросто попасть. Наша главная забота была – писать о людях, так или иначе причастных к тем событиям. Но в данном материале без этого не обойтись.

Наши первые шаги

Сотрудников в редакцию искали недолго. Меня с должности ответственного секретаря газеты «По-

граничник на Тихом океане» назначили на должность ответственного редактора «Боевого дозора», а Сергея Дугалева с должности корреспондента-организатора газеты «Дальневосточный пограничник» – на должность ответственного секретаря газеты. Третьим у нас стал Вадим Максименко, перешедший из газеты «Дзержинец». Подобрали молодых, энергичных, полных амбиций.

Уже 17 декабря 1984-го ночью в аэропорту в Ашхабаде меня встретил Сергей Дугалев, прилетевший туда на сутки ранее. Свой же курс я проложил через Москву, где меня ожидал полковник В.А. Мельничук (куратор пограничной печати). Он меня и представил генералу Б.С. Голышеву. Инструктаж был короток: «Трудитесь достойно, а мы вас не забудем...». Кстати, свое слово они сдержали.

Для того, чтобы газета погранвойск не отличалась от «дивизионков» Советской Армии, издававшихся в Афганистане уже не первый год, нам было предусмотрено проведение стажировки в одной из них. Выбор пал на «Гвардеец» – газету воздушно-десантной дивизии, расположенную в Кабуле. Но двухнедельная стажировка в ней была сокращена до... суток. Кадровый аппарат не сумел вовремя оформить нам служебные паспорта, в связи с чем мы не смогли выбраться в Кабул в указанный срок. И лишь после вмешательства Москвы я с ответственным секретарем вылетел в командировку.

Изучать опыт «Гвардейца» нам довелось только одну ночь. Двое суток мы потеряли в дороге, ожидая очередного рейса в Ташкенте на перелетном пункте – своего рода растревоженный армейский «улей», где масса народа разделялась на потоки, направлявшиеся в

Кабул, Герат, Шинданд и другие, нам еще неизвестные точки. Каждое слово уже послуживших на той стороне жадно впитывалось необстрелянными новичками, в том числе и нами. Самолеты в выходные дни летали реже. В понедельник грозный окрик полковника В.М. Розова (бывшего тогда заместителем начальника политотдела округа) расшевелил сотрудников КПП. Они задержали оформление очередного транспортника, куда и вместили нас с Дугалевым.

А в Кабуле мы вновь «потерялись». О спецкомендатуре погранвойск, генерале Яркове (с Иваном Дмитриевичем мы уже более близко познакомились в Петербурге, сдружились. Заслуженный генерал и сейчас в активной «обойме» ветеранов) среди армейцев никто не слышал. Лишь старший лейтенант-диспетчер, управлявший, как нам показалось, всем хозяйством аэропорта вместо его «помощников»-афганцев, не отходявших от пиал с чаем, посоветовал: звоните в посольство, иначе потеряетесь тут.

Ташкурганская операция: с офицерами минометной батареи. Справа – комбат капитан Александр Новожилов

Разыскать нас смогли буквально за полчаса до комендантского часа. За это время мы, наверное, сумели надоесть своими звонками дежурному по посольству. И лишь когда увидели встревоженного полковника В. Мельничука, пытавшегося на русском языке выяснить наше местонахождение у местного патруля, у нас отлегло от сердца.

– Виталий Авксентьевич! – вскричали мы, – так вы же нас ищите!

Нас в гражданке он принял за афганцев. Мы же на его машину с солдатом Васей в форме сарбоза тоже не обращали внимания. Замаскировались, одним словом, все.

Надолго прописалась в нашем коллективе после той поездки фраза: «А думал ли ты, простой русский мужик, что окажешься в городе Кабуле?!». Произнесенная в момент, когда напряженность в ожидании достигла апогея, она разрядила обстановку, вызвала произвольный прилив смеха у моего коллеги – Сергея Дугалева. Да, еще месяц назад мы и представить не могли такой ход событий.

Времени на стажировку оставалась одна ночь, потому что на следующие сутки наш куратор завершал свое пребывание в Кабуле и договорился вернуться в Союз попутным рейсом чекистов. Поэтому журналисты «Гвардейца» во главе с редактором капитаном Валерием Пинчуком занимались с нами до утра. Общий язык нашли сразу — все были выпускниками одного журфака Львовского училища, и даже некоторые — однокурсниками. Мой друг Александр Текерев, служивший в отряде спецпропаганды дивизии, уже имел боевой опыт, был ранен, награжден орденом Красной Звезды. Было, чем поделиться, что вспомнить...

«Мелкие детали»

Более глубокое знакомство с организацией работы сотрудников и, главное, с оформлением газеты позволило нам в дальнейшем избежать серьезных ошибок. В чем это проявилось? В частности, мы убрали из выходных данных все, что могло бы указывать на принадлежность к погранвойскам. Так, подписывать газету стал «редактор», а не «ответственный редак-

тор», как предполагалось ранее согласно указанному штату. Цензорский номер стал с индексом «Г», а не «ГП», как было в пограничных изданиях. По цифровому значению он также стал сильно отличаться от пограничной нумерации (после нашего доклада цензору Генштаба). Учет таких вот мелочей позволил нам избежать разглашения государственной тайны.

Определенный интерес у журналистов, я думаю, вызовет и такой момент. В период определения лица газеты я высказал предположение, что принятый в то время в военных газетах девиз «За нашу Советскую Родину!» не вполне соответствует характеру тех задач, которые выполняют воины-интернационалисты. Основания для этого есть. Например, в период Великой Отечественной войны газеты выходили с девизом «Смерть фашистским оккупантам!». Почему бы и нам не выпускать, к примеру, с одним из таких, как «По долгу интернационалистов», «Защитим афганский народ!», «По законам мужества и братства», «Ради жизни на земле». Они, возможно, не самые лучшие. Более приемле-

мый вариант можно было бы найти совместными усилиями. Но мое предложение поддержки не получило. Тем более, что в «Гвардейце» девиз не менялся. Этот аргумент и стал решающим в нашем споре. Хотя мое мнение не изменилось до сих пор. Девиз должен более точно отражать характер действий войск. Увы, время показало, что менять вскоре пришлось многое. Даже в одной нашей системе после развала Союза и то единый подход к оформлению газеты перестал существовать. Чуть ли не в каждой газете был свой лозунг.

Внутренняя «кухня» редакции вряд ли будет интересна широкому кругу читателей, поэтому не буду подробно на ней останавливаться. Скажу коротко: на начальном этапе дни и ночи, выходные — все было в нашем распоряжении, кроме кабинета, рабочих мест, нормальной полиграфической базы. Все налаживалось, обустроивалось в процессе выпуска газеты.

Вот и первый блин...

К счастью, не комом. Первый номер у нас появился с датой «1 января 1985 года». Издали его мы, разумеется, накануне Нового года. А что дальше? Как доставить тем, для кого газета предназначалась? Все-таки в отличие от армейских «дивизионок», издававшихся, можно сказать, в самом кругу читателей, наши подразделения находились за сотни, тысячи верст от Ашхабада. К сожалению, об оперативности доставки газеты можно было только мечтать. Отправка ее через экспедицию полиграфкомбината, как это происходило с «Дзержинцем», не разрешалась из-за грифа «Из части не выносить» на нашей газете. Было предложение отправлять секретной почтой по линии фельдъегер-

Перед вылетом на партийную конференцию Гродековского пограничного отряда с майором А. Сорокиным

ско-почтовой связи. Но в таком случае вряд ли какой-либо командир или политработник рискнет передать газету личному составу, ведь тогда она автоматически становилась бы служебным документом. От такого пути мы отказались. Оставался один – отправку осуществлять через секретариат управления войск. Он был опять-таки не самый лучший. Газета прибывала в пограничные отряды не раньше, чем через неделю. А к читателям и героям публикаций попадала еще позже. Не каждый же день на точки отправлялись колонны или вылетали вертолеты с грузами. Подводила погода. Менялась обстановка. Да и неразберихи всякой хватало. Были случаи, когда газета, в частности, на точки Хорогского погранотряда приходила через 1,5–2 месяца. Тут, правда, условия особые – Памир...

И все же такие факты вызывали у нас озабоченность. Эффективность печатного слова заметно снижалась. После изучения обстановки мы предложили политорганам частей усилить контроль за поступлением газеты в спецподразделения, рекомендовали им завести специальную тетрадь для учета распределения «Боевого дозора» по объектам. Такие меры привели к увеличению тиража газеты сразу на 500 экземпляров. Надо заметить, что после 3–4 месяцев работы мы уже пользовались популярностью, а в гарнизонах нас стали называть «Окопной правдой», что, на мой взгляд, является высшей оценкой нашего труда. Хотя первое время мы на такое несколько болезненно реагировали – какая, мол, окопная, мы же окружное издание, даже на два округа работаем (газета отправлялась и в подразделения Восточного пограничного округа), но против истины, как говорится, не попрешь.

Более гибко стали реагировать и мы сами на изменение обстановки: туда, где проходили операции по ликвидации душманских банд, мы направляли дополнительное количество экземпляров, так как количество личного состава, действовавшего в этих районах, значительно увеличивалось. Таким образом, уже через полгода существования газеты ее тираж достиг 2 000 экземпляров.

Срочно в номер!

Использовали мы и другие методы работы. Приведу конкретный пример. Так, во время одной из операций, проводимой в горах Памира, к нам поступила информация о ходе боевых действий. Во время одного из боев, разгоревшегося в ущелье, воины перекрыли

душманам пути отхода. Автоматные очереди, разрывы гранат... В этом грохоте боя командир отделения (фамилия, к сожалению, не сохранилась в моих блокнотах) вдруг заметил оторвавшийся со склона горы валун. Он несся прямо на позиции пулеметчиков. Считанные секунды оставались на размышление. Но и их хватило младшему командиру для принятия решения. Он встал на пути камня, попытался отвести его от друзей, изменить направление полета... Удар был сильным. Плетью повисла левая рука. Но пулеметчики не пострадали. Они продолжали вести огонь по душманам. Остался в строю и сержант с поврежденной рукой...

Такова суть той информации. Мы оперативно поместили ее в номер. А на следующий день передали вышедшую газету старшему инструктору политотдела округа, убывавшему в район операции. Естественно, ее оперативное поступление в боевые порядки с репортажем о героическом поступке воина внесло свой вклад в воспитание стойкости и мужества у личного состава.

Но подобное удавалось далеко не всегда. Лишь передислокация редакции в Душанбе позволила заметно сократить сроки доставки газеты в пограничные отряды на большинстве направлений. Здесь же можно было использовать и вертолетчиков, регулярно отправлявшихся из базировавшегося рядом полка для перевозки грузов и личного состава в подразделения, районы боевых действий.

Повторюсь, наши первые шаги были нелегкими. Но многие из возникших трудностей постепенно преодолевались, работа входила в нормальную колею. Заметно рос авторитет газеты среди воинов-

интернационалистов. Все больше запросов стало поступать на нее из других округов, военных училищ, учебных подразделений. Такому результату, считаю, в немалой степени способствовала плодотворная работа журналистов в войсках.

Журналист на задании

Бряд ли кто из военных корреспондентов, даже самых опытных, считает организацию материала в войсках простым и легким делом. Можно хорошо знать армейскую жизнь, владеть пером, но если у корреспондента нет устойчивых навыков в поиске фактуры – успехов не жди. Работа в части окажется неполноценной. Этим, наверное, можно объяснить то, что в первых своих командировках мы больше знакомимся с жизнью и бытом личного состава. Записей же в своих блокнотах оставалось немного.

Но период адаптации быстро прошел. Сама жизнь заставила журналистов в короткий срок набрать нормальный ритм работы. В газету требовалось немало материалов на самые разные темы. Условия работы были таковы, что в командировках необходимо было запастись самыми различными фактами. Выезд же в них осуществлялся поочередно: в первые месяцы практически через каждые 10 дней в войска убывали корреспондент, секретарь, редактор. Бесперывными поездками по гарнизонам мы и подпитывали страницы своей газеты.

Командировки... Выезд в них часто вызывал в душе необъяснимый трепет. Туда влекло, там приносило радость общение с людьми, проверенных на прочность в реальном бою. Словом, работать было интересно. Но вот сам путь до

конечного пункта буквально изматывал каждого журналиста. Всякое бывало. И суточные переезды по раскаленной солнцем пустыне, и трехдневные ожидания «окна», чтобы пробиться на борту вертолета в те же, например, точки Памира.

Как ни покажется странным, добираться до личного состава и перемещаться по территории Афганистана нам легче всего было во время операций, проводимых по уничтожению бандформирований, а также при проводке колонн с грузами для гарнизонов и для мирного населения. Именно в этот период особенно активно действовала наша авиация. Вместе с вертолетчиками можно было добраться в районы боевых действий, быстрее перебраться с одного места на другое. Их помощь здесь просто неоценима. Сужу об этом на собственном примере.

Первая операция

Так, за время операции в районе города Ташкурмана весной 1985 года мне за 10 суток шесть раз удалось поменять места, где находились наши солдаты. Из них четыре раза с помощью авиаторов. Все это позволило мне собрать более обширную информацию, а затем рассказать на страницах газеты о боевых действиях воинов различных подразделений. Не остались без внимания и сами вертолетчики.

Операция эта мне запомнилась более всего. И тем, что она была первой, в которой довелось мне участвовать, и насыщенностью, и размахом боевых действий, и более длительным сроком моего пребывания в боевых порядках.

Боевые действия по уничтожению бандгрупп велись, как я уже указывал, в районе Ташкурмана. Здесь душманы доставляли нема-

Наши медики пользовались особым уважением у афганцев: они по первому зову приходили к ним на помощь

ло неприятностей как местному населению, так и нашим войскам. Здесь известная всем дорога Хайратон – Кабул, по которой почти непрерывно проходили машины, заканчивала свой бег по пустыне, скрывалась среди первых горных вершин. Здесь душманские банды создали основательно укрепленные в инженерном отношении базы, на которых находился значительный запас оружия и материальных средств. Что интересно, и из Советского Союза сюда тоже кое-что перекачывало неизвестными тропами. Точнее – часть гуманитарной помощи, выделяемой для местного населения, все же оказывалась в руках душманов. Сужу об этом не понаслышке. Сам держал после разгрома базы банки сливочного

масла, произведенного в Смоленске, спички из Калуги...

Так вот, операция началась с блокирования города. Рано утром со всех сторон он был окружен. Днем воины афганской армии начали прочесывать город, пытаясь выявить среди жителей тех, кто всячески поддерживает душманов, участвует в их террористических актах. Но, как и предполагалось, таковых было обнаружено немного. Остальные затаились, готовились к прорыву в горы на основные базы. Поэтому главная задача блокпостов в те сутки заключалась в том, чтобы не допустить их безнаказанного ухода. И чуть стустели сумерки, как то в одном, то в другом районе разгоралась перестрелка. Душманы искали брешь в наших боевых порядках. Но их попыткам не суждено было сбыться. Заслон оказался прочный.

На следующий день мне удалось сначала на бронетранспортере, затем на вертолете и вновь на бронетранспортере побывать на нескольких точках, где шел бой. Побеседовал с воинами, сфотографировал отличившихся. Кстати, за две недели до операции я приезжал в командировку в ближайшие гарнизоны. Поэтому в некоторых подразделениях меня уже встречали как старого знакомого. Нарасхват были и привезенные с собой газеты, в которых уже успели опубликовать информацию из этих подразделений.

Много материала было собрано и в этот раз. Теперь бы передать его в редакцию... Но, вернувшись вечером на КП, я понял, что ничего из этого не выйдет. В Ашхабад никто не собирался выезжать. Радиосвязь же в те дни в основном обеспечивала передачу распоряжений, указаний и т.д. руководя-

щего состава из округа и из Москвы. Все-таки шли бои и, честно говоря, о каких-либо переговорах по ЗАС с редакцией не могло быть и речи.

Но информация в этот раз все-таки была оперативно использована в... стенгазете. И, как показала практика, это был вполне приемлемый вариант. Сотрудники редакции затем не раз помогали активистам оформлять «малую» прессу.

Основные события на этой операции развернулись в горах – там, где душманы создали свои базы. Первые двое суток погода не позволяла высадить десантные группы. Густые облака крепко цеплялись за вершины скал, надежно укрывая находившихся там душманов. Лишь на третьи сутки усилившийся ветер отогнал их в сторону. После артиллерийской и авиационной подготовки началось десантирование штурмовых групп. Один за другим транспортные вертолеты под прикрытием боевых заходили на посадку и буквально через секунды взмывали вверх. Не только из-за того, чтобы избежать

ненужных потерь. Площадки были нужны другим «бортам». А освободившиеся уже спешили за очередными группами.

В такой обстановке военному журналисту важно найти свое место в строю. Возможны были разные варианты: высадиться в составе десанта, остаться на КП, вернуться в боевые порядки блока вокруг города, вырваться в город для работы с активистами и местным населением и другие.

Я решил выбраться в горы. С такой просьбой и обратился к полковнику И.М. Коробейникову, собиравшему перемещать свой КП на одну из баз, где уже разгорелся бой.

– А не боишься? – пристально посмотрел он на меня.

– Так вы же летите, – был мой ответ.

– Тогда вперед!

Не лишним будет сказать добрые слова в адрес Ивана Михайловича. Там, в горах, он взял меня под свою опеку: «Будь на виду, не суйся, куда не надо...» Под его защитой я чувствовал себя спокойнее.

Мармоль. Снимок на память с местным сарбозом

«Есть, что вспомнить, есть, о чем поговорить» – на встрече боевых друзей у стенда, посвященного афганским событиям. Слева – полковник Виктор Чабаев, справа – генерал-майор Сергей Жилкин

Чтобы войти в состав первой группы, речи не было. Здесь каждый человек на счету: 8–10 на борт плюс боезапас, необходимое снаряжение. И главное – каждая деталь в действиях десантников была отработана на совместных тренировках, предыдущих высадках. Менять кого-либо из своих подчиненных на «чужака» никто из командиров и не предполагал.

Все эти обстоятельства лишь разжигали интерес к десантированию. И вот мы уже минут через 30–40 после начала боевых действий на подлете к предполагаемой площадке. Из иллюминатора вертолета хорошо были заметны душманские тропы, укрепленные пункты, разбежавшиеся в стороны ослы и лошади от шума приближающихся винтокрылых машин. Высадка завершилась благополучно. Меня, как новичка, с редакционным портфелем в руках, в котором в основном были книги, бывалые бойцы вычислили сразу же, отодвинули за ближайший валун. Автомат с 4 магазинами тоже был. Но применить его не довелось.

Наши воины уже сумели очистить небольшую площадку, бой переместился на позиции душманов, расположенные в 250–300 метрах. Их сопротивление тут было недолгим. Мелкими группами они начали отходить, скрываясь среди расщелин. Не всем удалось это сделать. Особенно ожесточенное сопротивление оказал расчет ДШК, который, как потом мы узнали, вел огонь и по нашему вертолету: пролетели-то буквально в десятках метров над ним. Он занимал выгодную позицию для прикрытия своих групп от атак с воздуха. И лишь после того, как воины сумели сверху на шнуре забросить в бойницу заряд взрывчатки, контузивший всех находившихся внутри дзота, пулемет замолчал. Гранаты тут не помогали. При их бросках душманы успевали скрываться в соседней комнате. В этот момент, видимо, и сумел проскочить наш вертолет.

Этот факт сразу же попал в мою записную книжку. С отличившимися воинами мне удалось поговорить тут же на месте события. Раз-

горяченные боем они оживленно рассказывали детали, показывали кто, откуда и как действовал при захвате ДШК. Все это и нашло свое отражение затем в опубликованном репортаже.

Немало других ярких примеров умелых действий было выявлено в те дни. Захваты ДШК, минометов, обнаруженных схронов со спрятанным оружием, большим запасом продовольствия, учебных мест и многое другое. Детальное изучение обстоятельств заметно облегчило мне затем подготовку материалов, описание в них конкретных примеров успешно проведенной операции.

Но нахождение в боевых порядках не всегда оправданно для военного журналиста. Иногда, чтобы иметь в блокноте какую-либо информацию, какие-либо данные, их нередко приходилось брать от личного состава одного подразделения. Между тем наиболее интересные события могли происходить на другом участке боя. Поэтому оптимальный вариант выбора места для своей работы – это ПКП. Здесь постоянно находишься в курсе всех событий, отсюда легче выбраться в тот или иной район для сбора информации. Опыт приходил со временем.

Военные журналисты не могут не задумываться и о собственной готовности к работе в боевых условиях. И это не только умение владеть оружием, быть физически закаленным. Всякое может произойти. Однажды лейтенант Сергей Дугалев, находясь в одном из гарнизонов, попал под обстрел. Душманы вели огонь из минометов. Ответный удар им был нанесен без промедления. Но во время занятия огневых позиций осколками разорвавшейся мины тяжело ранило одного воина. Врача в тот

момент в подразделении не оказалось. Всю ночь ответственный секретарь вместе с замполитом заставы боролся за жизнь солдата. Делали все, что могли. И сумели спасти солдата. Раненый рано утром был эвакуирован вертолетом в госпиталь.

Здесь, в войсках, проверялись не только знания и практические навыки личного состава. Здесь проверялись и мы, военные журналисты, в комплексе испытывались все наши качества, прежде всего – моральный дух, физическая закалка. Каков ты, корреспондент, в боевой обстановке? Нужно помнить, что окружающие тебя люди всегда с интересом будут наблюдать за твоим поведением.

«Пулям не кланялся» – такую фразу нередко встретишь в художественной литературе при описании тех или иных героев. Ей было решил следовать и я на своей первой операции. Но свое напускное спокойствие долго демонстрировать не пришлось. После очередного обстрела командир группы (а им был тогда замполит ДШМГ Николай Дубчак) «мягко» выговорил мне о моих действиях, посоветовал не лезть под пули без необходимости. И этим советом я уже не пренебрегал в дальнейшем.

Вся сила – в правде!

А вот ее-то у нас хватало далеко не всегда. В силу жесточайших цензорских требований, существовавших в то время, мы даже о зеленых погонах не имели права упомянуть, не говоря уж о боевых потерях. Самое мучительное – то, что мы писали о павших, как о живых: «Пошел в последнюю атаку...» Даже ранения показывались тогда как единичные случаи. Поэтому и надо еще многое рассказать о службе пограничников по ту стороны границы.

Вспоминаются эпизоды, о которых тогда не писали, но они крепко засели в памяти, а в них вся «соль» походного быта и характера наших пограничников.

...Ташкурганская операция. ПКП на одной из площадок в горах. К ночи успели разбить палатку, поставить кровати на 6–8 человек. С нами – перебежчик, осведомитель разведчиков. Куда его деть? «А ты привяжи его к кровати журналиста, никуда не убежит», – сказал кто-то. Так и сделали. Вроде бы спали все. Кроме меня...

...Утро следующего дня. Молодой лейтенант-тыловик колдует над костром, пытаюсь приготовить завтрак. Час-другой-третий... Рис никак не желает развариваться в едва кипящей воде. «Все, – командует руководитель, – давай чай и консервы». А высота-то всего лишь немногим за 2000 метров.

...Чакав. Стык трех границ. Красные горы, красные пески, и заходящее солнце тоже красное. Вода из небольшой скважины, куда только котелок едва проходил, тоже была красная, больше на олифу похожая. С густым осадком на половину котелка. Пить практически было невозможно. Рядом же весело журчал в 1,5–2 метра шириной ручей чистой воды. Только соленой. Однажды, не дождавшись «бортов», повар умудрился приготовить обед, добавив туда ручейной водички. «Пронесло» всех. Никакого диверсанта не надо было...

– Слушай, тут где-то журналист работает, – обратился ко мне медик, срочно прибывший для «ликвидации последствий».

– Так это я...

– Ба, а я думал ты технарь, все возле машин крутишься...

Переодевался я в Кушке на ПКП. Нормальной полевой одежды на меня уже не хватило, надел что оставалось – черный комбинезон технарей. Так вот и пробыл всю операцию в нем.

...Талукан. Лето. Зной. Выходной день. Мотомангруппа разместилась в саду местного шаха. Возле густого тутовника оборудован стол, где решили скоротать время: «забить козла» в домино. После обеда где-то началась перестрелка, все ближе и ближе. В один миг я остался за столом один.

– Ты что, ничего не заметил? – спросил кто-то из вскоре вернувшихся на место.

– Нет.

– Так вот пуля срикошетила на стол. Вот царапина...

Начман вызвал комбата.

– Выпусти пару мин в ту сторону. Пусть успокоятся.

Точно. Вскоре все затихло...

...Тути. Март 1985-го. Афганцы отмечали свой Новый год – 1364-й по мусульманскому календарю. Они и жили-то словно в том веке.

По крайней мере, в тех кишлаках, где мне приходилось бывать: разруха, нищета...

Пришли представители местной отряда самообороны. Пригласили на праздник. Вышли за околицу. На наших глазах освеживали барана (видимо, чтобы не боялись: не дай Бог чего...), приготовили шашлык. Немаринованное мясо никак не хотело лезть в горло. Один из них заметил это, показал рукой, ткни, мол, в травку нашу – приправу местную. Горло полыхнуло огнем. Барана проглотили сразу.

Возвращаясь на базу, шутили: «Опиум для народа попробовали...»

– На рыбалку поедешь с нами? – предложил один из офицеров. Кажется, в Имам-Сахибе это было. Цивилизация. Там ММГ располагалась в домиках бывших строителей.

– Какая здесь рыбалка может быть?

– Увидишь...

Переехали через мост на другую сторону реки, выбрали подходящий омут. Бросили две гранаты. Всплыла одна плотвичка...

...Блокпост перебрасывают в горы. Времени в обрез. Командир распорядился пополнить запасы воды из ближайшего арыка. Там течет буквально мутная жижа.

– И что, – интересуюсь, – такую пить можно?

– В горах другой может и не быть, – ответил он, бросая горсть таблеток в резиновые емкости. – Зараза не пристанет...

– Товарищ полковник, – доложили по связи. – Обнаружены 8 мешков с фисташками и героином. Что делать?

– Что делать – что делать? Возрвать к чертовой матери!

– Есть!

– Вот так добыча! – крутил в руках батареец прицел с захваченного миномета. – Японский. Оптика! На свой поставлю...

...Куфабское ущелье. Наши точки разбросаны по разным склонам крутых гор. Зацепиться лишний раз не за что. На позиции пытаюсь сфотографировать пулеметчика. Никак не получается. Притащили табуретку, поставили бойца. Все – голова видна, можно щелкать затвором...

– Угощайся, журналист! – Коля Дубчак пододвинул мне горячие лепешки.

– Откуда они здесь? – удивился я.

– Да бойцы приготовили из трофейной муки. Наша, кстати. И масло тоже из Союза.

– А сковородка?

– Так из ящика из-под патронов сделали. Не впервой...

«Воронежские «афганцы». Встречи боевых побратимов стали традиционными в день вывода войск из Афганистана, 2002 г.

...Обыкновенный бронжилет. Но снизу к нему пришит широкий пояс с карманчиками для магазинов.

– Жена сама сделала, – шутит офицер. – Сказала, чтобы берег свое «хозяйство». На кой черт, мол, мне инвалид нужен...

– Да и для боя удобно, – добавляет он. – Патроны всегда под рукой...

...Каждый вечер замполит «точки» пододвигал мне панаму, наполненную грецкими орехами и гранатами.

– Угощайся, бакшиш опять принесли...

– Кто?

– Да вон местный паренек из отряда самообороны. Видел, как тебя у вертолета встречали: начальник, мол, прилетел. Кстати, спроси у него, как дела?

Ответ прозвучал смачный, порусски. Понял, что у него все хорошо.

Солдаты помогли взвалить ему на спину мешок с мукой и он, пошатываясь, потащил его по узкой тропе в горы. Ответный подарок.

– Все, «бортов» в ближайшие дни не будет, – сообщил мне замполит. – В Душанбе разбился экипаж. Идет разбирательство.

– Не знаешь, чей?

– Вроде бы Ханина...

На душе заскребли кошки. С Сaney Ханиным у меня был первый вылет на вертолете еще на Тихом океане. Перед перелетом на Куфаб встретились с ним накоротке в Душанбе в полковой столовой. Договорились тесно пообщаться после возвращения в Союз...

Летописцы афганского похода

У каждого из нас, безусловно, навсегда останутся в памяти дни,

проведенные в Афганистане. Мазари-Шариф, Ташкурган, Талукан, Мармоль, Имам-Сахиб, Тути, Рустак, Пашар, Чакав, Карези-Ильяс – эти и другие гарнизоны, где мне удалось побывать. Событий, впечатлений от происходящего, естественно, было немало. Заоблачные высоты Памира... Бурлящие воды Пянджа... Пыльные бури, проникающие буквально во все щели... Вскипающие песчаные фонтанчики от пуль... Густой бас полковника Г. Минина, от слов которого во время телефонных переговоров редакционные сотрудницы стыдливо опускали глаза. (Кабинеты редакции и начальника оперативной группы в Ашхабаде были напротив. А какая слышимость с границей по ЗАСу – знают многие.) Известная в боевых порядках, да и среди «духов» тоже фраза «Сучок поганый» – любимое изречение полковника И. Коробейникова во время операций (так я и озаглавил потом один из своих рассказов – «Сучок поганый»). Радость возвращения в Союз, горечь утрат...

Я планировал побывать во всех наших гарнизонах. Но не успел. Уже в 1986 году поступил в академию. А «Боевой дозор», прочно встав на ноги, переместился с оперативной группой в Душанбе, где выходил в «дозор» до окончания войны. Коллектив редакции, которую уже возглавил Сергей Дугалев, на новом месте сделал, казалось бы, невозможное. Буквально за две недели в помещении слесарной мастерской отдельного батальона связи было развернуто типографское оборудование, и уже 28 мая 1987 года вышел душанбинский номер многотиражки.

Насколько интенсивной и насыщенной была деятельность газетчиков, подтверждает такой при-

мер. Во время проведения операции по ликвидации опорной базы «Дарбанд» с 14 ноября по 17 декабря 1987 года вышло 14 номеров газеты – фактически один раз в два дня. Названия материалов говорят сами за себя: «Проявляя отвагу и стойкость», «По законам мужества», «Экипажи отважных», «Пулеметчики». Газета пропагандировала боевой опыт, помещала советы специалистов, заботясь о безопасности людей (публикации «Это нужно для боя», «В районе минной опасности», «Умело действуй ночью»).

Редакция готовила и выпускала много листовок, памяток, плакатов.

Газетчики даже наладили выпуск брошюр, книг, сборников. До сего дня пограничники в личных библиотеках хранят «По долгу интернационалистов», «Мужество», «Школа жизни», «По велению долга». Вот уж воистину книжки стали библиографической редкостью...

Возродился «Боевой дозор» в 1993 году под тем же названием в Группе пограничных войск РФ в Таджикистане (в 2005 году после очередной реформы его вновь сократили). Выпускали его вместе со мной в годы афганских событий журналисты старшие лейтенанты Сергей Дугалев, Вадим Максименко, лейтенанты Олег Бучнев и Сурхай Керимов. Двое последних уже пришли на смену мне и Максименко, убывшему в Воркуту на должность ответственного редактора газеты «Пограничник Арктики».

«Следы» от нашей работы можно найти в архиве и Центральном пограничном музее. Нередко вырезки из «Боевого дозора» всплывают в домашних альбомах. А это, пожалуй, главная оценка и результат нашей работы.

Полковник Сергей Владимирович Угловский воевал в Афганистане в 1986–1989 годах. За мужество и отвагу награжден орденами Красной Звезды и «За личное мужество», медалью «За боевые заслуги».

Василий Самотохин

Третий тост Сергея Угловского

28 января 1986 года Сергея Владимировича вызвал на беседу начальник политотдела отряда полковник Чеботарев и предложил должность заместителя начальника заставы 1-й мотоманевренной группы Пянджского пограничного отряда. А поскольку солдат войны не выбирает, лейтенант Угловский ответил: «Есть!».

...Кундузская провинция, Имам-Сахибское улусвольство, город Имам-Сахиб. В этих местах предстояло лейтенанту Угловскому выполнить свой интернациональный долг. Все было необычным, как в фильмах о Средней Азии 30-х годов. Афганистан – страна с незыблемым общинно-религиозным укладом. Дехкане, погоняющие коз, барбухайки (местные грузовики), расписанные в разные цвета, в арыках журчит вода, мужчины жуют насвай и пьют арак, женщины, одетые в паранджу, относят воду в кувшинах, невозмутимые муллы читают свои заунывные молитвы. Синие минареты, дома из глины, верблюды, навьюченные тюками. Дороги, начиненные фугасами, и душманы, укрывшиеся в

подземных блиндажах-кяризах. С первых же минут пребывания на афганской земле Угловский понял, что культпоходами здесь и близко не пахнет. А вот пулю, выпущенную метким стрелком из бура, заполучить можно только так. Если не выстрелишь первым. В декабре 1985 года в этих местах погиб боевой офицер капитан Алексей Ставила. Во многих рейдах участвовал он. Не раз в сложные ситуации попадал и всегда выходил из них победителем. Раздался всего один выстрел из засады, и нет человека. Капитан Ставила был посмертно награжден орденом Красного Знамени.

...Перед первым боевым выходом начальник ММГ подполковник Абаимов, начальник заставы Сергей Черкашин проинструктировали молодого офицера, как нужно действовать ему и его подчиненным в критической ситуации. Но во время рейда моджахедов не было обнаружено, все возвратились в расположение части живыми и невредимыми. А в мае 1986 года колонну обстреляли, по Угловскому били из ППШ и, если бы не

сержант, лежал бы лейтенант на афганской земле вечно. Душманы стрелять с детских лет приучены и, надо отдать им должное, стреляют они метко. Сержант сбил с ног офицера и буквально спас ему жизнь. А затем меткой очередью уничтожил моджахеда. Через месяц уволился в запас. Перед увольнением лейтенант Угловский пожал ему руку.

Не забудется и боевой выход по расширению зоны влияния народной власти. Нужно было пройти семь километров до кишлака. Эти семь километров БМП с десантниками шли десять часов. Пограничники передвигались вдоль колонны, сбивая засады. Рядом с дорогой стояли доты, оборудованные по всем правилам инженерной науки. И из каждого стреляли «духи». Офицеры сразу командовали: «К бою!» Лейтенант Угловский, сориентировавшись в обстановке, приказал наводчикам-операторам боевых машин мощным огнем из пушек взламывать опорные пункты душманов. Командуя подчиненными, сам подавлял огневые точки бандитов. А по ним

все стреляли и стреляли. Пушки БМП били по дотам, откуда лупили «духи». Не давать им стрелять прицельно, выиграть драгоценные минуты для того, чтобы быстрее пройти опасные участки. В конце концов пограничники дошли до населенного пункта и поставленную задачу выполнили. В это невозможно поверить, но погибших не было. Контуженным и раненым была оказана медицинская помощь.

Не счесть прочесываний, рейдов, засад и других заданий, что поручались в заставе ММГ, где служил Угловский, и все задачи выполнялись достойно. Сколько раз проводил он с боевыми товарищами Игорем Каминским и Решетником колонны с продовольствием, боеприпасами, топливом от Нижнего Пянджа до порта Шерхан. И дороги приходилось разминировать, и атаки душманов отражать. Ставили блокпосты по маршруту Шерхан – Имам-Сахиб. И друзей боевых теряли.

...Складка местности, на которой нес службу часовой, была темной. Но только стоило ему оказаться на фоне луны, как из кишлака, который находился в километре от наших, раздался выстрел. Боец еще не успел упасть, а уже был мертв. Пуля прошила его насквозь.

До сих пор помнит Угловский, как шли они колонной до Талукана. Никто не верил, что они дойдут без потерь. Именно в этих местах хозяйничали «духи». В 1986 году они за один раз сожгли двадцать автомобилей армейцев. Машины горели, как свечи. Душманы безжалостно добивали очередями контуженных солдат. Кумулятивные гранаты прошивали борта машин, начиняли внутренности машин дымом и бушующим огнем.

А пограничники прошли без единого выстрела. Правда, пришлось головой крутить на 360 градусов, поскольку отовсюду могли раздаться выстрелы. Или побоялись «духи» «погранцов», или в этот день их там не было, но факт остается фактом – задача была выполнена, безвозвратных потерь не было.

Затем в течение двух месяцев выполняли задачу на участке Московского пограничного отряда в районе кишлака Куль. Дважды их обстреливали, обошлось без жертв. И все это время офицеры учили подчиненных передвигаться, ориентироваться на местности, действовать в засадах, вести бой на ходу и многому другому. До автоматизма оттачивался каждый шаг, маневр, движение.

Помогали местным жителям, которые обращались с просьбами. «Духи» перекрыли арыки, и город остался без воды. В течение трех суток пытались эти арыки открыть, моджахеды всячески препятствовали этому, обстреливали пограничников. На третьи сутки ночью открыли арыки, и в город пошла вода, которую так ждали люди. Когда первый БТР вошел в город вдоль дороги, по арыкам шла вода, афганцы радовались и благодарили пограничников.

А в марте 1987 года душманы обстреляли советскую территорию в районе Пянджа. Было принято решение дать бандитам отпор, чтобы не повадно было советскую территорию обстреливать. Свыше тысячи «духов» были заблокированы. Перед личным составом ММГ была поставлена задача никого не впускать и не выпускать с этого района. Бандиты попытались прорваться через блокируемый район. Лейтенант Угловский занял со своим подразделением выгодную

позицию, грамотно организовал систему огня, и пограничники уничтожили две огневые точки противника. Бандиты понесли значительные потери и вынуждены были отступить. За храбрость и самоотверженность, проявленные при выполнении специального задания, лейтенант Угловский был награжден медалью «За боевые заслуги».

Через некоторое время ММГ попадает в засаду. Капитаны Павлов, Тарасов и лейтенант Угловский грамотно организовали оборону. А интенсивность огня по пограничникам была высокой: только бойцы дают короткую очередь, сразу же в это место слетается куча пуль «духов». БМП, на которой находился Угловский, стояла около дерева. Граната, выпущенная из ручного гранатомета, попадает в дерево, разрывается прямо над головами пограничников. Наводчик-оператор получает тяжелую контузию, а лейтенант Угловский – средней тяжести. На какое-то время он теряет сознание, а, придя в себя, понимает, что оглох. Через несколько секунд вторая граната разрывается рядом...

Двадцать дней отлежал в госпитале в Душанбе, и опять в боевой строй. Во время одного из боев получает вторую контузию.

Почти два с половиной года выполнял интернациональный долг в Афганистане. Про рейды и операции рассказывать не любит. Отвечает по-военному кратко: «Мы выполняли добросовестно свое дело».

Затем Угловский получает новое назначение на должность заместителя начальника заставы в Кара-Калинский погранотряд. Заставой командовал Алексей Шмелев, располагалась она в горах на стыке с Бахардинским пограничным

отрядом. Несли службу на лошадях, условия были нелегкие, но для офицера, прошедшего Афганистан, вполне приемлемые.

Через год – новая должность в Московском пограничном отряде – заместителем начальника резервной заставы, а затем начальником в Шурабаде. Сколько пришлось пройти с разведчиками по горным тропам, он не считал. Не одни сапоги сносил: когда ходишь по камням, надолго их не хватает.

В мае 1993 года его назначили заместителем коменданта по работе с личным составом. Время было беспокойное, еще с начала года моджахеды обстреливали пограничные наряды, проверяя воинов в зеленых фуражках. А затем бандиты напали на двенадцатую заставу, где пограничники дрались за каждый метр земли.

Обратимся к служебному документу за подписью начальника отряда подполковника В. Масюка. Лаконичные строки, а за ними стоит судьба офицера, который вместе со своими подчиненными рисковал жизнью. «В ходе проведения боевой операции в ноябре 1993 года на участке двенадцатой пограничной заставы, командуя действиями, проявил мужество, личную храбрость майор Угловский, действуя по сложному маршруту в условиях горной местности, показал личный пример. Умело руководя действиями РБГ, осуществил быстрый захват господствующих высот, обнаружил две огневые точки противника. Находясь на высоте, лично корректировал огонь артиллерии, уничтожив первую огневую точку противника. В ходе боя были обнаружены и уничтожены схроны бандитов и стоянка диверсионно-разведывательной группы противника. Активные и решительные дей-

ствия РБГ под командованием Угловского вынудили основные силы противника отойти в г. Тург, тем самым было обеспечено фланговое прикрытие РБГ-2, ее подъем по сложному маршруту на г. Тург, быстрый захват без потерь и закрепление занятых позиций. Четкая организация действий РБГ, умелое руководство личным составом, способность быстро принимать правильные решения в сложной боевой обстановке помогли избежать потерь личного состава. За героизм и личное мужество, проявленные при защите государственной границы, совершенные при исполнении воинского долга в условиях, сопряженных с риском для жизни, майор Угловский награжден орденом «За личное мужество».

Из рассказа Угловского о боях в Афганистане и Таджикистане я привел те моменты, которые хоть как-то показывают его самого и которые были оценены орденами Красной Звезды и «За личное мужество». Сергей Владимирович охотнее всего рассказывал о своих боевых товарищах. Поэтому пришлось прибегнуть к помощи его сослуживцев. Картина получилась такая: Угловский не только четко выполнял свои обязанности, но и умело командовал подчиненными. Он всегда быстро разбирался в обстановке, выполнял поставленную задачу и максимально берег солдатские жизни.

А один из его сослуживцев рассказал мне, что в Афганистане Угловского трижды представляли к ордену Красной Звезды. В первый раз в кадрах сказали, что еще для награды очень молод. Во второй раз он сказал начальнику то, что он о нем думает. Все боялись, он сказал. Как и следовало ожидать, после правдивых слов подчинен-

ного начальник не подписал представления на орден. Такой вот характер. Не просто это бывает не молчать, когда не прав твой начальник, когда товарищ не держит данного слова. Но в ММГ и десантно-штурмовой группе были всегда нужны не покладистые военнослужащие, а крепкие, настоящие мужики. И мягкий характер там идет во вред. В боевой обстановке надо быть жестким и иметь здравость мысли в решениях.

...Свой разговор мы закончили о воинской службе. Угловский говорил о своих солдатах. Говорил с особым чувством: «Это они вынесли на себе всю тяжесть войны в Афганистане, во время боевых действий в Таджикистане. И никогда не падали духом, помогали друг другу. Спасали офицеров, как тот сержант меня. Вели неравные бои, защищая себя и своих товарищей».

Сергей Владимирович считает, что опыт, накопленный за время службы, обязательно должен быть востребован. Очень важно, чтобы процесс передачи знаний от старших к младшим не прерывался.

И закончить рассказ о полковнике Сергее Угловском я хочу стихами О. Латышева «Третий тост»: *Порой паденье*

*равносильно взлету:
Разбито в кровь лицо, а ты герой!
Давай-ка, брат,*

*за русскую пехоту
Поднимем стопки
и за нас с тобой.*

*За тех, кто не стоил,
а матерился,*

*За тех, кто первым
встал и первым лег,*

*Кто под броней сгорел,
кто ног лишился,*

*Кто всех прикрыл
и лишь себя не смог...*

Генерал-майор **Владимир Афанасьевич Борученко** (р. 04.01.1940), командующий войсками Тихоокеанского пограничного округа, почетный сотрудник госбезопасности, участвовал в боевых действиях на территории Республики Афганистан в должности начальника штаба Краснознаменного Восточного пограничного округа (1985–1989 гг.).

Мартовицкий Анатолий Нестерович (31.08.1938 – 12.11.2008), первый заместитель начальника войск – начальник оперативной группы КСАПО, начальник службы Координационной службы Совета командующих пограничными войсками, генерал-лейтенант. Участник боевых действий в Республике Афганистан с 1985 по 1989 г. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени.

Операция «Дарбанд»

Горная база «Дарбанд» считалась неприступной. Располагалась она в ущелье, имела склады пещерного типа, местность по периметру была заминирована. На господствующих высотах в скалах находились огневые точки со средствами ПВО, пулеметами.

Операция по уничтожению базы готовилась в строжайшей тайне. Перед ее началом в гарнизон прибыл представитель ЦК НДПА генерал-лейтенант Олюми, курировавший вооруженные силы страны, но даже он не был посвящен в планы пограничников. Замысел операции состоял в том, чтобы с позиций гарнизона нанести огневой удар по базе, подавить огневые средства противника боевыми вертолетами, высадить десант и совместно с подошедшими наземными силами и средствами завершить уничтожение группировки душманов и ликвидировать базу.

...С каждой БМ-21 было произведено по одному прицельному пуску, и после получения результатов попадания все установки произвели по базе полные пуски. Не успели рассеяться в районе ба-

зы дым и пыль, как начала действовать боевая группа вертолетов, а затем высадился десант. Операция была столь стремительная и неожиданная для душманов, что они не смогли оказать достойного сопротивления. За несколько часов база перестала существовать.

Настала очередь для работы саперов. Мины были установлены везде, причем – на неизвлекаемость. В каждом вертолете в составе десантников обязательно был сапер, и здесь они отличились, обнаружив растяжки, фугасы. Большое количество взрывчатого вещества было в пластиковых пакетах, бычьих пузырях. К ним были прикреплены мины, выстрелы от гранатометов и даже просто камни. Стоило только задеть растяжку, которая, кстати, держалась на бельевой прищепке, и соединенные детонирующим шнуром фугасы, взорвавшись, покрыли бы осколками большую площадь.

Приведу свидетельство из записной книжки начальника инженерной службы группы подпол-

ковника В.О. Полунина, руководившего саперами в данной операции: «1987 г. Декабрь. 7 схронов, 3 опорных пункта. Реактивных снарядов – 1054, противотанковых мин – 60, противопехотных – 30, снарядов различного калибра – 310 штук, взрывчатого вещества – 500 кг, 16 фугасов. Захвачено большое количество минометов, пулеметов и другого оружия» ...

Дашко Юрий Иванович (р.30.05.1947), начальник Московского пограничного института ФСБ России, генерал-майор. Участвовал в боевых действиях в Республике Афганистан в 1985–1988 гг. Награжден орденами Почета, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени.

Воспитывали на героических примерах

О своем новом назначении «по горизонтали, но с большим объемом работы» я узнал от вышестоящего кадрового аппарата в марте 1985 года, будучи начальником политотдела Кызыльского пограничного отряда Забайкальского пограничного округа. Вскоре был вызван в Москву и утвержден на ответственную должность начальника политотдела создаваемой на Памире оперативно-войсковой группы Краснознаменного Восточного пограничного округа. В то время это было единственное и уникальное в своем роде формирование со штатом полнокровного пограничного отряда с юридическим статусом отдельной части, предназначенной для выполнения специальных задач в зоне ответственности округа в ДРА.

Так уже в мае 1985 года, сходу преодолев высокогорные перевалы, я сначала прибыл в расположенный на высоте более трех с половиной тысяч метров Мургабский пограничный отряд. Мои первые впечатления о горном Памире были во многом усилены знакомством с людьми, несущими повсе-

дневную службу по охране государственной границы не только в суровых климатических, но и в боевых условиях. Тогда состоялось и мое первое знакомство с начальником Мургабского пограничного отряда подполковником Проничевым Владимиром Егоровичем. Пригласив в свой кабинет и угостив чаем, он ввел меня в обстановку, ответил на интересующие вопросы. Казалось, мы с ним давно знакомы. В ходе общения он произвел впечатление большого профессионала, настоящего командира и вежливого, интеллигентного человека, обладающего хорошими манерами, человечностью. В последующем при нашей совместной работе первое впечатление о Владимире Егоровиче Проничеве многократно подтвердилось.

Командование отряда оказало традиционное гостеприимство, обязательным элементом которого было и посещение отрядной бани в целях адаптации новичка к высокогорью. Для меня, испытывающего поначалу от перепада высот дискомфорт, было удивительным, что личный состав части жил

в привычном повседневном ритме аналогично жизнедеятельности пограничных отрядов на равнинной местности. В соответствии с распорядком дня шли плановые занятия и работы, утренняя физическая зарядка, производилось движение строевым шагом с песней. Во всем чувствовался порядок и организованность, что не могло не восхищать.

На следующий день, любясь красотами горного ландшафта, спустился по серпантину в таджикский кишлак Лянгар, где полным ходом уже обживался личный состав управления и подразделений оперативно-войсковой группы. Место ее постоянной дислокации было выбрано на участке Хорогского отряда Среднеазиатского пограничного округа, что обусловлено наличием вертолетной площадки и ранее построенных хозспособом из подручных материалов помещений. Рядом стояла и пограничная застава. Стратегическая значимость этого района, как транспортного узла и перевалочной базы для переброски грузов и личного состава

Подполковник Ю.И. Лашко сопровождает группу офицеров КВПО во главе с начальником штаба округа полковником В.А. Борученко

находившихся «за речкой» боевых подразделений, была очевидной.

В обустройство службы и быта гарнизона на первых порах большой вклад внесли офицеры отделов и служб управления части: заместитель начальника штаба подполковник М. Абайдельдинов, зампотех подполковник А. Боровских и сменивший его подполковник А. Артемчук, начальник тыла подполковник И. Наконечный. Четко и слаженно работали офицеры финансовой службы А. Образцов, А. Соловьев, кадров – В. Сухих, медслужбы – Б. Калкаев, А. Пяткин.

Приступая к выполнению своих прямых обязанностей, я начал знакомство с подразделениями гарнизона, а затем посетил каждое на сопредельной территории. Командиром части в то время был подполковник Гурнак Александр Васильевич, которому я представился по телефону, поскольку он находился на той стороне, управляя служебно-боевыми действиями отряда с командного пункта, оборудованного в Гульхане.

Далее пошел процесс организации будничной работы политотдела части, особенностью которой было то, что все его штатные единицы находились непосредственно в боевых порядках. Доклады и постановка задач на начальном этапе, как правило, осуществлялись по средствам связи. По мере очистки занятых душманами районов увеличивалось и количество наших заграничных гарнизонов. К концу 1986 года их число достигло двадцати, и они были растянуты почти до границы с Пакистаном. В условиях противодействия противнику работа нашего политотдела строилась по принципу минимизации заседаний и переписки с одновременным расширением живой работы с людьми, с личным примером и оказанием помощи непосредственно на местах. Особое внимание уделялось человеческому фактору, ведь за каждым боевым эпизодом стояли личности, конкретный офицер, прапорщик, сержант или солдат.

Практическая работа офицеров политотдела сводилась к следую-

щему алгоритму. Во-первых, воспитательное воздействие на личный состав строилось на героических примерах пограничников округа, отличившихся ранее при проведении боевых операций. Так, известные действия десантно-штурмовой маневренной группы под руководством Героя Советского Союза майора И. Барсукова, его заместителей майоров В. Ашербекова, Р. Ракимова, В. Кудряшова вдохновляли на успех, вселяли уверенность в превосходстве над врагом. В последующем после ротации командование ДШМГ в лице подполковника П. Ушкалова, майора В. Шпадырева, капитана Н. Митошка достойно продолжало славу своих предшественников, грамотно и твердо руководя подчиненными при выполнении сложных боевых задач.

Во-вторых, повседневная расстановка политсостава и партийно-комсомольского актива осуществлялась с максимальным охватом своего влияния на личный состав, оперативно и с учетом характера предстоящих задач, будь то служба внутри гарнизона, засадные действия, проческа местности или сопровождение колонн. Офицеры политотдела ОВО подполковник В. Козырев, майоры Н. Романов, С. Пигуляк, В. Бритвин, Ю. Антошин, А. Нагайцев, старшие лейтенанты И. Хижняк, В. Щерблюкин хорошо владели обстановкой в воинских коллективах, личным примером вдохновляли на преодоление трудностей в боевых условиях.

В-третьих, в политической работе широко использовался опыт Великой Отечественной войны. Большое внимание уделялось росту партийных рядов. В 1982 году был введен особый порядок приема в партию в боевой обстановке,

что позволило добиться наличия полнокровных партийных организаций во всех подразделениях ОВГ.

Кроме того, повышался уровень командирской подготовки политсостава, чтобы в любой момент политработник мог заменить вышедшего из строя командира. И жизнь это неоднократно подтвердила. Так, в одном из боестолкновений, когда был тяжело ранен начальник ММГ майор Ерин, руководство подразделением взял на себя помощник по комсомолу старший лейтенант И. Хижняк, благодаря которому боевая задача была выполнена без потерь. За проявленный героизм он был награжден орденом Красной Звезды.

Особое внимание уделялось процедуре ввода в должность прибывающего личного состава от солдата до офицера, которые не имели еще боевого опыта. Было важно помочь им адаптироваться к обстановке, приобрести уверенность, подготовиться к действиям в экстремальных ситуациях. В условиях ведения боевых действий актуализировался вопрос практи-

ки психологической реабилитации военнослужащих. В гарнизоне «Гульхана» имелся свой клуб, где могли демонстрироваться идущие в прокате кинофильмы. В жилых помещениях, в кабинетах стояли телевизоры и радиоприемники. По инициативе и при личном участии секретаря партийной комиссии ОВГ подполковника В. Козырева к зданию клуба было пристроено помещение под комнату отдыха и психологической разгрузки с бильярдом, подшивками газет и журналов, книгами, шахматами и шашками, музыкальным центром. Комната пользовалась особой популярностью у дежуривших на объекте летных экипажей, но для отдыха и снятия эмоционального напряжения ее любили посещать и другие военнослужащие.

Активная пропагандистская работа велась и среди местного афганского населения. Отрадно, что все наши методы и подходы в этом вопросе в настоящее время востребованы и реализуются российскими миротворцами в Сирии. Мы не раз убеждались в том, как оказание гуманитарной помощи населе-

нию дает осязаемый эффект в достижении целей военного противоборства. Для этого создавались специальные группы из офицеров управления ОВГ, которые, выезжая в определенные районы и населенные пункты, раздавали местному населению продукты питания, оказывали медицинскую помощь, с использованием кинофильмов, иллюстрированных смысловыми рисунками листовок разъясняли миролюбивую миссию советских пограничников на территории Афганистана. В результате рейдов создавались условия для получения оперативной информации, что позволяло контролировать обстановку и принимать правильные решения.

Большое внимание уделялось разъяснительной работе среди личного состава ОВГ о линии поведения военнослужащих на сопредельной территории, традициях афганского народа, сильных и слабых сторонах моджахедов. Для этого использовались памятки карманного формата, словари основных языковых терминов.

Выходы подразделений из гарнизона Гульхана на боевые задания и их возвращение проходили торжественно с поднятием флага на сооруженной своими силами ритуальной площадке. Совместно с отделом кадров командирами подразделений проявившие себя в боевой обстановке воины представлялись к награждению орденами и медалями, многим направлялись благодарственные письма на родину. Церемония вручения наград проходила в торжественной обстановке и само награждение, как правило, производилось лично начальником войск округа или командиром части.

Таким образом, была создана цельная система партийно-поли-

Митинг памяти в гарнизоне «Гульхана», 1986 г.

тической работы в условиях ведения боевых действий на сопредельной территории. При этом мы не только использовали полученные ранее теоретические знания, но и путем собственных проб и ошибок приобретали ценный опыт применительно к меняющимся условиям обстановки, проявляя при этом инициативу и творчество.

В феврале 1986 года начальником нашей оперативно-войсковой группы был назначен подполковник Проничев Владимир Егорович. Стоит отметить, что со многими офицерами и прапорщиками он был знаком по совместной службе, а также по линии взаимодействия соседних частей, будучи командиром Мургабского пограничного отряда. А благодаря особому вниманию к оперативной и штабной работе в совершенстве владел обстановкой в приграничье и за кордоном.

Особо интересуясь сильными и слабыми сторонами боевых подразделений, их командирами и политработниками, Владимир Егорович внимательно выслушал мой доклад по обстановке и морально-психологическому климату в воинских коллективах, вник в проблемные вопросы. Поддержка нового командира была для меня очень важной и ценной. Каким-то внутренним чувством он осознавал и понимал важность партийно-политической работы и выкраивал время для участия в различных мероприятиях, используя этот механизм влияния на состояние морального духа подразделений, для выявления проблем и способов их решения.

Среди многообразия личных качеств своего командира я бы отметил такие, как высокий профессионализм, компетентность, личностная организованность и уме-

ние мобилизовать подчиненных на выполнение поставленных задач, твердость и настойчивость в их выполнении, способность держать удар в критических ситуациях, быть разумно бесстрашным, взвешенность в принятии решений, выдержка и самообладание, дипломатичность и такт в общении.

Решения Проничев принимал на основе коллегиального обсуждения с учетом мнения всех органов управления с готовностью всю полноту ответственности взять на себя. Примером тому могут служить известные факты разрешения им острой обстановки в связи с посадкой наших вертолетов на территории Пакистана, а также эвакуации вертолетами в ночных условиях тяжелораненых солдат из Гульханы.

Стиль его повседневного руководства отличался гибкостью и индивидуально-ситуативным подходом к подчиненным. Ему удавалось гармонизировать и применять все лучшее из известных стилей руководства. Никогда и никто не слышал, чтобы он повышал голос.

Еще одна черта – умение устанавливать и поддерживать контакты с различными категориями людей, будь то руководители Горно-Бадахшанской автономной области, командиры соединений и частей Советской Армии, начальники органов безопасности, представители афганских властей или оппозиции.

Заместитель начальника политотдела КВПО полковник И.Ф. Акулов с офицерами политотдела ОВГ

В полной мере организаторский талант и другие вышеперечисленные качества В.Е. Проничева особо проявились при отработке замысла и планов взаимодействия в ходе проведения крупной войсковой операции по очистке от мятежников Вардуджской долины, при выводе подразделений из Афганистана.

Большое внимание Владимир Егорович уделял заботе о личном составе. По его инициативе появилась традиция совместного отдыха в редкие часы «передышки в тылу» членов семей командования ОВГ, что способствовало сплочению нашей управленческой команды. Его забота о личном составе проявлялась и в организации качественного питания воен-

нослужащих, принятии решения о побывках раз в 3 месяца для офицеров и прапорщиков.

Обобщая свои воспоминания, я могу сказать, что Владимир Егорович Проничев был командиром высочайшего уровня. Опыт руководства им ОВГ в условиях боевых действий вплоть до вывода войск из Афганистана позволил ему в ходе последующей службы взойти на новые вершины управленческой деятельности и вырасти до руководителя Пограничной службы ФСБ России.

Лично для меня служба в Афганистане явилась школой мужества и мерилom человеческих отношений, проверкой на прочность мужской дружбы, образцом взаимовыручки и, конечно, память о тех, кто ушел из жизни, горечь утрат боевых товарищей, а также чувство гордости за моих однополчан, ибо все, кто там был, являются настоящими героями.

Спасибо родным и близким, женам, матерям за их терпение, мужество, веру, любовь к тем, кто выполнял свой воинский долг за пределами Родины.

О том, как нелегко давалась служба нашим родным, воспоминания жены офицера ОВГ, тогда капитана Н. Скорынина, **Ольги Скорыниной**:

Возвращайся к мальчишкам...

Осень. Красивая, золотая, багряная и к тому же теплая, как та осенью 1986 года. Сегодня 2018 год, как быстротечно время... тот сентябрь был таким же красивым и теплым. Странно, меня как будто кто-то услышал. Вдруг мне позвонили, это был один из бывших начальников моего мужа – Юрий Иванович Лашко, сейчас он уже генерал в отставке. Когда-то более 30 лет назад они вместе про-

ходили службу в ДРА. Он спросил, не могла бы я написать немного о том времени, поделиться воспоминаниями. Рассказать, как жили мы, провожая своих мужей выполнять интернациональный долг... Уважая Юрия Ивановича и его семью, я, конечно, пообещала вспомнить и чего-то написать.

Начала думать: о чем? Мы не видели взрывов, не слышали автоматных очередей, но каждой клеткой чувствовали войну, которая была..., а зачем она была, до сих пор понять не можем. Мужчинам проще, они вспоминают своих сослуживцев, которых еще называют между собой товарищами по оружию, бои, солдат, которые были для них больше, чем просто бойцы гарнизона... И все-таки я попробую рассказать то, что испытывала почти каждая из нас, проводившая мужа на ту сторону. Странное определение – та сторона. Но все, кто прожил это время, знают, что на той стороне рядом с нашими мужьями всегда ходила смерть.

И от этого понимания каждая из нас не могла жить в покое и радости. Минуты радости и счастья наступали лишь в короткие моменты телефонных переговоров, когда на другом конце провода звучали слова: «Ну как вы там? Как дети? Скучаю! Скоро прибуду на побывку! Не грустите!» И еще несколько фраз, ласкающих душу и сердце, и конечно самая важная: «Я вас очень люблю!».

И «мальчиковая» война за телефонную

трубку, чтобы поговорить с папой, после которой маме не оставалось ничего, кроме, как закрыться в ванной комнате и, открыв кран с холодной водой, одной рукой прикрывать себе рот, чтобы не дай Бог дети не услышали мамин плач, а второй умыть глаза, дабы были не очень заметными мамыны слезы. Ну уж самые счастливые моменты – это папина «побывка»! Вспоминаю одну из них больше других...

Панфиловский пограничный отряд. Праздничные майские дни. Все спешат в центр города. Легко и ярко одетые дети гордо восседают на плечах своих отцов. Те, что постарше, идут с отцами за руку, а мои с завистью и горечью смотрят на этих счастливицков. Мы тоже ждали, что наш папа приедет на праздник, но обещанный отпуск мужа по каким-то причинам откладывался, и от этого

Семейное фото. Капитан Скоринин, супруга Ольга, сыновья Вячеслав и Алексей, ноябрь 1986 г.

Встречи, какое же это счастье – ты приехал... Майор Скоруйнин с супругой Ольгой. Редкие минуты счастья

становилось тревожно. Это чувствовали и дети. Трудно подобрать слова, но, глядя на них, было не по себе. На вопрос: «Когда приедет папа?» отвечать становилось все труднее. А они каждый день выглядывали из окон дома и заглядывали в окна проезжающих мимо машин в надежде увидеть там папу.

В один из таких дней в поисках прохлады мы (женщины) расположились в беседке пограничного городка – посудачить, угостить друг друга своей незамысловатой стряпней и прохладными напитками. Все женщины из нашего окружения были большими кулинарными мастерицами. Дети очень любили наши посиделки, балуясь пирогами, булками, киселями и компотами.

Жили дружно, по-семейному помогая тем, кому в это время было особенно трудно. Пытаясь подбодрить особо унывающих, мы шутили, дети бегали друг за другом. И тут мой старший сын Славик, которому на то время было лет 8–9, находясь у дороги, как-то

странно закричал, я не поняла, что именно прозвучало, но выскочила из беседки и побежала к нему. Мелькая между домов, он бежал по обочине за проезжавшим УАЗиком, который мчался в сторону последних двухэтажек. Он бежал за ним и что-то выкрикивал. Вдруг, споткнувшись о камень, он упал плашмя на песчаную пыльную дорогу, разбив себе колени и локти в кровь. Я подбежала к нему, испугавшись (он чуть не попал под колеса этой машины), схватила его, заплакала с ним вместе, а он в пыли и в крови, счастливыми глазами смотрел на меня, размазывая по лицу пыль и кровь вперемешку со слезами, утешая меня, говорил: «Мама не плачь! И к нам папа приехал!» Я успокаивала его, прижимала к себе и говорила: «Он, конечно, приедет, ты обознался!», а он, настойчиво вырываясь из моих рук, глядя через мою спину, кричал: «Вон же он, посмотри!»

Повернув голову, я обомлела: к нам навстречу в «песчаной» форме («афганке» – так тогда называли ее) бежал наш папка. Слезы оста-

новить было трудно. Откуда-то прибежал маленький сыночек Алешка, и мы вчетвером, обняв друг друга, плакали, кто от чего, у всех были свои причины и, наверное, только маленький Алеша плакал потому, что плакало все семейство! И те, кто наблюдал за этой картиной (взрослые), плакали тоже, почти у всех окружающих мужья оставались на «той стороне».

Сейчас я невольно сравниваю это свое счастье с тем, которое испытывали женщины, встречая своих мужей с полей сражений Великой Отечественной войны. Ведь после отгремевших победных салютов кто-то плакал от счастья будущей встречи, а кто-то от горя. Мой дед погиб в начале войны, и мама рассказывала, что большая часть наших сельчан плакала в День Победы от того, что счастья встречи они уже никогда не испытают.

Нам повезло, нам – это мне и моим близким подругам, а это Наташа Нарбекова и ее двое детей, Тая Быкова и ее двое мальчишек, Люда Молчанова и ее дочь Анечка. Мы не стали вдовами тогда, наши мужья вернулись домой, и наши дети не испытали тяжелой сиротской доли. И уже после вывода войск из Афганистана в семье у Молчановых родился Ванюшка! Потому, что папа Саша вернулся домой живой!

Но война – жестокая женщина! Она настигает наших мужчин не только на поле боя. Испытав тяжести нелегкой военной службы в горах, растеряв по военным тропам свое здоровье, рано от нас уходят друзья, мужья наших боевых подруг...

Уже нет Саши Нарбекова, мужа моей самой «пограничной» подруги Наташи, сорок лет нашей с ней

дружбе. Детей вместе растили, вместе смеялись и плакали, вместе решали проблемы. Теперь ходим вместе на погост к Саше, на его гранитной плите он в форме пограничника, а дата красноречиво говорит: от рождения до тризны всего 53 года. Ведь это так мало! Мы разговариваем с ним, рассказываем ему новости, а ответа не слышим... И когда на его могиле мой муж Николай Скорынин, нервно закуривая, предлагает ему сигарету, мы, глотая слезы, понимаем: горы, дороги, и ОНА – война настигла его уже здесь в глубине России, где можно было жить и радоваться, было все для того, чтобы наслаждаться жизнью, но увы... не выдержало сердце. У него дети и внук – пограничники...

Уже нет и Вовы Быкова, мужа еще одной моей замечательной подруги Таечки. «Кулибин» – звали мы его. Не было ничего по хозяйству, чего бы не умел этот удивительный человек. От консервирования банок до сложнейших механизмов, все было ему по плечу. И когда он приезжал на побывку, все наши сломанные электроприборы, не забитые гвозди и не вкрученные шурупы проходили через его золотые руки. А ведь когда он покинул нас, ему тоже было слегка за шестьдесят. Тоже сердце...

Когда-то лет 10 назад в МПИ мы проводили вечер, посвященный дню вывода войск из Афганистана. Мне подумалось, что будет очень правильно показать две стороны этой трагедии, зовущейся ВОЙНОЙ. Мы разделили сцену на две зоны. На левой – те, кто ждал, на правой – те, кого ждали. На левой – теплый свет ночного светильника и детская кровать, на правой – ящики от боеприпасов и сине-красный свет полыхающих огней. Мальчишки и девчонки-

курсанты так прониклись темой своих матерей и отцов, так вошли в роль, что зрители, и я в том числе, слез сдержат не могли. Луч прожектора высвечивал девочку, которая у зеркала при свечах с надрывом пела...

*Белый танец, белый танец –
как же это так нечестно,
Где ты, русский мой афганец,
ждет тебя твоя невеста.
Возвращайся, возвращайся
от обугленной границы,
Не могу я в белом вальсе
со своей бедой кружиться...*

Гасли свечи, и прожектор высвечивал мальчишек в «песчанке», сидящих на ящиках с боеприпасами, а они пели:

*«Я вернусь к тебе, я вернусь,
Пусть уныло стучат дожди.
Я вернусь к тебе, я вернусь,
Только помни, люби и жди.
Я вернусь к тебе, я вернусь,
В сердце радость и боль храня,
Я вернусь к тебе, я вернусь,
Потому, что ты ждешь меня...»*

Вечер длился минут 50. Мы вспомнили о тех, кого не дождалась мамы, кто оставил о себе только память вместо детей. О тех, кто не испытал счастья материнства, потому что женихи остались на полях сражений. О детях, не дождавшихся своих отцов. Это были две стороны, не медали, нет! Это были две стороны жизни.

За 50 минут мы пережили эту десятилетнюю трагедию. Зрители, среди которых были офицеры – участники афганских событий, жены офицеров, дети, курсанты, потом говорили, что после этого вечера хотелось пойти в церковь поставить свечи за упокой погибших и помолиться за тех, кто это пережил, а еще попросить Бога о том, чтобы не было войны.

И это правильно! Войну одинаково больно переживают обе сто-

роны. Из двух любящих сердец не может болеть одно: если плохо одному, то и другому не легче.

А еще в день рождения младшего сына я всегда вспоминаю, как наш папка уезжал в эту затяжную «командировку». Это было 2 сентября 1986 года. Я, работая в клубе части художественным руководителем, готовила концерт для ребят, отправляющихся в эту «зарубежную командировку». До сих пор помню фамилию и имя солдата – Максим Гагаркин, с которым мы тогда читали стихотворение Кочеткова «С любимыми не расставайтесь...». Мы стояли по разным сторонам сцены. Зазвучала трогательная музыка М. Таривердиева (я не помню, где мы ее тогда нашли...), мы начали свой поэтический диалог. Я смотрела на импровизированный зрительный зал учебного центра, организованный на улице, на мальчишек, уходивших не на танцы. Стихи, музыка и обстановка делали свое дело, я готова была разреваться. Я читала в зал: «Пока жива, с тобой я буду, душа и кровь не раздвоимы...». И тут мой взгляд натывается на одетого в эту самую пресловутую «афганку» моего мужа. Не помню, как я дочитала эти стихи, как закончился концерт, только я шла к нему после концерта на ватных ногах, не понимая, что происходит. Дома о командировке мы ничего не говорили. Единственное, он как-то попросил меня кое-чего подкупить в «тревожный» чемодан, я выполнила его просьбу. И все...

Вечером должны были прийти гости, Алеше исполнялось 2 года. А тут такой сюрприз! Особых объяснений не было. «Я – офицер!» – это было всегда ответом, когда задавалось много вопросов. Я вдруг почувствовала, что стою

После рекогносцировки. Слева направо: А. Труфанов, Ю. Лашко, Ю. Глonti, А. Кашенков

на жердочке, у меня нет опоры. Совсем недавно, чуть больше полугода назад, в отряде пережили страшную трагедию. В часть не вернулись 19 человек, семнадцать солдат и два офицера, у которых были жены и дети. Совсем свежими были эти раны. Невозможно было смотреть на вдов. Сжималось сердце, глядя на детей. Пережив сиротскую долю, я понимала, как еще много им предстоит пережить. И вот я и мои дети теперь в любую минуту можем осиротеть?! Это состояние страха не покидало меня ни на минуту вплоть до вывода войск, а потом еще почти два года, когда мой муж пересекал афганскую границу, сопровождая гуманитарную миссию ООН, подвергая свою жизнь опасности.

Десять лет назад на 1-м российском канале показали фильм Александра Сладкова: «Секретная миссия. Афганский рубеж». В нем рассказывали о пограничниках, военнослужащих, пребывание которых в ДРА было засекречено до определенного момента. Коля (муж) был одним из тех военно-

служащих. После фильма в доме телефон не замолкал. Звонили солдаты и офицеры. Как-то в эти дни раздался звонок, дрожащий голос, поздоровавшись, спросил: «А Батя дома?».

Голос был настолько взволнован, что я сразу поняла, кто такой «Батя»! «Бате» на время службы в ДРА было 29–30 лет, солдатам-мальчишкам – 19–20 лет.

Я спросила, где он, откуда? Он ответил, что приехал из Уральска в Москву повидать своего командира майора Скорынина (на погонах мужа уже сияли звезды полковника, но я понимала: они все еще там, в Афгане, в гарнизоне «Умоль», где командиром был майор Скорынин). Сказав, что встречу его и привезу к нам, я отправилась за гостем. Всю не очень дальнюю дорогу к нашему дому он с дрожью в голосе рассказывал, что мой муж для них значил. Встреча командира со своим солдатом была ничуть не меньше по своим эмоциям, чем та, наша семейная. Сорокалетний взрослый крепкий мужик, подполковник

внутренних войск Республики Казахстан Валерий Пачколин обнимал моего худощавого мужа, как самого близкого человека, захлебываясь слезами, повторял: «Батя! Батя! Как я хотел тебя увидеть!..» Но это отдельная история...

В соцсетях на сайте «Пограец.ру» я еще встретила несколько фраз о моем муже – писали бойцы гарнизона «Умоль» и солдаты самой высокогорной заставы Мургабского пограничного отряда «Шат-Пут». Сыновьям и мне есть, кем гордиться. Так же, как и всем нашим женщинам – женам и мамам наших пограничников.

Иногда в узком кругу я читаю свои стихи, которые писала в то время. Писала потому, что ночами не могла уснуть, хотелось говорить хотя бы мысленно о своей боли и радости с тем, кто был дорожке всех. Мы все, кто ждал своих мужей с той стороны, больше всего на свете боялись неожиданных звонков и стука в дверь. Сейчас я благодарю Бога и командиров, под началом которых они служили, что не позвонили и не постучали, и не пришли ко мне с той горькой вестью. И не покрыли мне голову черным платком вдовы.

Родные мои, милые женщины, боевые подруги, те, кого коснулось это горе, но вы выстояли, вырастили своих детей, я низко кланяюсь вам. Нет ничего горше этой доли. Я прошу у Бога счастья для вас! Пусть оно придет от детей, от людей, от жизни. И пусть минет вас любое лихо! Мужья наши и сыновья, погибшие и живые, не посрамили своего имени. Пусть не всем довелось носить высокие воинские звания, но все они честно выполняли свой долг. А мы ждали их, гордились ими. Мы тоже выполняли свой долг! Долг жены и матери офицера-пограничника!

Полковник **Валерий Иванович Кужим** в 1986–1989 гг. был начальником ОКПП «Термез», а значит, он последним провожал колонны 40-й армии, следующие в Республику Афганистан, и первым встречал их на выезде. Он многократно бывал на территории соседнего государства, помогал коллегам-афганцам обеспечивать пропуск частей и подразделений советских войск через государственную границу. В то же время контролеры ОКПП должны были разгадать (и разгадывали!) хитроумные приемы контрабандистов, которые пытались переправить в международных контейнерах, следующих в Англию, Канаду и другие страны, под видом экзотических фруктов гашиш и героин. Автоцистерны, мешки с удобрениями, потайные уголки железнодорожных вагонов и речных барж – что только ни использовали нарушители, чтобы переправить в Союз оружие и боеприпасы. Пограничникам ОКПП приходилось проявлять недюжинное профессиональное мастерство, чтобы своевременно пресечь эти попытки.

Кечин Анатолий Павлович (05.08.1953–31.01.2015), начальник медицинского отдела Пограничной службы ФСБ России, генерал-майор медицинской службы, заслуженный врач Российской Федерации. Участник боевых действий в Республике Афганистан в 1985–1988 гг. Награжден орденами Почета, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени.

Героическая профессия

В сентябре 1985 года меня, тогда майора медицинской службы, назначили начальником 2-го окружного госпиталя Пограничных войск КГБ СССР. В Среднюю Азию я прибыл из Забайкалья, и ашхабадский зной поначалу показался мне, коренному сибиряку, нестерпимым, но служба есть служба!

Кстати, знакомство мое с КСАПО состоялось гораздо раньше. Еще в 1982 году я и мои коллеги занимались подготовкой и медицинским оснащением личного состава ММГ, убывающих в Среднеазиатский пограничный округ. Мы обучали солдат и офицеров оказанию медицинской помощи при травмах, ранениях и инфекционных заболеваниях. Занятия проводились по специальной программе, утвержденной начальником военно-медицинского отдела ГУПВ КГБ СССР полковником медицинской службы Виктором Альшевым. Дополнительно для каждого подразделения мы готовили нештатных санитарных инструкторов и санитаров-носильщиков. Много внимания

отводилось тренировкам по извлечению раненых из боевой техники и способам последующей эвакуации с поля боя. Все действия отрабатывались до автоматизма в любое время дня и ночи. Составляли по итогам оценочную ведомость. Делали соответствующие отметки в медицинских книжках пограничников. К моменту отправки завершили полностью вакцинацию личного состава. С уверенностью могу утверждать, что мангруппы, которые направлялись в Афганистан, в медицинском отношении были полностью подготовлены к действиям в боевых условиях.

17 октября 1985 года в аэропорту Ашхабада меня встречал заместитель начальника Ашхабадского госпиталя по медицинской части подполковник медицинской службы Виктор Рыбаков. Разместив моих жену и сына в гостинице, мы с Виктором Дмитриевичем направились в управление округа, а затем в госпиталь. Так начался среднеазиатский этап моей службы, который продлился до 11 ноября 1988 года.

В Ашхабадском пограничном госпитале предоставлялась в полном объеме квалифицированная и некоторые виды специализированной медицинской помощи. Его специалисты по многим направлениям деятельности оказывали поддержку своим коллегам на нижестоящих этапах медицинской эвакуации, а нам, в свою очередь, активно помогали специалисты вышестоящего управленческого и госпитального звена. Военно-медицинский отдел КСАПО возглавлял тогда подполковник медицинской службы Алексей Манин, а Центральный военный госпиталь ГУПВ КГБ СССР – полковник медицинской службы Александр Горячевский.

Огромный по тем временам наш Ашхабадский пограничный госпиталь, открытый 27 октября 1951 года, был рассчитан на 175 коек, но раненых и больных в нем находилось гораздо больше. Климато-географические условия региона способствовали возникновению большого количества инфекционных заболеваний. Проведению мероприятий по их профилактике в

Майор медицинской службы Анатолий Кечин – начальник Ашхабадского пограничного госпиталя Краснознаменного Среднеазиатского пограничного округа, 1985 г.

частях и подразделениях округа уделялось серьезное внимание. Специалисты санэпидотряда, которым руководил подполковник медицинской службы Прокопий Мылтыгашев, практически постоянно находились в командировках и среди личного состава. Однако количество больных в инфекционном отделении долгое время превышало штатное количество мест во всем госпитале. Для размещения пациентов приходилось устанавливать на территории госпиталя специальные палатки. Особенно в весенне-летний период, когда помимо гепатита и брюшного тифа рос уровень заболеваемости дизентерией. А такое специфическое заболевание, как кожный лейшманиоз в сочетании с брюшным тифом или гепатитом, а иногда и обоими сразу, встречалось только в Средней Азии. Опыт врачей инфекционного отделения могли позавидовать даже специалисты московского НИИ тропической медицины. В те времена это

отделение возглавлял подполковник медицинской службы Владимир Михалев. Рядом с пациентами он находился практически круглосуточно! Много делал для восстановления здоровья заболевших и старший ординатор Анагулы Мамедмурадов.

Конечно же, ответственной и очень напряженной была работа хирургического отделения госпиталя. Его начальник полковник медицинской службы Иван Авдеев, подполковник медицинской службы Вениамин Сухарьков, старший ординатор майор медицинской службы Тахир Чарьев, служащий врач-реаниматолог Виктор Чепревский и другие сотрудники порой по несколько дней подряд не покидали госпиталь, особенно во время проведения боевых операций в Афганистане. Все эти люди прошли серьезную врачебную школу, работая непосредственно с огнестрельными ранами и минно-взрывными травмами. Как специалисты они востребованы и сейчас.

В сложное для округа время коллектив психоневрологического отделения возглавляла подполковник медицинской службы Надежда Новикова, а в последующем – подполковник медицинской службы Александр Кузнецов (позже он возглавил Ашхабадский госпиталь) и майор медицинской службы Виктор Архипов. Часто пациентами психоневрологического отделения становились военнослужащие, которые в ходе боев испытали сильнейший стресс и тяжелейшие психологические травмы. И лишь благодаря отличному коллективу этого отделения, его опыту и творческому подходу к лечебному процессу многие пограничники смогли вернуться в строй. Кстати, в этот период было начато строительство нового корпуса для психоневрологического отделения.

Прибывающие на службу в наш Краснознаменный Среднеазиатский пограничный округ проходили климатическую, служебную и социальную адаптацию. Кому-то было достаточно двух–трех дней, а кому-то требовалось до месяца. В некоторых случаях в период адаптации проявлялись хронические заболевания, которые в Средней Азии обострялись. Были случаи, когда выявлялись ранее не диагностированные заболевания внутренних органов. Во всех этих и других сложных и запущенных случаях пограничники поступали на лечение и обследование в терапевтическое отделение госпиталя. Его возглавляли в разные сроки подполковники медицинской службы Виктор Рыбаков и Владимир Серов. Специалисты этого отделения проводили огромную и трудоемкую работу по восстановлению здоровья не только пограничников, но и членов их семей.

С пациентами всех отделений госпиталя работал начальник физиотерапевтического кабинета Исмаил Ханкиншиев. Его профессионализм позволил ускорить выздоровление тысяч пациентов посредством использования физиотерапевтической аппаратуры, самых современных и высокоэффективных процедур.

Серьезным подспорьем в работе всех отделений госпиталя был кабинет функциональной диагностики. Заведовала его работой Людмила Клышникова. К сожалению, никто не считал, сколько жизней было спасено благодаря ее опыту, такту и умению показать лечащим врачам динамику состояния пациента. Она помогала корректировать лечение и подбирать наиболее эффективные способы реабилитации. Врачи всегда ощущали ее дружеское внимание и поддержку. Сотрудники лаборатории и аптеки много сделали для своевременной и точной диагностики, обеспечения медикаментами. Часто их вызывали среди ночи к поступившим пациентам. На моей памяти не было случая, чтобы кто-то из них отказался прибыть в госпиталь. Чувство ответственности – это еще одно качество, которое объединяет медицинский коллектив.

Наш госпиталь был всецело ориентирован на своевременное и качественное медицинское обеспечение служебно-боевых задач, которые решались округом. Итог титанической работы слаженного коллектива – высокие показатели возврата пациентов к службе. Без изменения категории годности в строй вернулись 97% заболевших и 93% раненых. Этих показателей мы смогли достичь только благодаря тесному взаимодействию с авиацией округа. Наши летчики отправлялись за больными и ране-

ными в сложнейших условиях боевой и погодной обстановки.

Помимо собственного обследования, лечения, проведения военно-врачебной (врачебно-летней) экспертизы, врачи госпиталя участвовали в военно-медицинской подготовке личного состава спецподразделений, уходящих в Афганистан.

Врачи диспансерно-поликлинического отделения планировали работу в частях и подразделениях округа. Регулярно осуществляли лечебно-профилактические мероприятия за пределами госпиталя, в том числе и по медицинской эвакуации. Два раза в год группа врачей выдвигалась в пограничные

отряды и мотомангруппы, дислоцированные на территории ДРА, где осуществляла медицинское обследование, а при необходимости и лечение. Так, начальник стоматологического кабинета госпиталя майор медицинской службы Георгий Могильницкий и зубной техник производили помимо обследования полости рта еще и санацию, а также снятие слепков для дальнейшего зубопротезирования нуждающихся пограничников. По настоящее время считаю ошибкой исключение из штата военных лечеб-

Заместитель начальника госпиталя по политчасти, начальник госпиталя и начальник санэпидотряда, 1987 г.

но-профилактических учреждений диспансерно-поликлинических отделений. Именно они были изюминкой в эффективной системе медицинского обеспечения пограничных войск. Специалисты этих отделений систематически и функционально осуществляли диспансеризацию, эффективно занимались профилактикой заболеваний непосредственно среди личного состава подразделений границы, активно контролировали и направляли деятельность медицинского персонала в нижестоящем звене.

Работы в госпитале всегда было очень много. При перегрузке решением начальника войск КСАПО и министра здравоохранения Туркменистана студентам старших курсов медицинского института представлялась возможность обучаться в стенах госпиталя, оказывать помощь нашим сотрудникам в лечении пограничников. Командование округа в полном объеме знало медицинские проблемы и помогало их решать. Например, при активной помощи начальника тыла КСАПО полковника Евгения Бурченко котельная госпиталя была переведена на природный газ. Снята обременительная нагрузка по выполнению производственной программы (госпиталь тогда имел собственное свинопоголовье).

Правительство Туркмении и военно-строительный отдел округа помогли нам с капитальным ремонтом корпусов госпиталя, на

выделенные средства мы восстановили территорию, построили лечебный корпус, здания столовой и склада. Обновили асфальтовое покрытие улицы Советских пограничников, по которой пациенты и сотрудники прибывали в госпиталь. Систематически шефствующие организации города передавали в госпиталь кондиционеры, телевизоры, приемники, оргтехнику, продукты на дополнительное питание. Частыми гостями пациентов были артисты советского кино и эстрады: Валерий Леонтьев, Валентина Толкунова, Александр Ширвиндт, Михаил Державин, Николай Рыбников, Роза Рымбаева и другие. В ряде случаев артисты посещали пациентов в палатах. Все эти встречи расценивались врачами госпиталя как мощный дополнительный фактор в лечении.

Расцвету госпиталя и высокоэффективной его работе способ-

ствовали регулярные взаимопроверки между Ашхабадским и Душанбинским госпиталями нашего округа. По сути это был обмен опытом между коллегами, направленный на совершенствование лечебно-диагностического процесса. Приезжали к нам неоднократно и врачи-специалисты из Центрального военного госпиталя ПВ КГБ СССР. Московскую группу возглавлял представитель Военно-медицинского отдела ГУПВ КГБ СССР полковник медицинской службы Виталий Чвыков.

В нашем госпитале проводились многие уникальные операции. Так, одному из пограничников пуля пробила кости черепа, прошла как раз между двух полушарий мозга. Благодаря четкой системе лечебно-эвакуационного обеспечения, налаженной в округе, уже через час он оказался на операционном столе. Нам удалось спасти его. Дальнейшее успешное лечение пациент получал в Голицынском госпитале.

К сожалению, многие материалы, связанные с проведением боевых операций и их медицинским обеспечением, были в свое время уничтожены. Но благополучно доставлены на ответственное хранение в Центральный пограничный архив ФСБ России истории болезни всех пациентов, находившихся на лечении в Ашхабадском госпитале по 1991 год. Так что прошу всех исследователей медицинских потерь и побед использовать эту информацию для анализа и дальнейших научных изысканий. Каждая история болезни того периода – отражение огромного врачебного опыта, который накапливался в сложнейшей боевой и медицинской обстановке.

Руководители Ашхабадского госпиталя с начальниками лечебно-диагностических кабинетов и отделений, 1988 г.

Жилкин Сергей Михайлович (р. 28.02.1954), первый заместитель начальника Оперативно-организационного управления (Управления охраны государственной границы) ДПО ПС ФСБ России, генерал-майор (2000). Участвовал в боевых действиях в Республике Афганистан с 1986 по 1989 г. – начальник 3-й ММГ 117-го Московского пограничного отряда, начальник 1-й ОГ 81-го Термезского пограничного отряда, начальник ОГ 68-го Тахта-Базарского погранотряда. Награжден орденами «За военные заслуги», Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени, двумя медалями «За боевые заслуги», медалью «За отличие в охране государственной границы СССР».

ДОЛГ СВОЙ ВЫПОЛНИЛИ!

В 1986 году я завершал обучение в Военной академии им. М.В. Фрунзе и в ходе собеседования с представителями УК ГУПВ КГБ СССР мне было предложено выбрать любую ММГ, дислоцирующуюся на территории ДРА от Хорога до Тахта-Базара. Это предложение было немного неожиданным, так как обычно выпускники академии шли в войска на должность ЗНШ или офицерами штаба пограничного округа. В дальнейшем я узнал, что это была просьба генерал-майора Ивана Михайловича Коробейникова, в то время заместителя начальника войск – начальника ОГ КСАПО с местом дислокации в Душанбе, который обосновал свою просьбу необходимостью приобретения боевого опыта офицерами, окончившими военные академии.

Мой выбор пал на 3-ю ММГ Московского пограничного отряда с местом дислокации в к. Чахи-Аб Тахарской провинции ДРА. Оставшееся время обучения в академии мной было посвящено изучению обстановки в Афганистане, особенно на участке Московского по-

граничного отряда, небольшого (все было засекречено) опыта участия наших подразделений в афганских событиях и беседах со слушателями нашего и других факультетов, имевших боевой опыт участия в боевых действиях на территории Афганистана.

Выпуск, отпуск, и вот я с семьей в поселке Московский. Прилетели на самолете Ан-2 из Душанбе. Се-

мью оставил в аэропорту и пошел в штаб отряда, где доложил начальнику штаба подполковнику А.Н. Палагину о прибытии.

Разместив семью, выдвинулся в ОГ пограничного отряда, где познакомился с офицерами группы и заместителем начальника ОГ подполковником В.С. Паньковым, которые очень тепло встретили выпускника академии и рассказали о

Погранпредставительская встреча с руководством Чахи-Абского улусвольства, начальником отдела МГБ и командиром роты царандоя

положении дел на участке. Несколько дней ушло на обустройство и изучение обстановки.

В связи тем, что руководство пограничного округа и ОГ КСАПО очень серьезно относилось к командированию офицеров в Афганистан, то со всеми выпускниками академий, прибывшими в округ, были организованы сборы. Сначала в управлении округа и в учебном центре Керкинского пограничного отряда. С выпускниками академии имени М.В. Фрунзе, направляемыми начальниками ММГ, еще и дополнительно на территории Республики Афганистан на базе 1-й ОГ и 3-й ММГ в г. Мазари-Шарифе. На сборах, проводимых в УЦ Керкинского пограничного отряда и на базе 1-й ОГ в г. Мазари-Шарифе, остановлюсь подробно.

Занятия, как и положено для военных, начались с выступления начальника разведотдела ОГ КСАПО подполковника Сергея Николаевича Минакова, который порастил нас глубоким знанием обстановки в зоне ответственности оперативной группы КСАПО. Довел до нас, на что надо обратить внимание при проведении работы с местным населением, как работать с заместителями начальника ММГ по разведке.

В связи с тем, что в зоне ответственности мотоманевренных групп активно действовали группы боевиков, которые использовали различные ухищрения для установки мин и фугасов на маршрутах выдвижения наших подразделений, подробно был разобран порядок действий ММГ в условиях минной опасности. Эти занятия блестяще, с присущим ему юмором, с разбором конкретных примеров провел начальник инженерного отдела ОГ КСАПО подполковник Виталий Осипович Полуни.

Разоружение бандгруппы Размамада и ее переход на сторону народной власти

Большое количество занятий провели офицеры отдела боевой подготовки ОГ, особенно толково проводил их подполковник Андреев, с которым подробно были разобраны вопросы боевого охранения ММГ в местах постоянной дислокации, организации боевой подготовки.

Много полезных занятий по вопросам боевых действий спецподразделений на территории ДРА было проведено начальниками ОГ Керкинского и Термезского пограничных отрядов майорами А.И. Роговым и А.Т. Сарсембековым.

Не могу не сказать несколько добрых слов в адрес секретаря парткомиссии ОГ КСАПО майора Н.П. Трояна, который провел много занятий по вопросам партполитработы и роли партии, довел основные указания и решения ЦК КПСС, касающиеся нашего пребывания на территории ДРА.

Полезные занятия были проведены начальником тыла ОГ подполковником Скворцовым и представителями технического обеспечения ОГ. Без тылового и техни-

ческого обеспечения много не навоеешь. Знания быстро пригодились при организации повседневной деятельности подразделений в местах дислокации и при проведении операций.

Старшиной сборов был назначен заместитель начальника ОГ КСАПО полковник В.В. Тулупов, который не только присутствовал на всех занятиях с нами, но и сам участвовал в их организации, доводя до нас самые сложные вопросы повседневной деятельности спецподразделений.

Несмотря на занятость, сложную обстановку в зоне ответственности оперативной группы, принимал личное участие в проведении занятий с начальниками ММГ начальник ОГ КСАПО генерал-майор И.М. Коробейников. Занятия касались самых сложных тем ведения боевых действий спецподразделениями при проведении плановых, частных операций, поисков, засад, разведывательно-поисковых действий, совершения маршей, подготовке боевых приказов и распоряжений.

Переход бандгруппы Размамада на сторону народной власти

Весь комплекс проведенных мероприятий позволил мне, как начальнику ММГ, быстро вписаться в обстановку, правильно планировать служебно-боевую и повседневную деятельность, руководить ММГ в различных условиях обстановки.

По возвращении со сборов я прибыл к начальнику пограничного отряда полковнику А.Т. Чечулину с докладом о готовности убытия в командировку на территорию ДРА. Начальник отряда рассказал о положении дел в спецподразделениях, обратил внимание на необходимость сохранения жизни и здоровья подчиненных при проведении рейдов, засад, разведывательно-поисковых действий и операций. Подчеркнул, что мангруппой я пока не командовал, и ввод в должность будет проводить непосредственно в ММГ совместно со сменяемым начальником мангруппы. Вылет был запланирован на следующий день.

4 октября 1986 года мы приземлились в русле реки на вертолетной площадке 3-й ММГ (к. Чахи-Аб). Нас встретил начальник ММГ

майор Н.Ф. Ефимов, затем мы прошли на место построения личного состава, где я был представлен личному составу мотомангруппы.

Собрали командование мангруппы, командиров подразделений и провели совещание по обстановке и положению дел в ММГ и подразделениях. Сразу хочу признаться, что мне понравились заместители и остальные офицеры. Это был достаточно сплоченный и подготовленный коллектив. Обошли все подразделения, проверили внутренний порядок, организацию службы на постах боевого охранения, оборонительные сооружения, систему огня, дежурные огневые средства.

В эту ночь «инженер» Башир – руководитель ИПА Тахарской провинции и он же главарь бандгруппы Чахи-Абского улусовольства, видимо, узнал о прибытии начальника отряда, и с наступлением темноты со всех господствующих высот начался обстрел места дислокации мотоманевренной группы с использованием стрелкового оружия, зенитных установок и ре-

активных снарядов. Майор Ефимов поднял ММГ по команде «К бою!» и организовал отражение нападения душманов. Я вместе с ним находился на КНП и постигал азы управления боевыми действиями подразделения. Огневые точки бандитов были в основном быстро подавлены огнем минометной батареи, БМП, БТР. В ходе боя выяснилось, что огневые средства ММГ по своим ТТХ (по дальности) не способны достичь огневых позиций реактивных систем (БМ-12) душманов и нанести им поражение. Несмотря на это, нападение было успешно отражено.

Так прошло мое первое боевое крещение.

Этот случай и многие другие обстрелы наших подразделений в ДРА с использованием реактивных снарядов подвигли руководство пограничных войск и КГБ СССР к проработке вопроса о принятии на вооружение пограничных войск реактивных систем.

После приема дел в новой должности начались мои будни как командира подразделения, дислоцирующегося на территории РА.

В первую очередь были сделаны выводы из результатов обстрела ММГ:

- уточнены схема обороны ММГ, карточки огня пограничных застав и отделений, поправлены ходы сообщения, траншеи, огневые позиции для группового оружия;
- оборудованы новые КНП начальника ММГ и командира минометной батареи, начальников застав;
- дооборудованы и открыты новые укрытия для БТР и БМП;
- уточнены схемы наблюдения постов боевого охранения, дежурные огневые средства в дневное и ночное время;

Договорная банда Размамада, в центре – представители ЦК НДПА, улусвольства, майоры С.М. Жилкин и Н.И. Кандаков, кишлак Чахи-Аб, Тахарская провинция

- склады ГСМ и боеприпасов были оборудованы дувалом;
- уточнена и заведена отсутствующая служебная документация ММГ;
- спланированы ежедневные совещания по заслушиванию должностных лиц мангруппы и подразделений;
- проведены технико-строевые смотры подразделений и организованы парко-хозяйственные дни;
- уточнены планы боевой подготовки личного состава и подразделений;
- организовано четкое соблюдение распорядка дня и проведение ежедневного боевого расчета и еженедельные тренировки действий личного состава по сигналам тревог.

Все проведенные мероприятия дали положительный результат, и личный состав подразделения стал увереннее действовать в различных условиях обстановки.

Наряду с повседневной деятельностью совместно с заместителем по разведке капитаном Р. Байду-

ловым и представителем ОВКР майором О. Есиковым была организована и активно проводилась погранпредставительская работа с руководством Чахи-Абского улусвольства, отделом МГБ, командиром царандоя.

Эта работа давала свои положительные результаты. Одним из результатов погранпредставительской

и оперативной работы с местным населением в условиях объявленной в январе 1987 года чрезвычайным пленумом НДПА политики примирения явилась сдача органам народной власти боевиков во главе с бандглаварем Размамадом. Он в дальнейшем активно помогал нам в борьбе с непримиримыми бандформированиями «инженера» Башира в зоне ответственности ММГ.

Но наряду с положительным политикой примирения привела к тому, что во многих районах, особенно прилегающих к Государственной границе СССР (Янги-Калинское улусвольство), активизировались бандрупы Хакони и Кози Кабира. Ими было совершено нападение на заставу афганских пограничников и много других провокационных действий. Командованием было принято решение о проведении операции на острове Даркад. К операции привлекли 1-ю ММГ (к. Янги-Кала), 3-ю ММГ (к. Чахи-Аб), Московскую, Пянджскую и Термезскую ДШМГ. Задача была выполнена, и остров Даркад был очищен от бандитов.

Майор С.М. Жилкин – старший бронегруппы на БТРе при проводке транспортной колонны

Особенно напряженными в плане участия в разведывательно-поисковых действиях, плановых и внеплановых операциях, проводке колонн с целью завоза материальных средств в спецподразделения на летний период выдались февраль–март 1987 года. Почему колонны для завоза материальных средств планировались в этот период? Да потому, что вода в реке Пяндж была не очень большой (таяние снега в горах еще активно не происходило), и это позволяло автомобильной технике в брод переправляться через реку, а уже с апреля по ноябрь это сделать практически было невозможно. Тогда доставка материальных средств шла через порт Шерхан на участке Пянджского пограничного отряда и сопряжена была с большим привлечением сил и средств для боевого обеспечения проводки колонн (сплошная «зеленка», минирование основных маршрутов, засады и т.д.).

В середине февраля 1987 года была получена информация о появлении в районе кишлака Кальтут бандгрупп Хакони и Кози Кабира,

Вертолет, сбитый при блокировании к. Альчин во время высадки ДШМГ (операция «Возмездие»), участок Имам-Сахибской зоны напротив 48-го погранотряда (п. Пяндж)

которые были не до конца уничтожены на острове Даркад, и готовящейся ими провокации на советской территории (участок 5, 6, 7-й застав Московского пограничного отряда). Оперативной группой КСАПО была спланирована операция по очистке приграничной территории и кишлака Кальтут от бандгрупп и их уничтожению.

Операция началась 25 февраля 1987 года с высадки ДШМГ Мос-

ковского и Пянджского пограничных отрядов и блокирования кишлака силами 3-й и 1-й мотоманевренных групп. Операция продолжалась с 25 февраля по 3 марта. В операции весь личный состав проявил образцы мужества и героизма. Бандиты неоднократно предпринимали попытки прорваться из блокированного района. Особенно напряженной была ночь 26 февраля, когда боевиками было предпринято более 4 попыток вырваться из блокированного района. Было уничтожено большое количество бандитов, захвачено оружие и боеприпасы. Увы, не обошлось без потерь среди личного состава мангруппы. Примерно в 23.30 бандитами была предпринята очередная попытка вырваться из блокированного района. В результате разрыва гранаты получил ранение рядовой Якунин, были контужены сержант Варенцов и рядовой Баженов. В это же время при отражении атаки прорывавшихся из блока бандитов героически погиб военнослужащий ДШМГ Московского погранотряда С.И. Савран.

Минуты отдыха, занятие спортом. 3-я ММГ, к. Чахи-Аб Тахарской провинции

Утром 27 февраля раненые и контуженные были отправлены вертолетом в ПМП пограничного отряда.

При поддержке и прикрытии огнем БТР, БМП и минометов сарбозы (афганские военнослужащие) 27, 28 февраля и 1 марта проводили прочесывание местности, зачистку кишлака и завершили в основном разгром бандгрупп. Надо отдать должное бандитам, которые очень умело использовали кяризы, арыки для создания тайников, схронов с оружием и боеприпасами. А сами притворялись местными жителями.

В течение 2–3 марта личный состав мангруппы осуществлял прикрытие, снятие и переброску десанта Московского и Пянджского погранотрядов на новые рубежи блокирования, оказывал помощь афганским военнослужащим в оборудовании огневых позиций, строительстве инженерных сооружений и заграждений для выставления нового поста царандоя на западной окраине кишлака Кальтут.

Утром 4 марта получил задачу выйти в район переправы участок 7-й пограничной заставы Московского пограничного отряда, встретить колонну тыла и провести ее до места дислокации 1-й ММГ (к. Янги-Кала). Затем частью сил занять рубеж блокирования для обеспечения прохождения колонны, а другой частью сил совместно с 1-й ММГ с 7.00 5 марта начать проводку колонн по маршруту Янги-Кала – Рустак (2-я ММГ) – Тути (4-я ММГ). В ходе выдвижения произошел подрыв бронетранспортера начальника 1-й ММГ подполковника Дьячука, который двигался за моим бронетранспортером.

В это же время с окрестных гор начался обстрел колонны. Благодаря решительным и умелым действиям экипажей БТР и БМП, а

также ударам с вертолетов огневые точки были подавлены.

К вечеру прибыли в гарнизон 2-й ММГ (к. Рустак). Задачу дня не выполнили, потому что инженерно-саперными группами в ходе марша было обнаружено и уничтожено несколько фугасов. Организовали отдых личного состава и обслуживание техники.

С утра 6 марта начали выдвижение в сторону гарнизона «Тути» (4-я ММГ), но так как маршрут пролегал по ущелью, которое было сплошь напичкано минами и фугасами, двигались с максимальными мерами инженерной разведки. В ходе выдвижения группой разминирования во главе с подполковником В.О. Полуниным было обнаружено и накладными зарядами уничтожено несколько фугасов и противотанковых мин. До гарнизона «Тути» мы не дошли, заняли рубеж прикрытия и организовали оборону.

Ночь с 6 на 7 марта прошла спокойно, колонна дошла до гарнизона «Тути», разгрузилась и утром 8 марта стала выдвигаться по об-

ратному маршруту, ну а мы, соответственно, ее прикрывать. К вечеру 8 марта достигли гарнизона «Рустак», где узнали, что бандитами с использованием реактивных снарядов, безоткатных орудий и минометов был обстрелян Пяндж и пограничный отряд.

Получил задачу в рамках операции «Возмездие» совершить марш по маршруту: Тути – Рустак – Бешкапа – Янги-Кала – Артходжа – Ходжагар – Нанабад – Альчин, совместно с Термезской ДШМГ блокировать бандгруппу Латифа в районе к. Альчин. Протяженность маршрута составляла более 300 км по дорогам Афганистана в условиях постоянной угрозы засад и минной опасности. Мною были отданы распоряжения по закрытой сети начальнику штаба ММГ майору Н.И. Кандакову о подготовке дополнительно техники, личного состава, запасов боеприпасов и других материальных средств, прежде всего продовольствия и ГСМ, и выдвижении их на перекресток в районе кишлака Бешкапа для встречи колонны.

Вручение награды майору С.М. Жилкину. Вручает полковник В.И. Земцов, рядом – подполковник В.Я. Дмитренко. 1-я ОГ, г. Мазари-Шариф, провинция Балх ДРА

В целом марш проходил относительно спокойно. К исходу 9 марта мы подошли к кишлаку Артходжа (стык Пянджского и Московского отрядов), где сделали привал в городке российских специалистов. С утра 10 марта начали выдвижение в составе колонны за афганским полком, так как маршрут проходил через «зеленку» Имам-Сахибской зоны в очень сложных условиях минной опасности. Для усиления мне был придан офицер инженерного отдела отряда капитан М. Зенкин, который и возглавлял группу инженерной разведки.

С началом нашего выдвижения началась высадка Термезской ДШМГ на рубеж блокирования восточной окраины кишлака Альчин и других ДШМГ на свои рубежи. Одновременно начала выдвижение на свои рубежи блокирования ММГ Пянджского пограничного отряда. В ходе выдвижения шел радиообмен с начальником Имам-Сахибской ММГ подполковником В.П. Абоимовым, который уже вел бой с бандгруппой на своем направлении.

В ходе марша, при подходе к рубежу блокирования, несмотря на принимаемые меры инженерной разведкой, в 15.40 БТР № 725 со старшим группы разминирования капитаном Зенкиным подрывается на противотанковой mine. Семь военнослужащих инженерно-саперного взвода были контужены. Им была оказана первая медицинская помощь фельдшером прапорщиком А. Кучеровым, затем они были эвакуированы в ПМП пограничного отряда.

К 16.30, развернувшись в боевой порядок, мангруппа заняла рубеж блокирования и приступила к выполнению поставленной задачи. Бандиты неоднократно пытались вырваться из блокированного района, но эти попытки результатов не дали. В ходе проведения операции бандиты потеряли около 150 человек убитыми, около 40 моджахедов попали в плен, было захвачено более 120 единиц различного оружия, большое количество боеприпасов.

Были и потери с нашей стороны. Особенно досталось военнослу-

жащим ДШМГ, среди которых были погибшие и раненые. Потери понесла и авиация. Один из вертолетов был сбит в районе рубежа блокирования.

Операция завершилась 14 марта и мы, совершив марш без дальнейших потерь, вернулись в расположение гарнизона. Сразу же приступили к восстановлению боевой способности подразделения. На это ушло совсем немного времени. Затем снова операции, боевые рейды, засады в зоне ответственности, проводки колонн для завоза материальных средств, создания запасов для действий подразделений в летний период.

Вот конкретные примеры: с 19.03 по 29.03 – проводка колонны в кишлак Тути, прикрытие перевала Девери-Танг; 5–8 апреля – боевые стрельбы, строевой смотр техники, подготовка к выходу на операцию; 9 апреля – вылет на партактив в управление отряда; с 10 по 14 апреля – участие в операции по блокированию кишлака Кудук (бандгруппы Нур Али и Мир Ахмада); с 20 по 24 апреля – проводка колонны на кишлак Рустак и блокирование кишлака Чагак; 26 апреля – выход в боевой рейд в кишлак Кальтук; 29 апреля – оперативная работа в кишлаке Чахи-Аб; с 30 апреля по 3 мая – блокирование кишлака Бешкапа с целью прикрыть государственную границу и не допустить выхода бандгрупп в направлении кишлаков Байява – Лапазбег и т.д.

Несмотря на напряженные боевые будни, мы находили время для занятия спортом. Играли в футбол, волейбол... Правда на время занятий спортом выставляли усиленные посты и назначали дополнительные огневые средства, дабы исключить возможность обстрела района расположения подразделения.

В июле 1987 года на базе учебно-го центра Термезского пограничного отряда были проведены сборы с начальниками ОГ, ММГ и минометных батарей. На сборах было доведено, что командованием Пограничных войск и руководством КГБ СССР принято решение о введении в штат минометных батарей мотоманевренных групп взводов РСЗО. В проведении сборов принял участие начальник артиллерии ГУПВ полковник Кулаков и старший офицер отдела боевой подготовки ГУПВ майор Глонтый. В ходе сборов нами были изучены ТТХ РСЗО «Град», доведен порядок боевого применения и другие вопросы.

После сборов в период 15 по 20 июля 1987 года был проведен комплекс различных мероприятий по обеспечению безопасной доставки боевых машин «Град» в мотоманевренные группы. Поступление в подразделения этих боевых машин сразу в корне изменило обстановку вокруг наших подразделений. Бандгруппам уже было невозможно безнаказанно обстреливать наши гарнизоны с использованием реактивных снарядов.

Майор С.М. Жилкин, майор В. Спириденко, полковник Кулаков, майор Ю.А. Глonti, майор А.Т. Сарсембеков на сборах при получении РСЗО «Град»

Кроме гарнизона «Чахи-Аб» за мной, как начальником ММГ, был закреплен гарнизон «Хоун». Там дислоцировалась пограничная застава, которая входила в штат 3-й ММГ. Руководить заставой у меня не было практически никакой возможности. Гарнизон дислоцировался в провинции Бадахшан на расстоянии более 150 км. Но хлопот и проблем данный гарнизон давал очень много. Мне единственный раз за период руководства

мангруппой с 22 по 27 июля удалось отработать в данном подразделении по оказанию практической помощи и участию в проведении партийного собрания. В ходе работы в подразделении была оказана помощь в наведении уставного порядка, проведена смена командования.

С 12 по 15 августа руководил НДПЗ (нештатная десантная пограничная застава) по высадке и блокированию кишлака Кучи с целью захвата каравана «инженера» Башира. Незабываемые впечатления по десантированию с вертолета с полной боевой выкладкой. Поставленные задачи были выполнены. В результате были захвачены в плен 5 бандитов. По возвращении в гарнизон «Чахи-Аб» мне была вручена моя первая боевая награда – медаль «За боевые заслуги».

В последующем будут еще боевые награды, но эта первая и самая дорогая. Награжден ею я был за руководство подразделением в ходе боевых действий на острове Даркад и в районе кишлака Кальтут.

Слева – майор С.М. Жилкин, справа – капитан И.А. Чурсин

До конца августа продолжал руководить подразделением и участвовать в различных видах боевых действий. В начале сентября получил приказ сдать должность вновь назначенному выпускнику академии имени М.В. Фрунзе майору В. Лысову, а самому убыть в Термезский пограничный отряд на должность начальника 1-й ОГ с местом дислокации в Мазари-Шарифе (центр провинции Балх).

Личный состав мангруппы очень тепло меня провожал к новому месту, устроил такой фейерверк, что, когда я сел в вертолет, летчики сказали, что первый раз видят такие проводы командира. «Твои бойцы своим салютом чуть не сбили наш вертолет».

Прибыв в отряд, доложил командиру, который тоже убывал к новому месту службы – в Академию Генерального штаба, получил предписание, собрал вещи, погрузил на автомашину Душанбинского автобатальона и выдвинулся в Термез, куда прибыл 8 сентября 1987 года. Через пару дней прибыла супруга Надежда Евгеньевна с детьми.

Подполковник С.М. Жилкин и советники МГБ, МВД, царандоя, пограничной службы провинции Балх, г. Мазари-Шариф, ДРА

В пограничном отряде встретил своего однокашника по училищу майора А.Т. Сарсембекова, который руководил ОГ в отряде и тоже получил назначение на новую должность – начальника отряда – и ждал меня для передачи дел и должности. Он ввел меня в обстановку и представил начальнику

пограничного отряда подполковнику В.Я. Дмитренко.

Так началась моя служба в должности заместителя начальника пограничного отряда – начальника оперативной группы. С первых дней пришлось быстро вращаться в обстановку, так как необходимо было планировать действия спецподразделений с позиции ОГ отряда, ставить задачи, контролировать выполнение и решать еще кучу других вопросов, особенно по материально-техническому обеспечению. Большую помощь в быстром освоении возложенных обязанностей оказал подполковник Ю. Авдеев – заместитель начальника ОГ отряда, а до этого начальник ММГ, подполковник А. Грищенко – старший офицер ОГ и другие офицеры.

Одновременно с руководством боевыми действиями спецподразделений в этот период шла организация охраны границы на осенне-зимний период как в подразделениях границы, так и в спецподразделениях на сопредельной территории.

Подполковник С.М. Жилкин и советники МГБ, МВД, царандоя, пограничной службы провинции Балх, г. Мазари-Шариф, ДРА

Меня назначили старшим организовывать охрану границы в 1-й ММГ (к. Мармоль), 3-й ММГ (г. Мазари-Шариф) и на пограничной заставе (г. Хайратон), которая прикрывала мост через реку Аму-Дарья. С поставленной задачей группа справилась, охрана границы и взаимодействие всех сил и средств было организовано в установленные сроки.

Сказать, что обстановка была напряженная, значит не сказать ничего. Она была сверхнапряженная. Заставы ММГ не вылезали из засад, боевых рейдов по прикрытие государственной границы, это было связано с сохранением угрозы обстрела советской территории. Особенно тревожились допустить обстрел города Термеза (центр Сурхандарьинской области). Бандиты знали, что мы опасаемся повторения пянджских событий, и постоянно нагнетали обстановку через свою агентуру. С целью недопущения обстрела Термеза, на подступах к городу в центре пустыни на сопредельной

территории был выставлен гарнизон 4-й ММГ (к. Бариа-Баф). Задача – надежно прикрыть Термез путем выставления засад, высылкой укрупненных нарядов, проведением разведывательно-поисковых действий, ведением беспокоящего огня по наиболее опасным районам, прилегающим к госгранице.

Подступы к линии границы на основных, наиболее опасных направлениях, были прикрыты РСК «Реалия У». Кроме того, эти комплексы были завязаны на артиллерию отряда и ММГ. При сработке датчиков комплекса туда наносилась огневая удар минометных подразделений и РСЗО. На Аму-Дарье были развернуты бронекатера и корабли, вооруженные реактивными системами от Термезской ОБСКР, которые тоже были завязаны в единую систему огневого поражения. Дополнительно для прикрытия города и порта Хайратон был привлечен усиленный МСБ 201-й мсд, с которым было организовано тесное взаимо-

действие. По командам пограничников артиллерийский дивизион, который был придан батальону, тоже наносил огневое поражение. Самым сложным оказалось организовать взаимодействие разносторонних сил и средств, чтобы он действовал как единый механизм. Но и с этой задачей удалось справиться. Обстрелов Термеза и населенных пунктов на нашей территории допущено не было.

В первой декаде ноября в отряд прибыл начальник ОГ майор Е.А. Потехин из Тахта-Базарского погранотряда, где тоже командовал ММГ. Я сдал ему дела и 14 ноября 1987 года убыл к своему месту службы в Мазари-Шариф, где на базе 3-й ММГ располагалась 1-я ОГ. Там меня встретили начальник 3-й ММГ майор М.А. Борисов, заместитель начальника ОГ В.Р. Авликулиев, которые ввели меня в обстановку в зоне ответственности оперативной группы.

Валерий Равшанович Авликулиев в первую очередь познакомил меня со старшим советником начальника отдела пограничной службы подполковником Н.Б. Земцовым, старшим советником начальника разведки ОПС подполковником Н.И. Кашариным, а затем представил старшему советнику МГБ Балхской провинции полковнику Г.В. Неверову. Он был руководителем ОГ Представительства КГБ СССР в провинции Балх и одновременно старшим всей зоны «Север». Советнический аппарат располагался в здании техникума. Там же познакомился и в дальнейшем плодотворно работал с представителями МВД СССР, советниками царандоя полковником А.И. Карабаном, А.В. Золотовым, Е.А. Разьдобудько, с представителем ГРУ ГШ Г.Н. Рыжовым и многими другими.

Группа офицеров ГУПВ и КСАПО перед выводом войск. 1-я ОГ – г. Мазари-Шариф, провинция Балх. На переднем плане – подполковник В.Я. Дмитренко, генерал-майор И.М. Коробейников, полковник В.В. Богловский

Прощание с группой разведки и разминирования 1-й ММГ в гарнизоне 81-го Термезского погранотряда

Вскоре я был представлен старшему партийному советнику Е.А. Завьялову, который оказался моим земляком и секретарем Владимирского обкома партии. Мы с ним очень подружились. Можно сказать, что началась немного другая жизнь. Больше времени уделялось оперативной работе и работе с представителями взаимодействующих структур, взаимному обмену информацией об обстановке и положении дел в зоне «Север». Постоянно участвовали в оперативных совещаниях советников МГБ зоны «Север», где докладывали свой блок вопросов по обстановке и положению дел на границе и вокруг наших подразделений. Постоянно присутствовали на Совете обороны провинции Балх, где решались основные вопросы по планированию операций афганскими силовыми структурами, где ставили дополнительные задачи по обеспечению безопасности и прикрытию Государственной границы СССР.

Кроме вышеназванной работы приходилось организовывать и возглавлять проводку колонн, организацию засад и разведывательно-поисковых действий на шортепинском, кальдарском, калайзальском и других направлениях, участвовать в прикрытии первого этапа вывода войск 40-й армии из Афганистана. Задачу по обеспечению прикрытия вывода войск армии из Афганистана в зоне своей ответственности выполнили, обеспечили беспрепятственное продвижение колонн до Хайратона.

Моя работа в Московском и Термезском пограничных отрядах не осталась незамеченной командованием отряда, ОГ КСАПО и округом. Я был награжден второй медалью «За боевые заслуги», которую мне вручал заместитель начальника войск КСАПО полковник В.И. Земцов.

Основное внимание уделялось прикрытию Государственной границы СССР. Этим в основном занимались 2, 3 и 4-я ММГ, а 1-я

ММГ, которая дислоцировалась в Мармольском ущелье, прикрывала подступы к 3-й и 2-й ММГ. Она не давала возможности бандам Забибулло с использованием пушковых установок БМ-12 обстреливать места дислокации наших мотоманевренных групп. 1-я ММГ дислоцировалась на нескольких площадках или маленьких гарнизонах (управление ММГ, 1 пл., 10 пл., 7 пл., Северный вход, отм. 1534 и одна застава прикрывала Хайратонский мост). Она была наиболее уязвима с точки зрения безопасности, особенно при проводке колонн с запасами материальных средств на площадки. Там сложилась тяжелая обстановка. Она была связана с постоянным минированием основных маршрутов передвижения наших подразделений. Колонны с материальными средствами доходили до Северного входа и управления ММГ, а далее силами мангруппы осуществлялась доставка до остальных площадок. Центральное место занимала пл. 1534, и чтобы ее обеспечивать, колонны тыла выдвигались с инженерной разведкой.

Общая информация о том, что Мармольская бандгруппа готовится совершить нападение на нашу колонну при проводке на пл. 1534, была, но конкретных данных, когда это произойдет, не было. И вот 13 мая 1988 года (черная пятница) группа разведки разминирования 1-й ММГ попала в засаду. В ходе боя мы потеряли 6 военнослужащих. Самое тревожное, что начинался первый этап вывода войск, и все понимали, что мы скоро уйдем из Афганистана. Это невосполнимая потеря, которая огорчила весь личный состав пограничного отряда.

Конечно, за гибель наших товарищей бандиты получили сполна

Прохождение торжественным маршем 1-й ММГ 81-го Термезского погранотряда

(было уничтожено 20 бандитов, 11 человек было взято в плен), но кто вернет жизнь молодым людям, полным энергии и сил?

Решение о выводе войск руководством страны было принято, и с сентября 1988 года началась активная подготовка пограничных подразделений к выводу. С этой целью с 28 по 30 сентября 1988 года были проведены КШУ с органами управления пограничных отрядов, ОГ и ММГ. В ходе учений на основе реально складывающейся обстановки были отработаны все возможные варианты действий спецподразделений при выводе и занятии рубежей прикрытия вдоль Государственной границы СССР. Как в дальнейшем показала жизнь, замысел учений полностью подтвердился, за исключением каких-то мелочей. В ходе учений инженерно-саперными подразделениями было начато оборудование районов обороны ММГ и места их дислокации на советской территории. Эта работа продолжалась до самого вывода войск. Кроме того, каждый начальник ММГ знал

маршрут движения, место дислокации и свои рубежи охраны и обороны на советской территории (1-я ММГ – хайратонское, 2-я ММГ – айваджское, 3-я ММГ – гагаринское, 4-я ММГ – термезское направления).

Для проведения рекогносцировки и отработки вопросов взаимодействия при выводе подразделе-

Подполковники С.М. Жилкин и В.И. Артамонов. 15 февраля 1989 года в 16.00 на фоне Хайратонского моста на территории СССР

ний в ОГ (г. Мазари-Шариф) постоянно работали представители округа и ГУПВ. Накануне вывода ОГ посетил начальник Пограничных войск КГБ СССР генерал армии В.А. Матросов. Начальник войск заслушал меня об обстановке и порядке вывода 1-й ММГ из Мармольского ущелья. Почему-то он был сильно озабочен возможными провокациями против этой мангруппы и детально уточнял у меня вопросы обстановки, взаимодействия и мое решение по обеспечению вывода этого подразделения. Кроме него в ОГ работала группа офицеров КСАПО во главе с начальником войск округа генерал-майором И.М. Коробейниковым.

Наверное, у генерала армии Матросова было какое-то предвидение, да и обстановку он знал более масштабно. Но, надо сказать, что Мармольскую мотомангруппу мы начали выводить накануне основного вывода спецподразделений из Афганистана, так как она по плану должна была занять оборону на хайратонском направлении, прикрыть мост и обеспечить

вывод войск 40-й армии и наших подразделений. Вывод Мармольской мангруппы из ущелья и с площадок прошел без сучка и задоринки.

Мы получили задачу обеспечить вывод частей и соединений 40-й армии, передать военные городки афганским пограничникам, совершить марш, сосредоточиться на подступах к Хайратону и после завершения выхода последних военнослужащих 40-й армии совершить марш и выйти на советскую территорию.

Утром 15 февраля 1989 года, построив колонну 3-й ММГ, начал совершать марш по маршруту Мазари-Шариф – Хайратон. На подступах к Хайратону мы соедини-

лись с колонной 2-й ММГ (г. Ташкуртан) и 4-й ММГ (к. Бари-Абаф). Но, как потом узнали, решение о выводе наших подразделений на данном направлении до конца принято не было. Я несколько раз получал команду по радиосвязи занять гарнизон тяжелых машин в Хайратоне. Затем последовала команда передать афганцам этот гарнизон. Только в 16.00 15 февраля получил задачу начать вывод.

Естественно, после выхода Б.В. Громова все торжественные мероприятия на нашем берегу уже закончились, уважаемые гости разъехались, остались только наши семьи, командование пограничного отряда и ОГ. Несмотря на это, нашей радости не было преде-

ла. Наконец-то мы смогли увидеть своих жен, детей, самых близких нам людей. На память о завершении вывода я сфотографировался на фоне Хайратонского моста с начальником 2-й ОГ подполковником В.И. Артамоновым, с которым в дальнейшем мы продолжили службу в КСАПО, а затем в Западном региональном управлении.

В этот день мне не удалось попасть домой. После короткой передышки мы выдвинулись в районы предназначения. Началась новая жизнь по прикрытию государственной границы, но уже с советской территории. Вот так и завершилась моя эпопея по выполнению интернационального долга на территории Республики Афганистан.

Выход из ДРА колонны 2, 3, 4-й ММГ 81-го Термезского погранотряда по Хайратонскому мосту 15 февраля 1989 года в 16.00

Перепета Петр Петрович (р. 16.08.1954), заместитель начальника управления «В» Антитеррористического центра ФСБ России, полковник, почетный сотрудник контрразведки ФСБ России. Участник боевых действий в Республике Афганистан в 1985–1989 гг. – офицер 1-го отдела штаба КСАПО, заместитель начальника оперативной группы Пянджского погранотряда, начальник штаба Тахта-Базарского погранотряда. Награжден орденами Мужества, Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За отличие в охране государственной границы СССР».

Семь памятных эпизодов

Эпизод 1.

Апрель 1988 года. Афганистан

Апрель в Афганистане в нашем понимании – это не весна, а лето: все уже расцвело, все складки местности покрыты сплошной «зеленкой». Это естественное и достаточно эффективное средство маскировки, которым пользуется противник. В таких условиях даже при незначительных усилиях можно легко замаскировать большую группировку.

В апреле 1988 года в Афганистане проходил этап примирения. Сегодня эту политическую акцию можно оценить, наверное, как авантюру. На самом деле все «примирение» фактически сводилось к тому, что мы не имели права открывать огонь, за исключением случаев, когда это было просто необходимо. Каждый раз приходилось ждать, когда по нам стрелянут, а то и начнут убивать – только тогда мы имели право открыть ответный огонь.

И вот в это время я с бронегруппой в 15 единиц бронетехники (БТРы, БМП, командно-штабная машина, на которой впереди я сам

и находился) двигался по маршруту Имам-Сахиб – Маллакули – «Флейта» – Нанабад. В Имам-Сахибе – наш гарнизон, мотоманевренная группа. На «Флейте» располагался наш опорный пункт с огневой позицией установки «Град». В Нанабаде находилась наша мотоманевренная группа. Когда мы выдвигались на этот маршрут, я уже знал, что против моей бронегруппы арабами-на-

емниками («длинноволосыми», как мы их называли) устроена засада. Об этом предупредила разведка. Наиль Селиванов – начальник разведотдела и мой однокурсник по училищу ориентировал: «Петрович, смотри, там до сотни боевиков». Ту же цифру потом назвал и Александр Зорин, заместитель Селиванова и тоже мой однокурсник. Вертолетчики, провозая меня, говорили: «Петрович, мы в

Майор П.П. Перепета выдвигается на Маллакули. Рядом на броне переводчик – офицер царандоя Абдул Саид

Майор П.П. Перепада на броне отправился на поиски автомата

готовности». Все наши точки на связи тоже отметили свою готовность. Но официально я не имел права давать команду на открытие огня в связи с «акцией примирения».

Мое место – на командно-штабной машине – БТРе «Чайка». Сажу на броне, зная, что иду на засаду, нервно покуриваю сигареты, которые как раз прислала жена. Что представлял собой кишлак Маллакули? Справа, по ходу движения, – дамба, покрытая зеленью, и мельница. Слева – поля, ровная местность, метров за четырехста, арычные системы и сплошная зелень. К тому времени я уже десятки раз проходил по этому маршруту, хорошо знал его.

Когда мы поравнялись с Маллакули и колонна полностью втянулась по дороге в этот кишлак, справа по нам начался шквальный огонь. Я развернул боевой порядок и вступил в бой. Укрыл командно-штабную машину за толстым глиняным дувалом и обратил внимание, что по дувалу щелкают пули как раз с моей стороны.

Сначала подумал, что насквозь простреливаются глиняные стены дувала, а потом сообразил, что прицельно по мне шли одиночные выстрелы со стороны поля. Танковый шлем с ларингофонами на моей голове пуля задела по касательной, «чиркнуло» несколько раз по броне.

Я руководил боем, вызвал огонь «Града» по высоте, с которой нас обстреливали. Поступает доклад старшего машины БМП, что у него раненый – младший сержант Али Алиев (уроженец села Анди Ботлихского района Дагестана). Даю команду готовить его к эвакуации. Раненого погрузили в БМП, и его группа под нашим прикрытием ушла дальше в направлении «Флейты» (это еще километра 3–4 до нашего базового гарнизона). Тут авиационная группа нанесла серьезный удар по арабам неуправляемыми ракетными снарядами. Минут через 50, когда уже начал стихать огонь по нам, я вывел бронегруппу в направлении «Флейты». Тут вдогонку из безоткатки прилетел снаряд и взорвался

метрах в трех от моей «Чайки». Меня оглушило. Приходил в себя несколько минут. Снял шлемофон, и связист дублировал мои команды по радиосвязи. Когда прибыли на «Флейту», подлетел санитарный вертолет, забрал Алиева. К сожалению, пуля попала в жизненно важный орган, кровотечение было сильнее, и нашего Али не смогли спасти. Я до настоящего времени поддерживаю связь с его родственниками.

По прибытии на «Флейту» старший экипажа БМП, прапорщик, фамилию которого я, к сожалению, не помню, сбивчиво докладывает: «...автомат, БМП...». Я сначала не понял, о чем он говорит, думал речь идет об автомате заряжания БМП. Оказалось, что, пока Алиева укладывали в БМП, его автомат положили на броню. Машина тронулась, автомат упал на дорогу. Естественно, я дал команду доложить об этой ситуации в оперативную группу – потерялся автомат в ходе боя. И тут поступает команда от полковника В.Г. Тулупова – замруководителя оперативной группы «Душанбе»: найти автомат. Я сначала не понял. Сам вышел на связь, и он ставит мне задачу – выдвинуться в район боя и найти автомат. От такого «оригинального» приказа на меня нашло какое-то странное равнодушие к своей собственной судьбе. Стало все, как иногда принято говорить, «по барабану», любой страх вообще пропал. Я оставил командно-штабную машину, взял шесть бронеединиц (БТР, БМП) и одного афганца в качестве переводчика. Выдвинулся в район Маллакули.

Подъезжаю (после боя прошло часа два), а там уже старики собирают тела погибших. Когда я спросил, сколько убитых, они покачали головой и сказали «много, но это

не наши», жестами показав длинные волосы арабских наемников. В общей сложности мы уложили тогда порядка 60 человек. В какой-то степени к этому времени я уже овладел тюркской группой языков и мог изъясняться на узбекском, туркменском. Но на фарси не говорил и не понимал это наречие. До сих пор не могу понять, как это получилось, но когда мы подъехали к афганцам из кишлака, я к собственному удивлению начал говорить на чистом фарси. Переводчик-афганец на меня смотрит и говорит: «Командор Пируз, фарси фамиде?» («вы говорите на фарси?»). Старики тоже были впечатлены. Один из них послал за каким-то мальчишкой.

Прибежал босой, неряшливо одетый подросток. Я его спрашиваю про автомат, он кивает головой и показывает в сторону арыков. Я развернул бронетехнику в линию и еду к арычной системе, как раз туда, откуда стреляли. Подъезжаем – арык, камыши, и из камышей мальчишка вытаскивает автомат и подсумок с магазинами. Тот самый, который потеряли в суматохе боя. Я мальчишку посадил на БТР, еду и думаю, чем отблагодарить. Он у кишлака соскочил с БТРа, убежал и через пару минут принес мне полный мешок мандаринов. А я из петлицы вытащил общеармейскую эмблему и отдал подростку. Он зажал ее в кулаке, и было трудно описать его взгляд – немножко испуганный, но, безусловно, восхищенный.

Вернулся на «Флейту», за мной прислали вертолет, и я вылетел в Пяндж. Когда я утром пришел в управление, мою операцию называли образцовой, особо подчеркивая, что мы действовали в соответствии с приказом и не открывали огня первыми.

Эпизод 2. Лето 1988 года

Принято политическое решение о выводе советских войск из Афганистана. Первый этап вывода – август 1988 года: уходят части и соединения 40-й армии. Из нашей зоны ответственности к выводу готовилась мотострелковая дивизия в Кундузе и Кундузской провинции. Ее подразделения располагались в Ханабаде, Альчинском мосту, ну и непосредственно в самом Кундузе, порт Шерхан.

Было принято решение, что армейские части уходят, а наш гарнизон в Талукане остается. Мы реально понимали, что после вывода армейцев не сможем туда проводить колонны для обеспечения нашего гарнизона. Поэтому в июле 1988 года я провел туда колонну в 120 машин с имуществом: боеприпасы, ГСМ, продовольствие – все для обеспечения жизнедеятельности мотомангруппы, полевой оперативной группы, которая по плану должна была оставаться до февраля 1989 года.

Руководство округа – Иван Михайлович Коробейников и Анатолий Нестерович Мартовицкий – договариваются с командованием ТуркВО и командованием 40-й армии, что с учетом общей обстановки нас усилят танковой ротой Кундузской дивизии и взводом самоходных артиллерийских установок. Это солидная поддержка и усиление. Подразделения передислоцируются в Талукан на территорию нашего гарнизона.

Но где-то наверху (очевидно, в Москве) не смогли согласовать вопрос о передаче нам на усиление танковой роты и взвода САУ. И в начале августа 1988 года командир дивизии генерал Рузляев нас оповещает, что готовит операцию по выводу танковой роты и взвода САУ из Талукана, добавляя: «Мне команда о передаче вам танковой роты и взвода САУ не поступала». Армейские командиры рекомендуют нам тоже выводить мотомангруппу, но, естественно, без приказа из Москвы никто такое решение принять не может. Командир

Майор П.П. Перепада на броне в ожидании технического замыкания от Кундузской дивизии

Организация выгрузки техники с баржи

дивизии докладывает, что готов выделить сто машин – «УРАЛов» для вывоза имущества мотомангруппы. Из Москвы поступает команда – выводить ММГ. На трех БТРах, взятых с нашего гарнизона «Шерхан», мы с Виталием Викторовичем Седых мчимся по блоку, выставленному армейцами, в Талукан. 60 км мы проехали часа за полтора – это достаточно быстро. В блок армейцев входили артиллерийские установки, которые стреляли беспокоящим огнем по гограм, по «зеленке».

Буквально за два часа гарнизон загрузил имущество в выделенные «УРАЛы», мы построили колонну и начали движение в сторону Кундуза. На вооружении Талуканской мотомангруппы находился мостоукладчик на базе танка Т-60. Его редко заводили и даже не было механика-водителя на эту технику. Но надо выводить – за руль сел механик-водитель БМП, мастер на все руки. Построили колонну, начали движение. В районе Ханабада (а это как раз самая противная зона – открытая мест-

ность, вотчина полевого командира «инженера» Башира) мостоукладчик заглох. А в колонне, да и вообще на вооружении пограничных войск нет техники, которая могла бы буксировать тяжелый мостоукладчик.

Виталий Викторович спрашивает: «Петя, что делать будем?» Я отвечаю: «Вы двигайте колонну, выводите группу, а я останусь здесь и дождусь технического замыкания дивизии, они нас эвакуируют». Виталий Викторович с Александром Полянским, начальником полевой оперативной группы, повели мотомангруппу на Кундуз, а я остался с тремя БТРами, мостоукладчиком и двумя танками, которые стояли рядом в армейском блоке.

Колонна прошла, танки завелись и ушли, а мы все ждем. Наступают сумерки, по нам начинают постреливать местные бандгруппы. Мы, естественно, стреляем в ответ. Беспокоящий эфир – меня постоянно вызывают по радиостанции, я отвечаю, но меня не слышат.

Наконец подходит группа технического замыкания дивизии. Я сижу на БТРе рядом с мостоукладчиком. Ко мне подбегает грозный полковник, заместитель командира дивизии по технической части, фамилию его, к сожалению, не помню: «Так, снимайте пулемет и радиостанцию с мостоукладчика, а сам мостоукладчик в кювет!»

Как бы не так – не этого же мы прождали целый день! Я, не поднимаясь с брони, говорю: «Товарищ полковник, это имущество Комитета государственной безопасности, и вы обязаны его эвакуировать!» Нужно было видеть лицо полковника и его полное недоумение. Он молча развернулся и дал команду тягачам прикрепить буксиры и начать движение. Естественно, с такой тягой мы не могли быстро двигаться.

И все же довели мы этот мостоукладчик до порта Шерхан. Армейский лейтенант, управляя тягачом, умудрился его затащить на баржу – а это филигранная работа. По прибытии на нашу территорию мостоукладчик с помощью системы тросов был сдернут с баржи, взлетел как птичка и приземлился на советскую землю – только мостик у баржи немножко помяли.

Но самое интересное в том, что когда я уезжал к новому месту службы в июле 1989 года, этот мостоукладчик так и стоял на берегу реки Пяндж на нашей стороне...

Эпизод 3.

Август 1998 года

По соответствующим приказам и договоренностям с руководством Афганистана армейские части при уходе оставляли: технику, вооружение, гарнизонные оборудование и помещения. В долине реки Ханабад находился гарнизон

«Альчинский мост», где дислоцировались армейские части: артиллерийский полк, батальон материального обеспечения и саперный батальон. Это был обустроенный гарнизон (промежуточная база снабжения Кундузской дивизии). Руководство пограничных войск пыталось решить вопрос с Министерством обороны о том, чтобы после вывода дивизии военный городок передали бы пограничникам. Но решение не состоялось. Гарнизон передавался афганской стороне с работающей инфраструктурой, техникой, вооружением, средствами связи вплоть до заправленных кроватей и сервированных столов. Армейцы уходили на машинах (не на бронетехнике), только с автоматами и подсумками с двумя магазинами.

Техника, вооружение передавались подразделениям МВД Афганистана, а конкретно – полку царандоя под командованием полковника Раима Палвана. Через какое-то время мы с ним встретились. Он говорит: «Командор Пируз, я там со склада боеприпасы взял, какие необходимо – к пулеметам, гранатометам, стрелковому оружию – но там еще есть такие боеприпасы, которые мне не нужны, а сил, чтобы охранять этот склад, у меня нет».

Я доложил руководству по ситуации со складом и мне тут же дали команду отправиться в гарнизон и разобраться.

8 августа я вылетел на склад с одним из подразделений десантно-штурмовой маневренной группы. С высоты птичьего полета мы увидели огромную складскую территорию, гектаров 20, наверное. По приблизительным подсчетам реактивных снарядов там было более 5 тысяч. Находились там также боеприпасы к артиллерийским

установкам, танкам. Все это было в открытых капонирах и, естественно, когда я доложил обстановку, мне тут же выслали подкрепление. Мы взяли под охрану склад, выдворив оттуда афганцев. Впоследствии все эти боеприпасы были уничтожены нашим саперным подразделением.

Ровно через неделю сложилась очень серьезная ситуация в нашей зоне ответственности в провинции Кундуз. Та техника, которую дивизия передала афганцам – танки, БМП, БТРы, – перешла на сторону вооруженной оппозиции. У противника появилась серьезная бронетехника, артиллерия. Долина Ханабад шириной порядка 8 километров была полностью покрыта «зеленкой». Невдалеке Альчинский мост и прямая сорокакилометровая асфальтированная дорога до порта Шерхан, то есть до границы СССР.

То, что наша техника перешла на сторону «духов», очень встревожило руководство. Армейцы начали предпринимать какие-то действия, а мы выставили мотоман-

группу на Альчинском мосту. Из вооружения у нас была одна установка «Град», шесть 120-мм минометов и БМП с БТРами.

Хорошо, что, благодаря запасам на складе, у нас были неограниченное количество боеприпасов к «Граду» и замечательный артиллерист, офицер оперативной группы «Душанбе» майор Игорь Николаевич Кожемякин. С нашей высоты долина была видна как на ладони, дорога одна, техникой особо не маневрируешь, и мы начали громить колонны «духов» этим самым «Градом». В день уничтожали, бывало, до 10 единиц бронетехники противника.

На высоте мы для них были практически неуязвимы. Были, конечно, попытки нанести по нам удар, но нам предоставлялась возможность опережать противника. Тактика обычная: поражаем передние и последние машины, а дальше долбим всю технику, которая встала посредине. Установка «Град» за 5 дней выпустила более 500 реактивных снарядов. Об этом я, естественно, докладывал в от-

БМП, подорвавшаяся на mine

ряд. Отряд в округ. Об уничтоженных танках, БТРах, БМП. Наверное, наверху не очень верили в такие масштабы, хотя по нашим подсчетам мы уничтожили более 30 единиц бронетехники. Позже армейцы начали проводить соответствующую операцию: со стороны Мазари-Шарифа выдвинулись подразделения 40-й армии на разгром группировки, которая перешла на сторону «духов».

Между тем у меня в гарнизоне приземлился вертолет, на борту которого находился замминистра обороны Афганистана генерал Ацак с советниками. Согласовали взаимодействие. По заявкам командования Министерства обороны Афганистана наносили удары на расстоянии до 20 километров и продолжали бороться с бронетехникой противника на нашем направлении.

Бои с этой группировкой продолжались дней семь.

В ноябре во время нашей очередной встречи генерал Ацак проинформировал меня, что в августе было уничтожено более 80 единиц бронетехники. За 10 лет эта операция фактически стала первой и единственной, когда противник наступал на наши подразделения в Афганистане с использованием бронетехники.

Эпизод 4.

Ноябрь 1988 года

Руководство пограничных войск обеспокоилось обстановкой на кундузском направлении. Для усиления группировки с Восточного округа дополнительно нам перебросили мотомангруппу, на вооружении которой стояли БМП. Таким образом, на Альчинском мосту оказались сразу две мотомангруппы. Когда для встречи с генералом Мартовицким прилетел

замминистра обороны Афганистана генерал Ацак, меня представили как командира пограничной дивизии, которая вышла на этот рубеж. После этого за мной и закрепилось неформальное – «Комдив».

Мы изображали активное движение бронетехники, ходили по маршрутам. В военном городке армейского гарнизона, который покинул Альчинский мост, мы взяли трубы, понастроили из них ложных огневых позиций. После этого при облете с вертолета наш гарнизон выглядел достаточно грозно.

В конце октября – начале ноября Иван Михайлович Коробейников, командующий округом, вызывает меня на связь и ставит задачу: к 7 ноября деблокировать Кундуз. Я с двумя мотомангруппами должен был зайти в город и «поиграть мышцами».

Я неплохо знал Кундуз, раз пять проезжал по этому городу и по долине Ханабад. В маленьких улочках Кундуза, я это понимал, с техникой особенно не развернешься, но приказ есть приказ. До вывода

войск оставалось три месяца. Очень не хотелось бы терять людей, которые в общем-то уже выполнили все поставленные задачи.

Нужно было думать, как выйти из этой ситуации. И вот как-то ночью я сижу в блиндаже, слушаю по радио новостной блок, а там передают: советские войска поставили в северные провинции Афганистана тактические ракеты и ими наносят удары. Интересная мысль! А что, если на базе нашего гарнизона сделать имитацию установок тактических ракет? Докладываю руководству, и решение утверждается.

И вот с территории Союза нам доставили бомбоукладки – это такие решетчатые деревянные основы для авиационных боеприпасов. Мы их скрепили между собой, затянули маскировочными сетками и периодически запускали дымовые шашки. Этим занимался замначальника тыла отряда Виктор Адамович Полосенко. Таким образом в течение двух дней были оборудованы ложные огневые позиции тактических ракет.

Полковник Раим Палван докладывает обстановку в районе Альчинского моста генерал-майору А.Н. Мартовицкому и майору П.П. Перепаде

Я пригласил на встречу командира полка царандоя Раима Палвана и попросил его на всем маршруте от Альчинского моста до порта Шерхан поставить блокпосты и ловить людей с видеокамерами и фотоаппаратами, намекая ему на секретность систем вооружения, находившихся в гарнизоне.

Вертолеты афганской армии летали в стороне от наших позиций, но после выставления «макетов» установок стали кружить прямо над нами. Немного позже стали поступать заявки от Министерства обороны Афганистана на нанесение ударов по противнику на расстояние 60 км от места дислокации моего гарнизона – значит, все уловили информацию о тактических ракетах. Что же делать? Мы заказали через руководство округа бомбо-штурмовые удары по тем координатам, которые давали афганцы, а сами подстраивались по времени и имитировали пуски ракет. Видимо, делали мы это достаточно успешно – в начале ноября 1988 года «духи» отошли от Кундуза. А противник там был грозный – известный многим «инженер» Башир.

Весь смысл этой операции в том, что мы не стали рисковать людьми, не пошли в узкие улочки Кундуза, а провели классическую по всем канонам дезинформацию – только не противника, а нашего союзника. А от него информация уже «утекла» к «духам».

Эпизод 5.

Февраль 1989 года

Эта история о передислокации мотомангруппы «Нанабад». Раньше на месте дислокации мотомангруппы стояла застава. Гарнизон небольшой, находился на окраине населенного пункта Нанабад, по периметру – минное поле, карт которого, кстати, у нас не было. Мы

На КНП в районе Альчинского моста. Майоры П. Перепада и С. Мартьянов

знали, что там противопехотные мины, поля были ограждены колючей проволокой. Подъезд к нашему гарнизону был по улочкам Нанабада, мимо рынка. А за нашим гарнизоном – сопки, с которых, если там разместиться, мы видны как на ладони.

Этим и воспользовались боевики в преддверии вывода наших войск из Афганистана. Когда мне задачу о выводе этого гарнизона поставил начальник отряда Игорь Афанасьевич Харьковчук, он спросил:

– Как будешь идти через населенный пункт?

Я ответил:

– Не пойду через него, зайду с сопки.

– Уверен?

– Да.

– Действуй.

И вот рано утром я подхожу к гарнизону. Он блокирован. На сопках, метрах в ста, моджахеды установили ДШК, органы власти Нанабада в то время уже перешли на сторону «духов». Не помню фамилию их полевого командира, на-

зову его Абдулла. Так вот рано утром внезапно мы с сопки вышли и встали прямо в боевой порядок боевиков. Практически уперлись в ДШК сзади нашим КПВТ. Пулеметчик, который сидел за ДШК, быстро вскочил. Я говорю ему: «Вызывай своего командира, Абдулла». Расположились, я поддерживаю связь, дал команду мотомангруппе быть в готовности к разминированию маршрута и выводу техники. Спланировали мы так, что перед выходом весь наш гарнизон был готов поддержать мой рейд на сопки.

И вот подъезжает полевой командир Абдулла. Небольшого роста, в американском камуфляже, на боку маузер висит на ремешке. Поздоровались. Абдулла говорит: «Технику и вооружение оставляйте, тогда мы вас не тронем, пускай гарнизон выходит». Я отвечаю через переводчика: «Абдулла, мне говорили, ты такой храбрый командир». Он довольный стоит, улыбается. «А ты трус какой-то», – продолжаю. На его лице недоумение. «Я-то к тебе на-

встречу без оружия вышел (реально ничего из оружия со мной не было). Он засмутился, снимает маузер, кинжал, отдает водителю. Говорю ему: «Давай чай поьем». Сели, пьем чай – все это на глазах нашего гарнизона, жителей Нанабада, они тоже на нас смотрят. «Слушай, Абдулла, – говорю. – У меня появилось новое оружие, хочу тебе показать». Невдалеке стояло здание хлопкового заводика – глинобитное строение. Я дал команду двум огнеметчикам положить заряды огнемета в проемы окон здания. И по моей команде они выпустили заряды, которые попали точно в цель. Вспышка, столб дыма, пыли. И, когда все это оседает, здания уже нет. Абдулла спрашивает: «Командор Пируз, а где здание?» – «Ну, вот такое у меня оружие», – отвечаю.

Подожли к окраине Нанабада. Тишина, утро. Из труб идет дымок, птички поют.

«Смотри, – говорю, – Абдулла. Если хоть один выстрел прозвучит, весь кишлак вот так сожгу». «Командор Пируз, даже полвыстрела не будет».

После этого я отдал команду начать движение из нашего гарнизона. Абдулла стоял рядом со мной. Вот таким образом мы вывели гарнизон «Нанабад» без единого выстрела (если не считать тех двух выстрелов из огнеметов «Шмель» по зданию). Абдулла спрашивает: «Ты мне на прощание что-нибудь подаришь? Может, хоть ГАЗ-66?». Я беру картонку от коробки с рафинадом, с которым чай пили, пишу на ней «ГАЗ-66». «Придешь в порт Шерхан, покажешь картонку, скажешь «от командора Пируза», тебе выдадут ГАЗ», – отвечаю.

Там действительно была техника, которая шла в Кундуз по линии гуманитарной помощи, афганцы

ее бросали, можно было бы, наверное, и отдать. Но не знаю, пришел Абдулла за «подарком» или нет.

Эпизод 6.

Январь 1989 года

4 января 1989 года у меня в Ашхабаде родилась дочка, Машенька. По традиции меня должны были отпустить на несколько дней, чтобы я мог слетать к семье. Руководство согласовало отпуск. В канун моего убийства в гарнизон «Альчинский мост», где я находился, прилетела пара вертолетов Ми-8: разведчик и вертолет прикрытия. На одном был командир экипажа Шарипов, на втором – Попков. Я сориентировал их по обстановке, рассказал, где находятся наши подразделения, и они пошли работать по плану.

К 12 часам на двух бортах прилетел генерал-майор Анатолий Нестерович Мартовицкий, мы обсуждали план какой-то небольшой операции, и вдруг садится подбитый вертолет Валеры Попкова. Сам он с трудом выводит Шарипова, который сильно хромает. По

докладу я понял, что под Ханабадом сбили наш вертолет. Надо сказать, что на этом направлении уже не было ни армейских сил, ни наших. Незадолго до этого мы нанесли серьезные удары по противнику и ранили самого «инженера» Башира. Его тогда эвакуировали в Ханабад. И тут наш вертолет сбивают «стингером». Ильгиз Шарипов успел выпрыгнуть с парашютом. Валера Попков, его ведомый, подсел, подхватил Ильгиза, получил 27 пробоин, но смог забрать его. А экипаж вместе с операторами техники, которая там находилась, погиб под Ханабадом.

Естественно, ни о каком моем отпуске речи уже не шло. Мне была поставлена задача с двумя десантно-штурмовыми маневренными группами забрать тела погибших.

Мне генерал Мартовицкий задал вопрос: «Какие потери предвидишь?». Ответил честно: «Процентом 30, Анатолий Нестерович, даже при сильной огневой поддержке, но будем стараться минимизировать». Ночью сижу и думаю: «До вывода осталось меньше

Капитан И. Шарипов, подполковник П. Перепада, полковник В. Вахренев, подполковник С. Алексеев после вручения орденов Красного Знамени. Октябрь 1990 г.

месяца. Каким же образом погибших ребят забрать?» Я лично взаимодействовал с начальником ХАДа Кундузской провинции генералом Тадж-Маматом, даже был с ним, можно сказать, в приятельских отношениях. Выхожу на него, у меня даже до сих пор позывные в памяти: «Чарсаду ноу, мен Наваду ноу, мара мещневи? (как слышишь меня?)». Он отвечает. Я ему условно, законспирированно даю информацию, что сбит наш вертолет, погибшие на месте крушения находятся.

Через два часа Тадж-Мамат сообщает, что направляет в Ханабад старейшин. Я не докладываю эту ситуацию руководству, ведь до этого было несколько неудачных попыток забрать тела, эта тоже может сорваться. И когда уже ранним утром Тадж-Мамат сообщил, что тела погибших привезли в Кундуз, и сейчас им отдадут воинские почести – «накроют парчой», как он мне сказал, и будут выдвигать на Альчинский мост – только тогда я доложил Мартовичкову.

Он прилетел вместе с командиром Душанбинского авиационного полка Дятловым, кто-то еще был из летчиков для опознания. Все с недоверием отнеслись к этой информации. И вот стоим мы на КНП, генерал спрашивает: «Ну, где твои старейшины?». А две ДШМГ уже готовятся выдвигаться. И тут появляются старейшины, целая колонна. Анатолий Нестерович говорит: «Петя, садись в вертолет и лети к семье, не надо тебе сейчас на погибших смотреть». Мы к концу войны совсем суеверными стали.

Я на борт, лечу в Пяндж, там минут 40 на то, чтобы переодеться, снова в вертолет, который меня вывозит в Термез, где меня дого-

няет информация: тела погибших уже опознали и вывезли в Душанбе. А в Термезе садится Ан-26, за штурвалом начальник авиации округа генерал Евдокимов. Машет мне с окна: «Садись!» Я сажусь в самолет, а там уже стол накрыт – помянули погибших ребят.

Мы не оставили ни одного человека из наших погибших офицеров, сержантов, солдат на территории Афганистана. Забрать и похоронить их с воинскими почестями была наша святая обязанность. Нужно отдать должное афганцам – они не глумились над телами погибших. За спасение командира Валера Попков позже получил звание Героя Советского Союза, я подписывался на его представлении вместе с командиром полка. А с Шариповым мы вместе в 1990 году получили ордена Красного Знамени.

Эпизод 7.

Февраль 1989 года

Гарнизон «Имам-Сахиб» выводили в Шерхан в последнюю очередь. Гарнизон был блокирован «духами», но с их старейшинами

была договоренность, что личный состав будет выведен, а здания и сооружения переданы органам, установившим там власть. Технику мы вывели, немного изменив маршрут, проделав в минном поле проход. До Шерхана было около 7 километров и пришлось сделать 5 рейдов с бронегруппами в течение дня по этому маршруту, чтобы вывести колонны ММГ. В целом операция прошла удачно, без единого выстрела. Только утром, когда я первый раз шел в Имам-Сахиб, сидя на броне командно-штабной машины, вдоль дороги стояли «духи» с мегафонами, вооруженные и что-то вещали на своем, вроде: «Советские, убирайтесь!», снимая наш выход на камеры. И вот ко мне на БТР прыгает один боевик – заглянуть, что там, в БТРе, находится. Пришлось ему врезаться как следует, чтобы улетел с бронетранспортера в арык. Удивительно, но остальные «духи» заплодировали, закричали: «Командор Пируз, молодец!» Силу они, несмотря ни на что, уважали, да и авторитет у «командора» к тому времени среди них уже был.

Майор П.П. Перепада докладывает генерал-майору А.Н. Мартовичкову о готовности к выводу пяти мотомангрупп на советскую территорию, 15 февраля 1989 г.

Полковник В.О. Полунина и майор В.М. Насекин руководят переправой боевой техники по понтонной переправе через реку Пяндж, 15 февраля 1989 г.

В СМИ широко освещался вывод 40-й армии, а про нас молчали. Генерал Громов тогда сказал, что будет последним выходить из Афганистана. После этого за звание «последнего» стали бороться. Когда встал вопрос о выводе ограниченного контингента пограничных войск с территории Афганистана по понтонной переправе, установленной саперным подразделением ТуркВО порт Шерхан – Нижний Пяндж, Анатолий Нестерович Мартовицкий сказал: «Организацию непосредственной подготовки и обеспечение прикрытия переправы возлагаю на майора Перепаву». Когда пять ММГ уже были построены, приехало руководство Кундузской провинции, я доложил генералу Мартовицкому, что войска к выводу готовы, и после митинга мы начали движение. Замысел был такой: наши гарнизоны выдвигаются в нижний Пяндж, армейцы разбирают понтонную пе-

реправу, за моей группой в составе 30 человек выходят катера и забирают нас на советскую территорию. Несколько офицеров управления войск округа и оперативной группы изъявляли желание остаться с группой прикрытия и последними выйти с территории Афганистана. Но полковнику Виктору Полунину, начальнику инженерной службы оперативной группы, удалось убедить Мартовицкого в том, что понтонная переправа – инженерное сооружение, и непосредственная его, Полунина, обязанность осуществлять за ним контроль.

Подразделения афганских вооруженных сил вторым эшелоном осуществляликрытие переправы, поэтому особо напряженной ситуации не было. Мы наблюдали, как в метрах ста от нас на нашей территории уже играет музыка, идут торжества. Встречает наши подразделения руководство Тад-

жикистана, Пянджа, Курган-Тюбинской области, Дусти. Даже запах плова до нас доносился. Мы наблюдали, как разбирается понтонная переправа, а катера не могут к нам пробиться – нанесло песка и образовалась отмель. Тогда было принято решение забрать нас двумя вертолетами. Полковник Полунина говорит мне: «Товарищ майор, я старше вас по званию, поэтому я последним сяду в вертолет». Я молча кивнул. Полунина стоит рядом с вертолетом и повторяет: «Я старший по званию, я последний зайду!» «А я зато здоровее», – в последний момент сказал я и на руках занес его в вертолет, после чего запрыгнул в машину сам. Через две минуты мы уже были на нашей территории...

Но война на этом не закончилась. Для меня она продолжалась еще до сентября 1992 года...

... Все дальше в историю уходят те напряженные будни афганской войны. Все чаще мы узнаем о том, что уходит из жизни кто-то из наших боевых товарищей. Потому считаю своим долгом назвать хотя бы своих однокашников по Московскому высшему пограничному командному Краснознаменному училищу КГБ СССР им. Моссовета 1977 года выпуска, которые прошли испытание Афганистаном и были награждены за свой ратный труд боевыми орденами и медалями. Это В.А. Белюков, К.Е. Воробьев, Р.Г. Гильмияров, А.М. Горюнов, А.Л. Грицков, М.Д. Елеусизов, К.Д. Закурдаев, Г.П. Ильченко, А.Д. Крылов, В.П. Малков, В.П. Мельников, В.В. Потылицын, А.В. Романовский, Н.И. Селиванов, В.П. Синев, А.Г. Сулим, В.В. Харитонов, Р.Р. Шакирзянов, В.А. Щербин.